Свободный мир

Полина Кулагина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2080 год. Государства остались в прошлом. Корпорации разделили мир на подконтрольные им сектора. Равенство и свобода в этом мире — не более, чем иллюзия. Но даже это хрупкое равновесие под угрозой: одна из корпораций применяет информационное оружие, позволяющее управлять людьми, изменяя их воспоминания. Удастся ли остановить распространение информационного оружия? Можно ли остаться свободным в мире, где правила диктует технологический прогресс? И что вообще значит это «остаться свободным»?

- Полина Кулагина
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV
  - XXV
  - XXVI
  - XXVII
  - XXVIII
  - XXIX
  - XXX

- ○ XXXI
- ○ XXXII
- ○ XXXIII
- ○ XXXIV
- ○ XXXV
- ○ XXXVI
- ○ XXXVII
- ○ XXXVIII
- ○ XXXIX
- ○ XL
- ○ XLI

Полина Кулагина
СВОБОДНЫЙ МИР

I

По обе стороны от машины, насколько хватало взгляда Эмри, простиралась изумрудная тайга, отчерченная от дороги несколькими рядами колючей проволоки. За проволокой давно уже нечего было охранять, но никто: ни Третий, ни Четвёртый сектора, ни даже всесильный Комитет по этике — не стали бы совать туда свой нос, и на то были свои причины. Старый грузовик, ведомый доисторическим автопилотом, подпрыгивал на каждом ухабе так, что она каждый раз мысленно прощалась с жизнью и ставила под сомнение разумность искусственного интеллекта, управляющего машиной.

— Боишься? — несколько снисходительно, как ей показалось, поинтересовался её спутник, который, ко всему прочему, был лет на десять моложе Эмри.

Он был занят тем, что играл в пожирающую время и мозг онлайн-игру, но ровно до того момента, пока соединение не пропало. Это, видимо, и заставило его не на шутку разволноваться: он даже сменил свою нагловато-расслабленную позу на более напряжённую, оторвав спину от кресла и слегка наклонившись вперёд.

Эмри очень хотелось не удостоить его ответом, промолчав или неопределённо хмыкнув, но волей судьбы они оказались с этим человеком вместе в одной из самых опасных точек планеты. Она чувствовала себя обязанной поддерживать диалог. Слова звучали фальшиво: несмотря на всё, ей не удалось создать иллюзию дружелюбия, выдавив из себя благожелательный тон.

— А ты нет? Я в отличие от тебя под защитой комитета, у меня спецдопуск, — ответила она.

Её коротко стриженный и одетый в мятую военную форму Третьего сектора спутник явно был уязвлён и выразил это гадким смешком.

— Допуск — грёбаная бумажка, да всем…

Он вдруг замолчал, увидев вдалеке блокпосты. Они покидали территорию сектора.

Эмри не призналась бы в этом никому, но ей действительно было страшно. «Всё нормально, — сказала она себе. — Это очередное задание».

Она никогда не умела успокаивать себя. Это было не просто очередное задание. Впервые за последние десять лет она покинула Северную Америку и впервые за последние восемнадцать оказалась в Третьем секторе, полном неприятных для неё воспоминаний. Более того, она направлялась туда, где

эксперты комитета не бывали почти два десятка лет. Чем её опыт, опыт человека, всю карьеру проведшего в кабинетах и на переговорах, мог быть полезен в инспектировании Четвёртого сектора, одного из самых закрытых в мире?

«Аналитический ум и решительность», — лаконично пояснял Джеймс Роулс, глава Комитета по этике и один их самых влиятельных людей мира. Он говорил ей о шансах выдвинуться и о том, насколько ей повезло быть выбранной, о гарантиях её безопасности. Но Эмри не была глупа. На такие задания никогда не отправляли таких, как она. Да, Комитет по этике уделял равноправию максимально возможное внимание, но одно дело равноправие, совсем другое — отправлять неподготовленного эксперта чуть ли не в одиночестве в сектор, где грубая сила — единственный аргумент в споре.

«Знает язык и понимает специфику региона», — значилось в характеристике, данной Эмри ещё одним членом комитета Хелен Сонцев. Ха. Эмри вовсе не была уверена, что поймёт ту дикую смесь языков, на которой говорят в Четвёртом секторе. Она просто не могла этого знать наверняка, как и госпожа Сонцев. Там, в конце концов, уже почти двадцать лет не был никто, кроме делегаций Третьего сектора, с которым Четвёртый торговал. Никакой специфики региона она не понимала.

«Безупречная репутация, безукоризненная многолетняя служба в различных департаментах дают основания считать г-жу Эмри Д. лучшей кандидатурой для данного задания», — словно в насмешку над ней подытоживал Роулс. Эмри чувствовала его сарказм. Её репутация, если и оставалась «безупречной», то лишь потому, что никому не интересно было копаться в биографии женщины, за восемнадцать лет службы так и не ставшей членом Комитета по этике, довольствующейся должностью старшего эксперта, которых, кроме неё, было ещё несколько сотен. Пойди она дальше — и даже фактов, лежащих на поверхности, хватило бы, чтоб обвинить её во многих сомнительных с точки зрения закона и этики вещах. Да, она любила свою работу и не менее искренне, чем полноправные члены комитета, разделяла идеалы свободного мира. Она надеялась, что именно это соображение Джеймс держал в уме, направляя её на это задание. Потому что, если соображения были иными…

Ей не хотелось об этом думать. Он знал о ней слишком много. Настолько, что ей было мучительно стыдно смотреть на него в некоторые моменты, хоть он и уверял её, что стыдиться нечего. Он знал её с семнадцати лет, когда ему самому не было ещё и сорока. Часто она думала о том, что лучше бы их связывала физическая близость, это было бы постыдно, но куда хуже дела

обстояли на самом деле. И при всём этом Эмри восхищалась Роулсом. Пожалуй, это был единственный человек, к которому она испытывала это чувство. Впрочем, она была далеко не единственной в своём восхищении. Последние двенадцать лет Роулс ежегодно избирался главой Комитета по этике — беспрецедентно длинный срок. Он умел привлекать к себе людей.

Пограничник Третьего сектора даже улыбнулся им, пропуская, хотя Эмри это показалось нисколько не уместным. Ещё каких-нибудь триста метров по плохой дороге — и им предстоит самая опасная часть задания.

— Ну чего, удачи нам с тобой, Машка, — с нервным гоготом выпалил её сопровождающий, и тут силы Эмри поддерживать дружественный тон окончательно её покинули. Она хотела поставить его на место, но язык онемел, предчувствие говорило о том, что сейчас не до выяснения отношений. Впрочем…

— Останови машину. Здесь. Это приказ, — резко и холодно сказала она.

— Зачем? — не понял спутник, но приказу подчинился. Грузовик остановился. Пост был впереди, отсюда уже были видны ворота с ограничителями и проволока, которая теперь тянулась не только параллельно дороге, но и перпендикулярно.

— Выходи из машины, возьми все документы и иди туда, чтобы я тебя видела. Узнавай, всё ли в порядке.

Если что-то пойдёт не так, у неё будет хотя бы какой-то шанс спастись, отключив автопилот и задним ходом или перебежками преодолев несколько сотен метров, отделявших её от Третьего сектора.

— Так а почему я должен? — несколько плаксиво спросил ещё пять минут назад рисовавшийся спутник. — Пойдём вместе, всё ведь в порядке.

— Тебе напомнить, что ты нанят для обеспечения моей безопасности? — сдержанно поинтересовалась Эмри. — И вообще тебе что, легче станет, если нас обоих убьют?

— Ну ты и ссыкло, — её спутник, выругавшись, вырвал из рук Эмри документы, громко хлопнул дверью машины и спешно направился к заставе.

Эмри успела пересесть на его место, опустить стекло, вновь завести мотор, выключить автопилот. Она делала всё это быстро и практически не думая, хотя руки её дрожали.

Меньше минуты — и он уже был там, с водительского места она видела, как он трясёт документами перед двумя людьми в чёрных головных уборах. Спустя ещё бесконечные полминуты они кивнули, её спутник обернулся и сделал не то ободряющий, не то призывающий жест.

Она уже подъехала вплотную к воротам настолько, что разглядела узкоглазые и смуглые, почти кирпичные лица пограничников и отличительные знаки на их головных уборах и плечах. Интерес переборол страх. Она вглядывалась вдаль, за пропускной пункт, туда, где простиралась неведомая, но, вне всякого сомнения, несчастная земля Четвёртого сектора.

В этот момент раздались выстрелы, её сопровождающий упал, а её саму спустя доли секунды выволокли из машины двое, бросив на землю и чем-то оглушив. У неё больше не было шансов спастись.

Крики. Ещё доля секунды — и она поняла, что всё ещё жива, и внезапно — что не боится умереть. Она боялась, сидя за рулём автомобиля. Боялась, вылетая из Первого сектора. Отчаянно боялась умереть, прощаясь с близкими перед отъездом.

Теперь её страх исчез. Она прожила замечательную жизнь. Своими руками изменила её, вырвавшись из Третьего сектора, построив здоровые отношения с миром и окружающими. Она вспомнила сад, густой зелёной стеной окружающий её маленький дом, оставленный на другом континенте. Она была счастлива, лёжа в грязи, чувствуя металлический вкус крови во рту, она надеялась, что ей не придётся мучиться.

Выстрелы не прекращались. Она отчаялась понять, что происходит, хотя слух и способность мыслить к ней уже вернулись. Оцарапав локти, она подтянулась к ним всем телом и заползла под машину. Никто её не остановил. Люди, выволокшие и оглушившие её, были убиты. Как? Она не заметила этого. Поняла лишь, что их застрелили.

Ещё несколько минут она провела в оцепенении, глядя на то, как вокруг неё что-то бесконечно взрывается и падают на землю люди. Она слишком много раз уже избежала смерти. Настолько, что почти начала верить в судьбу и предназначение; верить, что высшие силы её берегут.

Она вскрикнула, когда спустя бесконечность ожидания чьи-то руки вытащили её из-под машины и аккуратно посадили на землю. Человек с оружием сел рядом с ней, внимательно глядя через прицел из-за машины на то, что происходило на стороне Четвёртого сектора. Эмри хотела разглядеть его лицо, но её взгляд замер на уровне плеча мужчины: он был одет в форму Третьего сектора.

Пограничный конфликт? Война? И неужели… из-за неё? Этого просто не могло быть. Третий сектор обязан был обеспечивать безопасность экспертов комитета на своей территории. Вторгаться на территорию других секторов не только не входило в его обязанности, но и противоречило всем нормам

права, установленным Конвенцией шестьдесят пятого года о секторальном делении Евразии.

И из-за чего? Третий сектор не воевал с Четвёртым добрый десяток лет.

— Туда, живо, — человек в форме Третьего сектора подтолкнул Эмри в сторону колючей проволоки, в жёстких линиях которой она заметила прореху.

Проскользнув через развороченный забор на нейтральную зону и оказавшись в густой еловой тени, Эмри чуть было в очередной раз не вскрикнула от удивления: лес кишел военными Третьего сектора, ведущими огонь из-за проволоки. Сопровождающий не позволил ей распрямиться, в полусогнутом положении они быстро уходили всё дальше и дальше от блокпоста Четвёртого сектора. Эмри обернулась, услышав чудовищный звук, и сквозь деревья увидела взрыв. Она поняла, что взорвался её грузовик.

Они не прошли и двадцати метров, как выбрались к вырубленной в гуще леса площадке, на которой их ждал бронированный аэромобиль. К этому моменту Эмри успела лучше рассмотреть человека, который её спас. Лет ему было около сорока, хотя вполне возможно, что и все пятьдесят. Эмри испытывала сложности с определением возраста местных. Внешний вид его смело можно было назвать неприятным: при общей одутловатости он имел отталкивающе криминальное лицо с низко нависшими над раскосыми глазами бровями.

Сев на заднее сиденье машины, Эмри, всё ещё пребывающая в состоянии оцепенения, попыталась прикинуть количество нарушений закона, зафиксированное ею. Нарушение границ сектора и нейтральной зоны с одной стороны, нападение на аккредитованного эксперта комитета с другой. Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на главном. Она всё ещё не понимала, что происходит.

Она вздрогнула и открыла глаза, когда что-то влажное коснулось её щеки. Человек, двадцать минут назад спасший ей жизнь, сидел теперь вполоборота к ней на переднем сиденье и, полубезумно глядя на неё, вытирал ей лицо салфеткой.

— Вы замечательно выглядите, Эмри. Как и всегда.

Она не отреагировала на это, у неё просто не было сил, чтобы придумать вразумительный ответ. Впрочем, обращение на «вы» хоть обнадёжило Эмри, хоть и слабо. Она забрала у него салфетку.

Машина медленно поднималась над лесом, направляясь в сторону от Четвёртого сектора, а неприятный спутник всё продолжал разглядывать Эмри так, будто ей было восемнадцать,

будто она только что не извалялась в грязи, расцарапав половину лица и заработав несколько синяков.

Ей было не по себе от его взгляда, диссонирующего со всем обликом, и она испытала облегчение, когда спустя некоторое время он отвернулся, и увидев внизу блокпосты Третьего сектора, произнёс: «Добро пожаловать домой».

— Зачем вы спасли меня? — охрипшим голосом спросила Эмри. И у неё было ещё множество вопросов.

— Я не мог этого не сделать, — ответил незнакомец, всё так же отрешённо глядя в окно. — Вы бесконечно важны для нашего сектора.

Она хотела заметить, что не была здесь больше восемнадцати лет и ничего хорошего здесь не сделала, тем более хорошего настолько, чтобы прагматичное руководство сектора согласилось вступить из-за этого в войну с главным торговым партнёром, но замерла на полуслове.

— Но я…

Она начинала понимать. Всё складывалось в её голове в единую картину. Пугающую её, но в ещё большей степени внушающую раздражение и отвращение.

Да уж, она действительно была в безопасности, правда, в несколько специфическом понимании этого слова. По крайней мере, она была последним человеком в Третьем секторе, которому хотя бы гипотетически могла грозить смерть. Она в который раз за день мысленно попрощалась со своим настоящим домом. Теперь (а Эмри была в этом практически уверена) ей никогда уже не пересечь границу Третьего сектора, несмотря на все усилия комитета. Да и нужна ли она была комитету настолько?

И всё же по мере удаления от границы с Четвёртым ей становилось немного легче. Её лицо даже посетила мрачная улыбка, когда она вспомнила свои панические мысли о покровительстве высших сил. О, тогда она попала в самую точку.

Взяв себя в руки, Эмри направила все свои мысли на то, какую пользу она может теперь принести комитету.

— Мы ведь летим сейчас в корпорацию? — поинтересовалась она со спокойной улыбкой, давая понять, что она отдаёт себе отчёт в происходящем.

— Нет, конечно, нет, — поспешил уверить её спутник. — Вам нужен отдых, ванна и осмотр врача.

Она снова мрачно улыбнулась заботливости, проявляемой в её отношении.

— Спасибо, я в порядке, — солгала она, — не надо меня осматривать. Так куда вы меня везёте?

— Сейчас в одно место, где вы сможете спокойно отдохнуть в комфортных условиях, а утром — куда скажете.

Эмри посмотрела на него с недоверием.

— М, а скажем, что если я захочу покинуть территорию сектора?

— Тогда мы закажем вам самолёт.

— То есть вы хотите сказать, что я не задержана и могу вернуться в Первый сектор?

— Мы так и думали, что вы это сделаете.

Эмри прекрасно понимала, что это блеф, и ждала, когда же будет раскрыт подвох.

— А что взамен? Я должна молчать о том, что тут произошло?

— Молчать? — тут собеседник, кажется, и впрямь удивился и вновь обернулся к ней. — А смысл?

— Вы же понимаете, я не об этом. Не о факте столкновения. А о том, почему оно, это столкновение, произошло.

Сопровождающий вновь безумно улыбнулся ей, а она вновь отметила, что его внешность никак не вяжется с взятым им тоном.

— Дорогая Эмри, вы можете говорить всё, что угодно, абсолютно всё.

— Потому что мне никто не поверит?

— Потому что мы рады тому, что вы здесь.

— Да вы издеваетесь, — не выдержала этого притворно-слащавого тона она. — Меня бы здесь не было, если б не действия вашего сектора, ведь так? Это вы требовали, чтоб отправили именно меня?

Её спутник, казалось, растерялся.

— Я не владею подобной информацией…

— Не валяйте дурака, я знаю, что происходит. Так что отвечайте. Это так?

— Насколько мне известно, это не так. Сектор никак не влиял на ваше назначение.

Эмри даже развеселило всё это. Не будь её подозрения оправданными, этот человек ни за что не вёл бы себя подобным образом, а как минимум возмутился бы её наглости: он спас её, жертвуя собственной жизнью, а она не проявляла ровным счётом никакой благодарности.

— Мне нужно срочно связаться с моим начальством.

— Пожалуйста, — спутник явно не понял её намёка.

— Наедине.

Он кивнул. Меж тем машина плавно села посреди какого-то пустыря и поехала к маленькому павильону, который только

теперь стал заметен вдалеке. Со всех сторон их окружало поле, трава на котором была не то стоптана, не то просто выжжена солнцем.

Эмри сделала сигнал притормозить и в два счёта выскочила из машины. Мужчина не сделал ничего, чтобы ей помешать. Она пробежала метров сто в противоположную сторону и остановилась, чтобы набрать Роулса. К её удивлению, он ответил ей сам.

— Эмри? С тобой всё в порядке?

— Да, — ответила она, не выпуская из поля зрения машину, остававшуюся всё там же, где она её покинула.

— Ты, кажется, пострадала, мне так сообщили, — участливо заметил он.

— К чёрту, Джим. Я хочу выдвинуть обвинения.

— Я уже это сделал. Мы найдём виновных и заставим Четвёртый сектор их выдать. У нас достаточно ресурсов…

— Нет, послушай, — она представила, как он, должно быть, удивился тому, что кто-то посмел его перебить, и продолжила, — я хочу выдвинуть обвинение против Третьего сектора.

— Что ты сказала?

— Обвинения в применении оружия типа «I-2». И Джим… — она зачем-то стала говорить тише, — это не то, что мы себе представляли. Мы никогда не сталкивались ни с чем подобным.

— Эмри, — глава комитета выдержал внушительную паузу, прежде чем продолжить, — тебе нужно отдохнуть. Мне сообщили, что ты ударилась головой. Я уже побеседовал с нашими друзьями из Третьего сектора, они обещали сделать всё возможное, чтобы ты скорее пришла в себя.

Эмри почувствовала раздражение.

— Ты отправил меня сюда, чтобы услышать, что я думаю по поводу ситуации в Третьем и Четвёртом секторах? Так слушай же! Третий сектор — угроза для всего мира. Неприятность с Четвёртым, пограничный конфликт, моя жизнь — всё это ерунда по сравнению с тем, что всех нас ждёт, если мы не будем действовать немедленно. Ты не понимаешь, что они могут.

— Тебе нужен отдых, а завтра поговорим, — отрезал собеседник, и Эмри явственно представила себе его: с уставшим лицом, в вечной голубой рубашке за пустым тяжёлым столом. — Я выступаю как посредник на переговорах между секторами, у меня глубокая ночь или скорее раннее утро, я по уши завален делами, и я бы хотел, чтобы перед своим докладом ты как следует отдохнула и всё обдумала. Ок?

— Джим, — чуть ли не простонала Эмри, — я прошу тебя, прими мои слова всерьёз. Я собрала целую кучу доказательств.

— Ты ведь знаешь, я всегда уважал твоё мнение. Пришли мне всё, что тебе удалось зафиксировать. Я сейчас же соберу специальное совещание по этому поводу. А ты, пожалуйста, отдохни. До скорого.

— Джим! — она хотела попробовать убедить его ещё раз, но подумала, что в нынешнем своём состоянии не достигнет нужного результата.

— Да.

— Пообещай мне, что вытащишь меня отсюда. Что бы ни произошло.

Он тяжело вздохнул. Роулсу было явно не до неё.

— Тебе ничего не угрожает, ты в полной безопасности. Если в твоих записях найдём что-то важное, я с тобой свяжусь тут же. Но в общем — до завтра.

— Последний вопрос! Обещаю, — уже откровенно отчаянно прокричала она.

— Да.

— Почему на самом деле ты отправил меня? Третий сектор требовал, чтобы приехала именно я?

Возникла небольшая пауза.

— Я рад, что ты догадалась. А теперь — до завтра.

Он отключился, а Эмри почувствовала себя вывернутой наизнанку. Ей хотелось провалиться на месте. Вместо этого она выбрала фрагменты видеозаписей, документирующих её передвижения, и отправила их в комитет.

Сопровождающий подобрал её и отвёз в небольшой провинциальный город образца сороковых годов с маленькими цветными домиками из дешёвых холодоустойчивых панелей. Остановившись у одного из домов, расположенного чуть в отдалении от других, он выбрался из авто и открыл перед ней дверь. Более нелепого зрелища она в жизни не видела: человек с лицом уголовника и манерами прошлого века, расплывающийся в беззубой улыбке.

— Проходите, — он распахнул перед ней красивую дверь из тяжёлого резного дерева, не сочетающуюся с домом настолько же, насколько её сопровождающий контрастировал с собственным несуразным поведением.

С самого порога она ощутила тяжёлый аромат цветов, словно пропитавший всё в этом доме. Она решительно ступила внутрь.

— Позовите меня, если что-то понадобится, — сопровождающий остановился у порога. — Я буду здесь всю ночь.

— Не понадобится, — отрезала она.

Розы, заполнившие всю первую открывшуюся перед ней комнату, были абсолютно отвратительны. Их запах даже заставил

её чихнуть и чуть было не заставил плакать. Эмри быстро прошла через комнату и небольшой коридор и заглянула в следующую. Там, к счастью, цветов было значительно меньше, зато была большая кровать и шкаф, а рядом дверь — как оказалось, в ванную комнату.

Горячая ванна. Именно в этом она сейчас нуждалась. Она распахнула шкаф в поисках полотенца и так и осталась стоять, держась обеими руками за створки: внутри она обнаружила добрую половину собственной одежды, оставленной дома и в сгоревшем грузовике. Она вытащила наугад первый попавшийся жакет, и тут же осознала свою ошибку: это была не её одежда. Вещи были точь-в-точь как у неё, но абсолютно новые. Эмри стало интересно, какая именно одежда тут есть, и она с облегчением отметила, что только та, в которой она появлялась на официальных мероприятиях. Но, в общем-то, это было так себе облегчение.

Ей стало настолько не по себе, что она забыла о ванне и о полотенцах. Из спальни она вновь вышла в коридор и пошла дальше, чтобы убедиться, что в доме никого нет.

По пути ей попалась пустая кухня, а затем столовая с накрытым горячим ужином. Ужин, к счастью, был накрыт на одного.

Эмри остановилась у стола, взяв в руку салфетку с приборами и остолбенело разглядывая свои любимые блюда. Любимые лет восемнадцать назад.

Есть ей тоже что-то не хотелось.

— Эй вы, — крикнула она, высунувшись из-за входной двери, — унесите все букеты, все до одного.

Безумный сопровождающий был тут как тут.

— В чём дело? — живо поинтересовался он.

— В чём дело? — передразнила его Эмри. Ей уже и самой казалось, что она тронулась умом, когда её ударили по голове и уронили на землю. — Немедленно!

Она зашла в дом и повернулась к зеркалу, откуда на неё смотрело собственное испуганное лицо: зелёные глаза, вокруг которых только рисовались первые морщинки, оцарапанная щека и широкие губы, одна из которых была рассечена. Короткие светло-каштановые волосы спутались и испачкались так, что Эмри могла бы испугаться собственного отражения.

— Он что, не мог узнать, какие цветы мне нравятся? — с издёвкой спросила она, успокоившись.

— Ну, — замялся мужчина, собиравший букеты в огромный мусорный мешок, — нам… то есть вам, то есть ему было не до того, чтоб это узнавать.

Она давно уже всё поняла. Но это невольное признание всё равно заставило Эмри вздрогнуть.

— Сделай так, чтоб я тебя больше сегодня не видела, — устало попросила она, вошла в спальную и заперла дверь.

Полотенца обнаружились рядом с глубокой ванной, которая, разумеется, была наполнена и даже покрыта толстым слоем пены. Она разделась и на мгновение полностью погрузилась в горячую воду.

Но долго пробыть в воде она не смогла и вынырнула, ощущая саднящую боль в щеке и других ободранных частях тела.

Спустя несколько минут она вышла из ванной, уже чувствуя себе гораздо лучше и настраиваясь на долгий сон. Она почти забыла о том, что за безумие происходит вокруг неё. Завёрнутая в пушистый халат, она подошла к окну, чтобы занавесить его. На минуту Эмри замерла, глядя на дома в отдалении: их было немного, вероятно около пятидесяти, все на пару-тройку этажей. В них ярко горел свет, и это придавало городку ощущение уюта. Эмри смотрела на огни и чувствовала, что нормальная повседневная жизнь сектора продолжается, и хотя бы это её обнадёживало.

Задёрнув шторы, Эмри потянулась и включила лампу, стоящую рядом с окном. По комнате разлился мягкий приглушённый свет. Она собиралась расправить кровать и хотя бы на время отрешиться от всего. Сон стал её единственным желанием.

Подготовив кровать, она вернулась к окну, чтобы погасить лампу. И вдруг, сама не понимая зачем, она вновь отдёрнула штору. Её взгляд встретил на своём пути лишь непроглядную, совершенно чёрную пустоту.

«Просто выключили свет, — сказала она себе, направляясь к кровати. — У всех, кроме меня». Да и не нужны ей были эти лживые самоутешения. Она уже всё поняла.

Она не смогла убедить себя лечь.

II

Утром спецкомиссия из десяти человек, в которую вошёл и сам Джеймс Роулс, рассмотрела все записи Эмри и коллегиально пожелала ей скорейшего выздоровления и возвращения домой. Всё, что произошло на границе, сочли крайне неприятным инцидентом, но Комитет по этике не стал давать правовую оценку случившемуся, поскольку очевидные нарушения были допущены с обеих сторон. Роулс позвонил в корпорацию Третьего сектора и поблагодарил за оказанное содействие. Всё.

Конфликт между секторами был улажен, а Эмри вылетела в корпорацию, откуда ей предстояло отправиться домой. Её командировка закончилась.

Она пыталась дозвониться до Роулса, но тот улетел во Второй сектор для инспекции каких-то вызывающих опасения генетических технологий и не желал выходить на связь.

Теперь она осталась совершенно одна, насколько вообще можно было остаться одной в Третьем секторе. Человек, сопровождавший её вчера, к огромному облегчению Эмри, за ней не последовал.

Ей предстояли часы в пути, и она не хотела потерять это время. Джеймс был прав: шок от пережитого долго не давал ей осмыслить то, что произошло вчера. А ведь ничего особенно странного не произошло. Эмри с горечью подумала, что даже её смерть не стала бы чем-то из ряда вон выходящим, тем, о чём сообщили бы во всех новостях. Эксперты Комитета постоянно погибают по всему миру. Постоянно одни сектора воюют с другими, иногда в эту бесконечную бойню включаются и государства, там, где от них ещё хоть что-то осталось.

Да, человек, спасший её, выглядел странно. Но, видимо, психологи комитета не сочли эту странность вызванной неестественными причинами. Разумеется, её обманом затащили в сектор. Скорее всего — чтобы никогда уже не выпустить. И уж конечно, она знала, кто это сделал. Правда, не понимала почему. Почему именно сейчас, спустя столько времени, спустя, честно говоря, целую жизнь, проведённую на разных концах мира. Восемнадцать лет прошло. Даже восемнадцать с половиной.

Эмри задумалась над этой цифрой. Когда она покинула сектор восемнадцать с половиной лет назад, ей самой было восемнадцать. С половиной. То есть с тех пор она прожила ещё одну такую же жизнь, но несравненно более счастливую и полную. Жизнь, где её любили так, как любят все нормальные люди, где она была нужна, где её ждали. Здесь, в одиночестве, в

кабине аэромобиля, она чувствовала, как возвращается к себе той — несчастной и восемнадцатилетней. Ей хотелось скорее покинуть сектор, забыть обо всём, что она здесь видела, понадеяться, что ей всё показалось.

И всё же она не могла этого сделать. Она чувствовала, что стала частью какого-то плана, хотя пока не поняла наверняка, в чём он заключался. Предположим, за её назначением в Третий сектор стояло известное ей лицо. Предположим, её не выпустят теперь отсюда. Но зачем тогда ей позволили пересечь границу Третьего сектора на востоке и отправиться в Четвёртый? Ответа на этот вопрос у неё не было.

Зато он был у Роулса и остальных экспертов, изучавших её материалы. Всё это случайность, а у неё посттравматический шок. Это было самой простой версией, самой надёжной и вызывающей у Эмри облегчение.

Но что, если права она? Это означало бы крупнейшее за почти двадцать лет, прошедших с момента ядерного конфликта, нарушение прав человека и ещё что-то смутное, что пугало Эмри гораздо больше, чем смерть от лучевой болезни.

Бесстрашие — качество, необходимое любому, кто хочет построить карьеру в Комитете по этике. Бесстрашие не только перед лицом смерти, бесстрашие в принятии решений. У членов комитета нет права на ошибку, но нет и возможности колебаться. Они должны быть безупречно хорошо подготовлены к исполнению своих обязанностей в несовершенном, раздираемом войнами, голодом и неравенством мире. Думая об этом и о своём страхе перед множеством вещей, Эмри радовалась, что её собственная ответственность так мала. Она успела совершить достаточно ошибок до того, как поняла, что эти ошибки безвозвратно перечеркнули ей путь в члены комитета.

Эмри и сама не заметила, как оказалась практически у границ корпорации, островка цивилизации в полсотни квадратных километров, опоясанного внешним городом с его роскошными многоэтажными садами, дорогими магазинами, прячущимися в искусственных каменных гротах, и фонтанами с кристально чистой водой, источающей слабый аромат парфюмерных композиций. Это, несомненно, было одно из красивейших мест на Земле. И Эмри ненавидела его всей душой.

Ей не пришлось много путешествовать, но всё же нигде больше она не видела столь разительного разрыва между блеском корпорации и нищетой сектора, нигде бетонно-проволочные стены не отгораживали корпорацию от остального мира так откровенно, как здесь. Сейчас, когда Эмри уже могла назвать себя взрослым человеком, она понимала, что много лет назад влекло

её в корпорацию. И то же самое чувство довольно быстро заставило её эту корпорацию возненавидеть: иллюзия того, что, получи ты членство, тебе не придётся больше думать о том, как дожить до следующего месяца. Мечта о бесплатных ужинах среди ровно выстриженных кустарников и прудов, кишащих блестящей, переливающейся на вечернем солнце рыбой. Запах цитрусовых в крытых садах-лабиринтах, открывающих вход в мир, недоступный простым смертным. Чувство того, что ты влияешь на собственную жизнь, держишь её под контролем.

На самом же деле корпорация обращала людей внутри и вне её в рабов. Корпорации по всему миру уничтожили конкуренцию, раздавили государства и общество своей безжалостной эффективностью. Те из них, что выжили после ядерного инцидента, отличались именно тем, что были безжалостны, в том числе и к самим себе, к тем, кто управлял миром от их имени. С циничной беспристрастностью они выбирали тех, кто способен к работе, из всего населения секторов. Они отбраковывали людей с неподходящей психической организацией и неудовлетворительными баллами за тесты. Государства, разъеденные коррупцией и прекраснодушными идеями о более свободном и справедливом мире, рухнули под натиском новых сил, бросивших им вызов.

Желающие попасть в корпорацию были рабами, готовыми на всё ради своей мечты. Попавшие в корпорацию были рабами, по двенадцать часов кряду торчащими за столом. Нежелающие и неспособные оказаться в корпорации были свободными — и всё чаще умирали от голода по всему миру. Подумав об этом, Эмри представила, как седеющий Роулс покачал бы головой, намекая этим жестом на её паникёрство. Но она видела всё сама: конец мелкой торговли, перенаселение одних территорий и вымирание других, создание двойных валют по всему миру, войны между секторами.

Эмри была уверена: история знает сослагательное наклонение. Открытый мир образца начала века можно было сохранить. И надо было полагать, что ядерный удар по США не развяжет войну, которая уничтожит планету. Только этого почему-то никто не понимал. Кроме тех, кто сбросил бомбу. Людей, которые улыбались перед смертной казнью. Самых высокопоставленных террористов в истории.

Эмри не хотелось обо всём этом думать, но она не могла: корпорация, бывший глава которой был расстрелян за причастность к применению ядерного оружия, простиралась перед ней во всём своём отвратительном великолепии.

Ей казалось мрачной иронией, что единственная слабенькая

бомба, по мощности не дотянувшая и до тех, что были сброшены на Японию в сорок пятом году прошлого века, создала постапокалиптический мир разрухи, войн и голода, не вызвав при этом больше ни одного взрыва. Ей казалось не менее мрачной иронией то, что корпорации, виновные в инциденте, получили от него лишь выгоду, и MJ, контролирующая Третий сектор, была тому очевидным примером.

На границе её пропустили, не задав никаких вопросов и не попросив документов, оставшихся в сгоревшей машине. Её самолёт должен был вылететь в Первый сектор через три часа, и она решила воспользоваться временем ожидания, чтобы встретиться с человеком, который мог бы объяснить ей, что происходит, и которому она могла доверять больше, чем себе.

К удивлению Эмри, в его приёмной ей сообщили, что он не сможет с ней встретиться. Эмри попросила ещё раз передать, что это именно она, и что встреча должна пройти немедленно, но ей отказали. Она начала догадываться, в чём дело. Ей нужно было самой его разыскать, не пытаясь связаться через номера корпорации. И Эмри не осталось ничего другого, кроме как быстро добраться до его приёмной, а там уже попытаться привлечь его внимание. Она была уверена: он будет ей рад.

Она вынуждена была оставить аэромобиль на одной из парковок внешнего города у западного входа в корпорацию. Система распределения пешеходного трафика оказалась к ней лояльна и повела Эмри прямым путём к корпусу, который был ей нужен. По пути она вглядывалась в лица прохожих. И чем больше она старалась заметить в них что-то неладное, что-то противоречащее свободной человеческой сущности, тем больше убеждалась в том, что все они выглядят абсолютно буднично в своих одинаково модных по обе стороны Атлантики костюмах из плотной ткани грязноватых оттенков. Эмри, одетая в один из бесконечных подвидов этого же костюма, выуженного из недр гардероба далеко на востоке, ничем не отличалась от местных клерков, спешащих по своим бессмысленным делам. Все корпорации мира были похожи одна на другую.

Стеклянный лифт вознёс Эмри на высоту десятого, последнего в этом небольшом корпусе этажа. И как только она оказалась наверху, она вспомнила это место. Эмри уже была здесь, что оказалось очень кстати. Издалека определив, где находится нужный ей кабинет, по табличке на двери, она решила не заходить туда через приёмную, свернув в широкий коридор справа, где когда-то был выход в технические помещения.

Выход по-прежнему был здесь, правда Эмри предстояло проделать то, что, может, и выглядело бы нормально, будь ей лет

пятнадцать, но в её возрасте было уже смешно: ей нужно было пролезть через узкий ход на балкон, ведущий в интересующий ей кабинет. Впрочем, её всё равно никто не видел, и она, не долго раздумывая, решилась.

Собрав на себя всю пыль подсобки, Эмри наконец шагнула на желанный балкон, опоясывающий корпус D. По её прикидкам, осталось немного: пройти вдоль стены, не привлекая ничьего внимания, повернуть за угол и постучать в окно кабинета.

Снаружи здание выглядело старым, но ухоженным: балкон был засажен цветами и растительностью, что было Эмри только на руку. Она пригнулась и быстро направилась в намеченном направлении, стараясь не обратить на себя внимания людей, которые могли бы увидеть её из окон или с улицы. Дойдя до поворота, она распрямилась и поправила пиджак. В этот момент кто-то с силой толкнул её из-за угла.

Эмри отшатнулась назад к перилам, вцепившись в них обеими руками.

— Назад! Назад, я сказала, — из-за угла сначала показалось небольшое оружие, а затем молодая, но не слишком симпатичная светловолосая девушка ростом на две головы ниже Эмри.

Эмри, ошарашенная неожиданной встречей, на всякий случай подняла руки вверх и попятилась назад.

— Тебе бы лучше в меня не стрелять. Я, между прочим, под полной защитой Третьего сектора, — поспешила объясниться она, всё так же медленно отходя назад, всё плотнее прижимаясь к холодным перилам.

— Да знаю я, — раздражённо ответила ей незнакомка, одетая в гротескно короткое платье, невыгодно подчёркивающее по-юношески пухловатое тело.

— И я ухожу, — сочла нужным добавить Эмри.

— Так и проваливай живее, — девушка яростно закивала. — Твой самолёт уже тут. Двигай отсюда.

Эмри не нужно было просить дважды. Как ей показалось, она преодолела балкон за доли секунды, распахнула дверь и прижалась к ней спиной, стараясь успокоить сердцебиение, прежде чем забраться в лаз, который представлял собой достаточно широкий кусок трубы метра четыре в длину.

И вдруг ей показалось. Нет, всё-таки не показалось.

— Эм! Эмри! — из трубы донёсся знакомый мужской голос.

— Эс! — она немедленно бросилась туда, откуда, вне всякого сомнения, голос и раздавался.

Эмри в мгновение ока вползла в грязную трубу, добравшись до её середины и, конечно, примерно посередине встретилась лицом к лицу с Д'Эсперадосом, в кабинет к которому она так

стремилась попасть. В темноте Эмри пыталась рассмотреть его лицо: то, насколько он постарел с момента последней встречи, эмоцию, выражение глаз. Сказать, что Эс был красив, было недостаточно: он располагал к себе, источая внутреннюю уверенность. Впрочем, в трубе всего этого было не разглядеть, Эмри просто это знала.

— Интересное место для встречи, — она взяла его за руку.

— Я так рад, что ты жива. Роулс просто козёл, что разрешил послать тебя, — выпалил Эс, и в его тоне Эмри уловила нотки тревоги, — и всё же он оказался прав.

— В чём? — спросила она, почувствовав смутное беспокойство.

— Информационное оружие. Более опасное, чем мы думали. Корпорация может контролировать людей не только в рамках внешнего города, но и на всей территории сектора.

Несмотря на страх, Эмри испытала и некое облегчение оттого, что он разделял её мнение. Но вместе с тем у неё возникла тысяча новых вопросов. Неужели…

— Подожди. Так это Роулс сказал тебе об оружии?

— Я был в спецкомиссии. И Эм, я видел людей под контролем здесь. Я ни с чем это не спутаю.

— Так что, Роулс с тобой согласен? — Эмри не терпелось получить ответ на самый главный вопрос.

— Нет, ты не хуже меня знаешь, нет. Но, видишь ли, Эм… Он фигура такого уровня, что он не смог бы сделать такое заявление даже в узком кругу, не будь у него стопроцентных доказательств. А их получить непросто, как понимаешь. Обострение отношений с Третьим сектором — не то, что нам сейчас нужно.

— Он как-то намекнул тебе?

— Эм, — Эс выдержал паузу, — я не могу здесь быть слишком долго. Меня потеряют. Я хочу сказать тебе одно: уезжай немедленно. Тебе нельзя здесь больше находиться, нас не должны ни в коем случае видеть вместе. Я, честно говоря, надеялся, что ты и вовсе не придёшь.

— Почему это мне нельзя здесь находиться? — за годы знакомства с Эс Эмри безошибочно научилась распознавать в его гладких интонациях волнение.

— Давай ты не будешь задавать мне этих вопросов. Просто сделай так, как я сказал.

Но Эмри не намерена была сдаваться.

— Я никуда не уеду. И скорее всего, даже не по собственной воле.

— Что?

Ей показалось, что Эс злится, хотя, кажется, он ничем этого

не проявил.

— Думаешь, меня выпустят из сектора?

— Конечно, почему нет? — он усмехнулся.

— Ну, меня ведь не случайно спасли.

— О господи, да ты как маленькая. Да твой бывший на тебе просто помешан. Думаешь, он не спас бы тебя?

Эмри выпустила руку Эс. Она в очередной раз испытала облегчение, на этот раз — от снятия табу с темы.

— Но ведь это из-за него я здесь оказалась, — с досадой напомнила Эмри. — В чём смысл? Впечатлить меня?

— Эм, мне некогда сейчас, но успокойся и лети домой. Твой бывший — самый безобидный придурок в этом чёртовом секторе. Ничего он тебе не сделает.

Эмри вздохнула.

— Я его начальник, и я это гарантирую, — добавил Эс, обнимая Эмри за шею. Большего диаметр трубы не позволял.

Его уверенность передалась и Эмри. Рядом с ним ей всегда было спокойно. На её лице впервые за долгое время появилась слабая, едва заметная улыбка.

Эс попытался повернуться, чтобы иметь возможность более удобно обнять Эмри, и в этот момент из его кармана что-то выпало и ударилось о трубу. Судя по звуку — что-то небольшое.

Эмри всё с той же улыбкой подняла выпавший предмет.

— Никакой конспирации. Один шум от тебя, — попыталась пошутить она.

Как вдруг улыбка медленно стала сползать с её лица.

— Откуда у тебя это?

Даже в полумраке трубы она была уверена в том, что это за предмет.

— Да нашёл, — всё тем же беззаботным голосом ответил Эс.

— Не ври мне, — Эмри почувствовала, как кровь прилила к её лицу, она готова была перейти на крик, но сдержалась. — Почему вы все мне лжёте? Что это за женщина на балконе? Что происходит, Эс?! Я чуть не погибла, я… я, наверно, заслуживаю право знать.

Она выругалась на родном языке, не ожидая, правда, того, что Эс поймёт смысл ругательства. Но он понял и поморщился. Шесть лет в секторе не прошли даром.

— Если я скажу правду, пообещай, что уедешь. Немедленно. У тебя есть обязательства дома.

— А у тебя? Ты про свои обязательства не думал? Неужели ты…

— Мы поменяем правление корпорации. Завтра. И меньше всего мне сейчас нужно быть здесь с тобой, ясно? Если выяснится,

что мы общались, это бросит такую тень на комитет, что…

— Эс, — Эмри на миг потеряла дар речи, но слушать его дальше ей было тяжело.

— Убирайся из сектора и молись, чтобы нашу встречу не доказали. Ясно тебе?

Он резко отстранился от неё.

— Роулс бы этого не одобрил, Эс. Что, неужели вы их обоих… убьёте? Но ведь…

— А ты что, переживаешь за своего бывшего? — несколько глумливо поинтересовался Эс.

— Эс! Ты ведь понимаешь, что не сможешь после этого вернуться домой? Комитет не сможет помочь тебе, это ты понимаешь?

— Дорогая моя, — всё с той же неприятной иронией в голосе ответил ей Эс, — положись на меня. Всё будет ок. Главное — уезжай.

Эмри, испуганно вглядываясь в темноту, пыталась разглядеть как следует лицо Д'Эсперадоса, отдалившегося от неё, но темнота словно сгущалась вокруг. Она протянула руку, пытаясь дотронуться до лица собеседника, но её ладонь встретилась на своём пути лишь с пустотой.

— Эс, — тихо позвала она — и услышала, как где-то вдалеке стригут газон и вода из фонтанов рушится практически к подножью здания тяжёлой прозрачной стеной. Ещё дальше, где-то во внешнем городе играла музыка. Эмри вылезла из трубы и, даже не отряхнувшись, пошла прочь в сторону лифта.

Она больше не могла уехать. Эс сошёл с ума. Никак иначе она не могла объяснить себе происходящее.

«Эс погибнет. Я погибну. Погибнет свободный мир».

Она не знала, что из этих бессвязных мыслей ужасало её больше. Но у неё ещё была надежда. Надежда в лице лучшего дипломата мира Джима Роулса.

III

Когда утро первыми неуверенными лучами облизало его острые скулы, споткнувшись и не решившись посягнуть на широкую площадку тяжёлого подбородка, человек с обидным прозвищем Гений бодрым шагом направился в контору.

Солнце, ударившее раскалённым лучом в створку лифта, на мгновение ослепило его, и он прищурил глаза, а когда открыл их, обнаружил себя на широкой рабочей площади, рассечённой сотней периодически меняющих положение дорожек и испещрённой тысячей указателей. Несмотря на ранний час, площадь была наводнена людьми: обслуживающим персоналом и сотрудниками низшего звена. Каждый из них, руководствуясь своим маршрутом, перемещался с эскалатора на эскалатор, с уровня на уровень, пересекал одну за другой велосипедные и автодорожки и не мог, вероятно, не восхвалять цивилизацию, создавшую столь технически совершенную систему, в которой исключены были простои, пробки и опоздания.

От ужаса одну из рук Гения свело дрожью. Он попытался вытащить её из кармана, но не смог.

«Нет, нет, нет, — думал он, — такой глупой ошибки я ещё не допускал». Его сердце галопом поскакало по грудной клетке. В правом кармане у него всегда лежал маркер для флипчарта, до зеркального блеска отполированный пальцами. Но он пропал. *То есть его просто не было.* И без него он понятия не имел даже о том, в какую сторону теперь нужно поворачивать.

«Да ведь нужно только попасть на пятую», — осенило Гения. Он оттолкнул попавшегося ему под ноги мальчика-курьера и, сделав максимально раздражённое выражение лица, пошел туда, где, несомненно, протянула свои жадные лапы пятая пешеходная.

Настроение Гения было превосходным, а неприятности закаляли его сильный и грубый характер. Почти второе лицо компании, он не мог позволить себе демонстраций слабости.

Спустя полтора часа ему стало трудно дышать от распухшего, как мокрые страницы, пассажиропотока. Время от времени он стал натыкаться на людей, идущих прямо на него, а это означало, что скоро пешеходка окончательно изменит направление.

«Что ж, в худшем случае меня раздавят», — оптимистично подумал Гений. Он подался вправо и толкнул стеклянную дверь кафетерия. Кофе? Он заказал одну чашку, чтобы тут же отставить её в сторону. Он не видел смысла пить с утра что-либо, не содержащее алкоголь.

Учитывая тот факт, что он полтора часа уже провёл в этой

гнусной сети никуда не ведущих улиц, то, что он ещё не наткнулся ни на один из входов в корпорацию, было очень странно. Странно до математически невероятного.

Он не знал, почему не попал на пятую пешеходку. Закрыв глаза, он попробовал просчитать вероятность четырёх разных сценариев. Увеличенный поток с юга (с чего бы вдруг?) заставил развернуть её на сто восемьдесят градусов. Но уж если когда и мог быть поток из рабочего квартала, обслуживающего корпорацию, так это рано утром, не теперь. Отметается. «Что-то произошло внутри», — понял он, порадовавшись, что других вариантов просто не осталось.

Рука Гения дёрнулась, и он чуть не опрокинул на себя кофе: звук медленно перекатывающихся по полу гладких прямоугольных рёбер заставил его посмотреть вниз. Это был его маркер, выкатившийся откуда-то из-за спины. Тот самый, который он всегда носил справа. Гений наклонился, чтобы подобрать его, даже не успев подумать о том, что всё это не похоже на нормальную посредственную действительность.

Когда он поднял глаза, он изо всех сил постарался отвести взгляд, поскольку увидел нечто неприличное.

Что, в конце концов, может сравниться в неприличности со сном наяву, с шизофренической галлюцинацией посреди рабочего дня? Что могло бы сравниться в неприличности с наркотическим опьянением?

Иначе у него бы просто не вышло описать Эмри: чтобы примириться с тем в себе, что он не мог объяснить, он пытался уловить в ней хоть какие-то черты, которые другие обычно используют для описания красивых женщин: сияющие волосы или зубы, хороший рост или гармоничные черты лица. Но в ней не было ничего этого. И это совершенно сбивало его с толку.

Он был в восторженной, хоть и тревожной гордости оттого, что этим утром он сидел за столиком поганого кафе в состоянии близком к безумию и равнодушно смотрел на то, как Эмри в пепельном жакете опускается на стул перед ним. Его мысли были одним сплошным пошлым желанием в чём-то ей признаваться, причём совершенно безразлично в чём. Всё, в чём он мог признаться, было бы правдой. И самым главным чувством, которого он, впрочем, никогда не раскрыл бы ей, был страх. Страх, что начни он высказывать свои мысли, она уверится — он окончательно тронулся.

Именно так всё и было. Он сошёл с ума и оказался спасён, поскольку переживания его спутались, а логика говорила: Эмри столь же бессмысленна, как и все остальные люди, населяющие мир. Кроме рядовой и посредственной бессмысленности эта

женщина, к его смятению, отличалась выдающейся лживостью и лицемерием, про которые Гений вспоминал, оледенело глядя в её замечательные зеленоватого цвета глаза. И он не знал, что ему делать. Не знал, но, будучи вынужденным, уже сделал выбор, на который не имел права: мысль о её смерти была далеко за гранью его представлений о страдании. Ему не нужна была эта встреча, её благодарность, и тем более он не хотел ничего знать о ней. Она не любила его — этого ему было вполне достаточно на всю остававшуюся и сильно сократившуюся с момента их последней встречи жизнь.

И теперь он отдал бы всё за то, чтоб она не нашла его в этом кафе и прошла мимо, просто ушла, как она ушла вчера из его приёмной с глупым удивлением на лице оттого, что он не может с ней поговорить. Неужели она думала, что он сделал всё это, чтобы встретиться с ней? Может быть, чтобы заставить её вернуться? Ничего глупее просто нельзя было себе вообразить. Он спас ей жизнь, чтобы сделать хоть что-то предположительно ей нужное. Предположительно — потому что сам он никогда бы не поехал в Четвёртый сектор, несмотря на всю свою усталость от жизни, а также на тесные торговые отношения и личное знакомство с руководством сектора. Гений искренне не понимал, что такого важного там могло понадобиться Комитету и почему Эмри согласилась на эту поездку. Для этого она должна была не ставить свою жизнь совершенно ни во что. И было во всём этом ещё что-то подозрительное и нехорошее, но вот что — понять он не мог.

— Спасибо, — сказала она, после чего надолго замолчала. И он понял, что она уже не спросит его о том, что было позавчера. Он тоже молчал, не зная, что будет полезным сказать.

Эмри продолжила, положив маленькие ладони на грязную, заслеженную чужими отпечатками столешницу из чёрного стекла:

— Ты ведь понял уже, что произошло? — спросила она его.

Гений не понял не только, что произошло, но и о каком происшествии она вообще сейчас говорит.

— Я пришла, чтобы помочь тебе, — сказала она, и Гению показалось, что каждая новая фраза даётся ей с трудом.

— Мне не нужна помощь, и кроме того, — теперь была его очередь выдавливать из себя слова, — я хочу, чтобы ты уехала.

Эмри хмыкнула, неудачно изобразив веселье.

— Тут все так хотят от меня избавиться. И как назло, я не могу уехать прямо сейчас.

Гений не выпускал из рук свой маркер.

— Я просто хочу, чтоб ты выжил. Услуга за услугу, — пожав плечами, невпопад заметила она, и Гений подумал, что Эмри

испытывает такие же проблемы с коммуникацией, как и он сам. Они не понимали друг друга. Они и не стремились понять друг друга.

— Я помогу тебе попасть в корпорацию. И там обязательно найдутся люди, которые захотят от тебя избавиться. Но ты, — Эмри не изменилась в лице, — стреляй, когда придёт время.

Всё было просто. Она спятила, и ещё больше, чем он. Именно поэтому она так спокойно отправилась два дня назад в Четвёртый сектор, а сегодня пришла, чтобы спасать его от несуществующих угроз. И это спустя восемнадцать с лишним лет.

— Ты в порядке? В кого я должен стрелять? Зачем мне идти туда, где меня убьют…

У него было ещё примерно двадцать пять не терпящих отлагательств вопросов.

— Ты поймёшь, когда придёт время, — ответила ему Эмри, ничего тем самым не объяснив.

— *Почему*? Почему ты всё это делаешь? Почему ты не улетела вчера? — спросил Гений, ощутив снова, впервые за много месяцев, то мучительное нечто: он не понимал другого человека.

Он вообще плохо понимал других людей, но эта ситуация оказалась совсем уж исключительной. В ней фигурировало холодное оружие, к которому Гений относился со здоровым опасением, а также гипотетическая необходимость в кого-то стрелять, чего он тоже, конечно, ни разу не делал и не собирался.

Когда Эмри встала со стула и направилась к двери, Гений подумал, что ни за что на свете он никуда за ней не пойдёт. У человека должно быть чувство самоуважения. Он не понимал, что значит чувствовать самоуважение, но прекрасно знал, что в этой ситуации оно должно проявляться. И он его проявлял.

Эмри не толкнула дверь, остановившись на полпути. Она обернулась, и Гений рискнул заглянуть ей в глаза. Но совершенно напрасно: он никогда не понимал людей, видящих в глазах других что-либо. И по глазам Эмри он, конечно, не определил, что она чувствовала или даже что она хотела своим взглядом показать. Была ли она растерянна или радовалась оттого, что всё идёт по плану — она не улыбалась и не плакала.

— Почему? — переспросила она, вернувшись к его столу и наклонившись так, чтоб никто из окружающих её не услышал. — Потому что я люблю тебя, вот почему.

Она отвернулась. Гений сидел, всё так же молча рассматривая чашку, которая, кажется, подёрнулась льдом от безэмоциональности её тона. «Это неправда», — подумал он, сохранив самообладание. Она уже разрушила его жизнь и теперь зачем-то пыталась сделать это ещё раз. Это было столь

бесчеловечно, что вызывало злость. Что значит ощущать злость, Гений понимал. Эмри вновь обернулась:

— И я пришла тебя спасти. Ну же, ты должен немедленно пойти со мной. Четвёртая пешеходная в нашем распоряжении.

И она снова оказалась у двери, когда Гений мысленно повторил, что никогда никуда за ней не пойдёт. В конце концов, самоуважение должно быть у всех, это гарантированное и неотъемлемое право каждого на самозащиту от бесконечного унижения, лежащего за пределами трепетно очерченных границ.

И когда он оказался за дверью, когда он смог, пусть и не полной грудью, но вдохнуть утренний воздух пронизанного садами внешнего города, Эмри подошла к нему настолько близко, что он мог видеть две мелких морщинки в уголках её глаз.

Гений непроизвольно отодвинулся от неё, оказавшись прижатым к стене. Он оглядывался вокруг, пытаясь зацепиться за что-нибудь взглядом, но то, что происходило вокруг, ужасало его: на четвёртой пешеходке, где его двадцать минут назад чуть не раздавили в толпе, не было никого, кроме них. Кроме него и Эмри.

Не дождавшись ответа, его бывшая жена сделала маленький шаг вперед, уничтожив этим шагом разделявшее их пространство. Вырвав маркер из рук Гения, Эмри опустила его в один из карманов его пиджака.

— Это право. И честное слово, мне неинтересно знать, что ты мне скажешь.

Она настолько придвинулась к его лицу, что Гений зажмурил глаза, стараясь заставить весь этот кошмар исчезнуть. Она открыла сумку. Что-то тяжелое и холодное опустилось во второй карман пиджака.

— А это лево. Стреляй в голову.

IV

«Что я должен чувствовать? — этот ненавистный ему вопрос отравлял бескрайнюю радость Гения. — Что в этой ситуации чувствовал бы другой?» И, к сожалению, в его случае этот вопрос не был праздным. Без ответа на него Гений был абсолютно сумасшедшим, он был опасен для общества. Он был пригоден разве что в качестве подопытного в исследовательских центрах корпорации.

Правильный ответ на этот вопрос привёл его туда, где он был: в технический отдел корпорации «Эмджей», что уже само по себе было практически невероятно. Но лишь на первый взгляд. Улыбка, строгое лицо, набор стандартных приёмов по обведению вокруг пальца тех, кого ему вверило в управление вышестоящее руководство. Жизнь в корпорации была игрой по правилам, которые редко ставили Гения в тупик. Окружающие могли догадываться о том, что он отличается от них, но это не имело ровным счётом никакого значения, пока они обязаны были выполнять его распоряжения.

Всё, что было за пределами, понять было совершенно невозможно. Люди говорили одно, а имели в виду совершенно другое. Объясняя мир, люди веками создавали литературу и кино, словно злонамеренно рассказывающие об этом мире откровенную неправду. Но Гений знал, что никакого умысла у них не было. Ведь все они точно так же, кто-то больше, кто-то меньше, не понимали мир средствами разума. Вместо этого они, даже самые неразумные из них, обладали чувством, направляющим их в нужную сторону в огромном человеческом муравейнике. Это чувство не было инстинктом, инстинкты были вполне присущи Гению, как и эмоции, ведь, в конце концов, биологически он ничем от них не отличался. Но его чувства были другими.

Взгляд Гения скользил по непроницаемым витринам, вид на которые открывался с четвертой пешеходки: когда-то они с Эмри гуляли здесь вместе. Ещё до того, как ей дали членство корпорации. Об остальном ему и вспоминать не хотелось. Она любила его. Но что это значило?

Не вдаваясь в значения отдельных слов, лгала она или говорила правду? И зачем она делала то или другое? Она не могла говорить правду, несомненно.

Счастье, беспредельное и переполняющее его, было вызвано ложью, смысла которой он даже не понимал. И к сожалению для Гения, это была не интуиция, а опыт.

Он не хотел думать о прошлом, но, кроме прошлого, у него

не было ничего: ни собственности, ни друзей, ни семьи.

Гений захотел остановиться и присесть на бортик фонтана, за мраморным краем которого начинался уходящий вглубь внешнего города лимонный сад. Когда-то, восемнадцать лет назад, здесь косили траву и Эмри голым пальцем согнутой ноги трогала обрубленные сочащиеся травинки.

Нет, кое-что у него всё еще оставалось, и ради этого ему следовало поторопиться. Гений бросил последний взгляд на неубранную травяную гору у фонтана. Человек, который стриг газон, будто куда-то убежал, найдя более важные или интересные дела.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы сложить два и два, но теперь он понял, что произошло.

Ну конечно, Комитет по этике снял поправку об ограничениях использования и распространения внешней памяти. Именно поэтому, блуждая по внешнему городу, он так и не смог войти внутрь: были приняты меры по защите тайны корпорации и все магистрали, ведущие внутрь, были отведены. Он и сам был прекрасно знаком с этим планом.

Но эта радостная мысль, как прямая залитая утренним солнцем четвёртая улица, привела Гения к таким выводам, от которых у него на лбу чуть не проступил пот: его никто и не думал искать, он был не нужен там, рядом со своим главным изобретением.

Да, у него не было никаких прав на него. Да, он знал, что точно так же его бросят на следующий проект, разделив внедрение первой операционки внешней памяти между условным д'эсперадосом из отдела непрофильных активов и любой другой словно из под земли выросшей сволочью. И тем не менее, этот момент должен был стать эпохальным не только для MJ, но и для всего Третьего сектора: это превратило бы их средней руки компанию, перебивающуюся в рейтинге с пятого на шестое место, в одного из мировых лидеров, это изменило бы жизнь людей всего сектора, а при удачном стечении обстоятельств, при должной проработанности технологии все последствия было сложно себе вообразить. *И это было его изобретение.*

«Мел убьёт меня за опоздание», — думал Гений, поднимаясь на лифте по сизовато-дымчатой стеклянной стене корпорации. В холле не было никого: даже охрана, никогда за тридцать лет, проведённых Гением в компании, не покидавшая свои посты, куда-то пропала.

У Гения появилось жутковатое ощущение: в поисках успокоения он попытался нащупать в кармане любимый маркер, но вместо этого пальцы наткнулись на дуло пистолета. Если

допустить существование у него интуиции (а Гений вдруг решил сделать такое допущение), она подсказывала ему, что лучшим решением будет закрыться в собственном кабинете и не выходить оттуда, пока всё не закончится и сотрудники не вернутся на свои места. Он подумал, что в сущности наплевать ему на то, кому достанутся лавры. Он ни разу в жизни не опаздывал. А в этот решил вовсе не пойти.

Его мысли вернулись к оружию, лежащему в кармане. Неужели Эмри думала, что он застрелит Мелджена? Что он вернет себе своё изобретение? Какая нелепая, невозможная мысль. Он с грустью подумал о том, что эта женщина, несмотря на восемь проведённых вместе месяцев, так и не поняла, что он за человек.

Гений вошел в собственную приёмную и впервые за день ощутил настоящее раздражение: секретарь где-то гуляла без его ведома, не оставив даже записки.

Да, компания могла провалиться ко всем чертям, но маленький кусочек, начинавшийся за порогом его приёмной, прежде чем низвергнуться в апокалиптическое пламя, должен был сигнализировать об этом ему.

Выбитый из равновесия, Гений набрал секретаря. К его удивлению, она тут же ответила.

— Ты где шляешься? — нескромно поинтересовался голос на том конце.

Осознание того, что голос действительно принадлежит его секретарю, заняло у Гения несколько секунд.

Он словно впал в ступор, не в силах ни встать со стула, ни ответить. «Как я делал это раньше?» — подумал он, кстати вспомнив, что управляет отделом в сорок семь человек. Но так с ним еще никто и никогда не разговаривал. Ну, кроме Мелджена, разумеется.

Он закашлялся. В трубке послышался хохот многих голосов.

— В конференц иди, живо. А то всё веселье пропустишь.

Гений сорвался с места, не думая об этой странной вакханалии, охватившей компанию, движимый единственным желанием: объявить этой дряни о её увольнении.

Он, словно забыв о том, что бегает отчаянно плохо, преодолел четыре коридора меньше чем за пять минут и, не беспокоясь о необходимости соблюдать приличия и войти тихо, резко развёл руками тяжёлую двойную дверь.

Увиденное едва не заставило его развернуться и уйти: всё это было столь же безумно, сколько и ужасающе: на него были направлены десять тысяч пар глаз.

То есть десять тысяч сотрудников стояли спиной к сцене. Шла

презентация, выступал докладчик, крутились слайды, но никто их не смотрел.

— Дайте ему пройти, — приказал высокий женский голос. Толпа тут же расступилась.

Гений быстро зашагал к сцене, игнорируя изумлённые возгласы смотрящих на него. Вопреки заявлениям секретаря, никакого веселья в зале не наблюдалось.

По мере приближения к сцене для него становилась всё яснее причина ажиотажа: докладчик, а точнее докладчица, сидящая, скрестив ноги, на кафедре, была полностью раздета.

— Да ты поднимайся, не стесняйся, — пригласила она его. — Мы тут как раз о тебе говорили.

Но Гений, заметив за спиной женщины людей с автоматами, молча отверг предложение, остановившись в десяти метрах от сцены. Ситуация выглядела опасно.

— Я крайне рада видеть тебя, Гений. Мы уже вот так вот двадцать минут ждем тебя, — с удовольствием неизвестного происхождения в голосе сообщила женщина.

Хотя, в общем-то, наверно, это была не совсем женщина. Выглядела неизвестная лет на пятнадцать.

— *Позволишь начать*? — спросила она, и Гений был почти уверен, что лицо её в этот момент выражало насмешку.

— Конечно, — сказал он и тут же прикусил язык: может, мимику он и не вполне понимал, но вид наводимого на него оружия был гораздо красноречивее любых слов.

— Прекратить! — выкрикнула девушка, спрыгнув на пол и обернувшись назад. — У вас что, вообще мозги отсутствуют?

Она сделала шаг к своему самому инициативному защитнику и, вырвав из рук автомат, прикладом ударила его в живот. Он качнулся назад, но, поскольку удар был не очень сильным, а человек был одет в бронежилет, он остался стоять на ногах.

— Прости, — сказала она, вновь обращаясь к Гению, — могу я продолжать?

— Продол… — Гений прервался, заметив включившийся усилитель звука, — то есть, почему ты… вы спрашиваете у меня? И где Мел?

По залу прокатился рокот.

— Милый мой Гений, — выдержав небольшую паузу, ответила девушка, — тебя только что предлагали в качестве кандидатуры временно исполняющего обязанности. Да только, я боюсь, ты не подойдёшь.

— Что это? Захват власти? Где Мелджен, я вас спрашиваю?

Девушка вздохнула, демонстративно закатив глаза.

— Да убили его, ясно? Мог бы уж и догадаться.

Гений не пошевелил и пальцем. Он понятия не имел, что делают в таких ситуациях. Он стоял и смотрел на девушку на сцене. А она смотрела на него.

— Повернитесь вы все, — сказал он, решив, что дальнейшее молчание будет воспринято как признак слабости.

На этот раз по залу прокатился еще более недовольный рокот, перемежавшийся невнятными криками.

— Ты уж прости, но парочку моих сотрудников пришлось застрелить за чрезмерный интерес… нехудожественного характера.

— Твоих?

Вместо ответа девушка спрыгнула со сцены и протянула ему руку. Гений обернулся, поглядев на вооруженных людей. Сочтя, что, в общем-то, стоять так не очень прилично, он снял с себя пиджак и накинул его на плечи девушки. Он не встречался с нею прежде… что бы это могло значить?

— Джил, — она во второй раз протянула свою руку, — Меженова.

«Твою мать», — подумал Гений.

— Единственная дочь Мелджена и безраздельная наследница MJ corporation, — продолжила она, выпустив его руку.

Люди в зале начали опасливо оборачиваться.

— И девушка Луиса Д'Эсперадоса, — догадался Гений.

Слышал он что-то об этой истории. Несмотря на то, что девушку эту видел впервые.

— Именно, друг мой. Но тебе нечего бояться: Эс будет справедлив с тобой. Старые обиды забыты.

Она снова взяла его за руку и на этот раз потащила с собой на сцену.

— Я сейчас всем вам расскажу увлекательную историю, друзья мои.

Джил давно уже отпустила руку Гения, но он неотрывно смотрел на подрагивающие пальцы, едва видневшиеся из-под закатанных рукавов его пиджака.

— Ну, прежде всего, несколько занимательных подробностей из жизни Третьего сектора, — она хлопнула руками и развернула огромные графики. — За последние пятнадцать лет разрыв между корпорацией и остальной частью Третьего сектора вырос в двадцать пять раз. Что ты думаешь об этом, Гений?

— Я думаю, что Эс мудак и не умеет подписывать оси.

Замечание произвело эффект разорвавшейся бомбы: многие люди в зале загоготали, несмотря на наведенные на них автоматы. Всё-таки эта Джил вздумала говорить не с толпой на вшивой площади Третьего сектора: подавляющее большинство

присутствующих имело больше семи лет высшего образования.

Странно, но ему почему-то стало стыдно за эту выходку. Не страшно, а именно стыдно. Он хотел упомянуть и сомнительную методику расчетов, но удержался.

— Обойдёмся без комментариев, — как можно более сурово сказала Джил. — Итак, вы думаете, всё это просто цифры? Пятнадцать процентов жителей Третьего сектора уже испытывают острую нехватку питьевой воды, так как поставки из Пятого сектора были прерваны в результате корпоративной войны, начатой моим отцом, а собственные резервы с прошлого года признаны непригодными для питья и приготовления пищи. Последние поставки мяса из Десятого сектора были полностью прекращены пять лет назад, поскольку таможенные сборы сделали цену мяса недоступной даже для относительно обеспеченного жителя сектора. И если вы считаете это ужасным, вы понятия не имеете о дебатах, проходящих в Комитете по этике, на которых лоббисты моего отца уже практически протолкнули поправку о допустимости применения удалённой модерации данных внешней памяти. Иными словами, скоро любым человеком можно будет управлять на расстоянии.

Гений отвлекся от этого торжества технической безграмотности и общей некомпетентности и перевёл взгляд на публику. С нескрываемым удовольствием он замечал усмешки и неодобрение на усталых лицах. Гений посмотрел на вооружённых людей: их он насчитал не более сотни: около тридцати за спиной Джил, остальные были разбросаны по огромному залу. «В любом случае их не хватит даже для того, чтобы заблокировать все выходы», — зачем-то подумал он. Нет, он вовсе не собирался ничего предпринимать. Всё происходящее казалось ему ночным бредом. В голове он пытался состыковать части, но картинка упорно не складывалась. Появление его жены, Д'Эсперадос, убийство Мелджена, вооруженные люди без опознавательных знаков, раздетая наследница одной из крупнейших корпораций мира…

— Джил, — Гений прервал ее пламенную речь, — почему ты пришла выступать в таком виде?

«Он не слышал, — послышались удивленные комментарии из зала. — Не слышал». Джил улыбнулась, поправив пиджак, который был ей велик.

— Дорогой мой, ты сам лучше моего знаешь, что мой отец был редким козлом.

Ногти Гения вонзились в ладонь. Он сделал над собой усилие и вытянул руку в зал, призывая всех успокоиться. Кажется, это не помогло.

— Само собой, мой отец знал, что я вступила в организацию освобождения сектора, как и про то, что после его смерти я продам все до одного его активы и поделю деньги поровну между всеми нашими людьми: от корпорации до Третьего сектора. После того, как я объявила ему о своих планах, он внёс в завещание кое-какие изменения. Но кому ещё мог он оставить компанию? Он идиот, если думал, что выступление в обнажённом виде меня остановит. Он же ничего не написал про то, что люди должны смотреть на меня.

Джил зло засмеялась.

— Теперь ты понял? — спросила она и, не дожидаясь ответа, хлопнула в ладоши, желая перейти к следующему слайду.

И тут на экране появился Мелджен.

«В ваших интересах не отключать это видео, поскольку оно уже отправлено каждому сотруднику в этом и прочих офисах MJ».

Зал забурлил, люди с автоматами тоже начали переговариваться.

«Если вы его видите, значит я действительно мёртв. Я сделал слишком много дерьма, чтобы воскреснуть, так что можете воспринимать это заявление со всей серьёзностью».

V

Он смотрел на экран, на котором Мелджен толстым пальцем бесконечно медленно вдавливал окурок в огромную металлическую пепельницу. Гения невольно посетила неуместная мысль о стоимости размещения рекламы в завещании.

Смерть казалась жутким розыгрышем, который всё же был вполне в духе главы… бывшего главы, бывшего безраздельного владельца MJ, единственного полного и безоговорочного владельца корпорации такого масштаба, корпорации, под контролем которой находился один из крупнейших секторов мира.

Последствия этой смерти пока не представлял себе даже Гений, несмотря на то, что он успел просчитать в уме уже с десяток сценариев. Впрочем…

Он не знал, как принято вести себя в таких ситуациях, это ему было даже всё равно. Хуже того: он не знал, что он испытывает. Он должен был бы волноваться за себя, взятого в заложники, за Эмри, возможность присматривать за которой он, вероятно, потерял с захватом сектора и которая, он был в этом уверен, сектор так и не покинула. Но он не мог. Он не мог даже как следует осознать, что погиб человек, который был всей его семьёй. Гений стоял как парализованный. Но вовсе не от растерянности, не от медлительности, с которой одна мысль следовала за другой — причина была прямо противоположной: он видел по крайней мере пару вариантов развития событий, грозивших войной всех против всех с применением чего угодно… всего оружейного арсенала человечества в ближайшие двадцать четыре часа. Он также видел три сценария, в целом куда более радужных, правда, конечно, подразумевающих его смерть. Были среди путей развития и ещё более оптимистичные, но все они требовали либо чуда, либо активных действий с его стороны. И второе, это самое второе, казалось ему менее вероятным, чем чудо.

И вместе с тем он переживал давно забытое и даже несколько упоительное чувство: он ощутил себя в ничем не ограниченной опасности неведения. Но, будучи человеком, биологически идентичным всем прочим, он ощущал эту опасность как полную безмятежность, ему казалось, что сама судьба, бог, автор сценария или программа, управляющая событиями, бережёт его. Он понимал, что это ошибка выжившего, что он только потому ощущает эту безопасность, что всё ещё жив. И он так же прекрасно понимал, почему эта мысль о том, что мир крутится

без его ведома, его успокаивает. Ни одно человеческое существо не предназначено для того, чтобы управлять системой такого масштаба. Вся психическая организация, вся биохимическая начинка предназначали человека для другого: для возни с себе подобными, для продолжения рода, для спасения собственной жизни, наконец.

Предвидеть — значит мочь изменить. Мочь изменить — значит распоряжаться будущим. Не слишком ли тяжёлая ноша для самую чуточку облагородившейся обезьяны?

Он настолько привык видеть один сценарий, а не десяток с ответвлениями, что теперь даже в ситуации смертельной опасности чувствовал расслабленность: он не мог ничего изменить, не знал, как что-либо изменить, он был бессилен. И это бессилие, эта вера в судьбу, записанная в генах систематически выживавших до него и переданная ему, заставляли его радоваться упавшему с плеч грузу. И да, это было абсолютно нелогично: тяжёлый и полезный груз точного предвидения наверняка мог бы теперь спасти ему жизнь.

Но он не видел будущего. Впервые за многие годы он словно находился в темноте. Его место было в техническом отделе, а не здесь. Здесь он был бессилен что-либо изменить.

Единственный сценарий будущего превратился в бесконечное множество, разросшись, как огромное дерево. И хотя базовые варианты всё ещё прекрасно усматривались, выбор наиболее вероятного из них стал совершенно невозможным. Гений испытывал страх, и это было неожиданно приятно. Будущее прекратило своё существование, а значит, где-то в бесконечности вариантов, настолько далеко, что даже его ум не мог дотянуться до этого сценария, Эмри любила его.

Погибший Мелджен выглядел очень даже живым. Вероятно, он и был жив. Лишённый способности к прогнозированию, Гений не мог сказать точнее. Он вообще ни о чём больше не мог судить.

«Надеюсь, что вы все порядком повеселились, друзья мои. А сейчас будет ещё веселее, я обещаю вам. Потому что у меня остались идеи интереснее, чем мстить всем этим жадным претендентам на мои деньги. Ладно, я не буду вас мучить слишком долго. Соль, друзья мои, в том, что формально я жив».

Гению полегчало: на этот раз он был единственным, не впавшим в недоумение от сказанного. Он прекрасно знал, что его бывший… нынешний начальник имеет в виду.

«И сегодня я расскажу вам самую последнюю мотивирующую историю в моей жизни».

«Он же не мог в самом деле умереть, всё это — всего лишь очередная безумная выходка», — в который раз подумал Гений.

Да, выглядел Мелджен так себе, но это можно было списать на возраст и пристрастие к бесконечному курению. К тому же уж слишком счастливое лицо у него было для умирающего.

«Все вы знаете наш слоган, друзья мои: Мелджен любит вас. И это не какая-то там шутка. Вот только у тех, кого я люблю, я забираю всё. Да, я разрушил жизни каждого, кто был мне важен: моя жена застрелилась, моя дочь связалась с предателями, но моей истории они не достойны. Моя история не о них, но о каждом из вас. О том, что каждый, каким бы неполноценным кретином он ни были, может однажды встать во главе компании.

Так вот же.

Однажды, почти уже тридцать лет назад, когда наша компания не достигла ещё и десятой части того положения, которое имеет сейчас; когда в круглом кабинете заседал совет директоров, а система неформального деления на сектора была только создана и существовала разве что в тайных договорах с нашими дорогими партнёрами; когда я руководил отделом маркетинга, располагавшимся на территории почти достроенного внешнего города, мне сообщили, что уже вторую неделю ко мне пытается попасть посетитель. Я попросил впустить его. Это был мужчина лет на десять старше меня в старом коричневом костюме. Представившись, он сказал, что работает каким-то начальником строителей, что-то вроде того. «Ну и чего это тебе, строитель, нужно от меня?» — спросил его я. Он сказал, что умирает. «Ну и что с того?» — подумал я, посочувствовал и предложил ему оплачиваемый выходной. Конечно, он пришел не за выходным, за этим вообще надо было не ко мне, но его просьба меня, м… несколько удивила, потому что он притащил с собой мальчика лет восьми, который во время нашего разговора вошёл и без всяких церемоний сел на стул для посетителей, но не так, как садятся нормальные люди, а спиной к нам.

«Что, друг, у тебя нет жены?» — спросил я своего строителя. Но мужчина помотал головой. «Есть, — ответил он. — В том-то и дело. У моего сына проблемы в общении и вообще… Зато у него отличная память на числа». «Чёрт тебя дери, мужик, — подумал я, — отстойное умение какое-то в наше время». Он рассказал мне о том, что его сын третий раз не сдал экзамен на бытовое ориентирование и не был допущен до учёбы во внешнем городе. Но я так и не мог понять, к чему он клонит.

«Ты хороший человек, я видел тебя в новостях», — сказал он мне, а я подумал тогда, что он, э-э-э… не в себе, короче. Институт информации собирается ставить на нём опыты, а его матери предложили за это хорошую пенсию, — объяснил он наконец. — После моей смерти я едва ли смогу этому помешать. У тебя же

нет детей. Я хочу, чтобы ты взял моего сына себе».

Это был первый раз, когда со мной говорили так нагло, что я не нашел сразу, что ответить. Но ситуация пробудила во мне любопытство. «А что будет, если я откажусь?» — спросил я и на этот раз не удержался от смешка. Я так и не мог понять, на кой мне его чокнутый сын. «Я заминирую и взорву корпорацию», — ответил он совершенно спокойно. Ну да, очередной псих. Этот строитель явно был не в себе. Я знал, что он в жизни не сможет этого сделать. И всё же… я подумал, что это будет отличным имиджевым ходом. Я возьму себе мальчика и сразу же стану известен как человек, в самом деле заботящийся о своих сотрудниках. Так и появился слоган о любви. Такого рода хернёй я и занимался в рабочее время, да. И я тоже был почти никем. Ну, кроме того, конечно, что я был братом Виктора Меженова, держателя контрольного пакета тогда ещё даже не крупнейшей в, гм… стране компании. Одной очень амбициозной технологической компании».

Мелджен улыбался настолько нагло и говорил настолько неприемлемые вещи, что не было сомнения: он и сам верит в собственную смерть. Иначе как бы он, абсолютно прагматичный в своей одиозности, объяснял потом Комитету по этике, форуму секторов, ООН и правительствам стран-партнёров свои симпатии к дореформенной корпорации. Ни один нормальный человек не смог бы его за это простить.

«Но не торопитесь, друзья мои: история была вовсе не такой умилительной, как вам кажется. У меня, само собой, не было ни детей, ни жены, и жизнь моя была легка и полна бухла, наркотиков и женщин. Поэтому от парня я сразу же избавился, сделав несколько фотографий для прессы и сплавив его в технический отдел. В общем, честно: я даже не интересовался тем, как у него дела; и эту историю можно было бы уже закончить, если б её продолжение не было куда интереснее, чем начало.

Итак, по нелепому стечению обстоятельств, отец мальчика не только не умер, но и объявился через несколько лет, желая его забрать. Тогда я уже работал в корпорации и просителя ко мне не допустили, но, прочитав его просьбу, я рассмеялся и решил её удовлетворить.

Что ж, впервые за эти годы я пришел в технический отдел, который был вне моей компетенции, и попросил отдать мне мальчика, в ответ на что получил бурю негодования со стороны персонала. Мне стало интересно, в чём дело, и я решил посмотреть на этого гения еще раз. Когда я вошел в кабинет, где кроме мальчика было ещё человек пятьдесят, он чертил какие-то

схемы на электронной доске, а все остальные стояли вокруг него. Я подошел поближе и присмотрелся: сомнений быть не могло, это была схема рационального распределения трафика в корпорации, за которую в прошлом месяце был премирован весь отдел. Только представлена она была с кучей расчетов и уравнений, о которых я и понятия не имел, воображая себе распределение трафика, о котором мельком упоминали на совете директоров, как красивый концепт возможного будущего. Но будущее было ближе, чем казалось.

Мальчик не заметил меня. Я вышел, а когда вернулся к себе, достал прошение и написал на нём: «Отказать». Отец пытался поднять шум в СМИ, но по случайному стечению обстоятельств все они принадлежали корпорации или моим дорогим друзьям из других секторов.

Сначала я думал забрать мальчика из отдела и отправить его учиться, но, с другой стороны, формально он никогда и не был моим. К тому же я, можно сказать, в первый и последний раз столкнулся с ситуацией незаменимости сотрудника. Итак, друзья мои, перед вами, возможно, последний в мире человек без начального образования.

Время от времени я стал наблюдать за ним. Жил он всё там же, в маленькой комнате за отделом. Вопреки моим опасениям, с людьми он общался вполне адекватно и к восемнадцати годам имел даже некое подобие авторитета. Я уже думал о его возможном повышении, но вот однажды наш маугли, воспитанный технарями, исчез.

Потом я узнал, что с помощью одного из сотрудников, которого я тут же и уволил, он сбежал в сектор и нашёл там своих родителей. Точнее говоря, его мнительный отец к тому времени всё-таки умер, а чокнутая мать не узнала сына».

Мелджен сделал паузу, чтобы достать из пачки с огромной надписью «Курение убивает» новую сигарету. Гений равнодушно наблюдал за процессом.

«Чтобы вы могли понять мои дальнейшие действия, необходимо дать вам представление о процессах, происходящих в компании и за её пределами. В предыдущее десятилетие крупнейшие мировые корпорации начали сливаться, причём на непонятных для меня основаниях. Я никогда не был специалистом в этом и наивно считал, что целью любого слияния является, кхм… синергия, но мой любимый брат, которому принадлежал к тому моменту контрольный пакет, объяснил мне, что эта идея устарела и теперь, грубо говоря, нужно скупать всё, что не является убыточным, всё, до чего можешь дотянуться, и главное, всё, с помощью чего можно оказывать реальное влияние

на правительства подконтрольного сектора. В те годы Комитет по этике, этот второсортный клуб для фриков со всего мира, вдруг стал всем интересен, ну а я по настоянию брата женился, и у меня родилась дочь.

И уж так тогда сложились обстоятельства, что моего брата расстреляли за преступления против человечества. Нелепая смерть для главы транснациональной корпорации, не так ли? Само собой, его подставили, но отчасти он был в этом виноват: тогда я не понимал, что заставило его купить долю в злополучной «Трансграничной корпорации баланса», тайно занимавшейся обогащением урана. Теперь я понимаю, что ему просто не повезло, у него было-то всего семь процентов! Да и вообще на его месте я голосовал бы за бомбёжку Комитета по этике».

Мелджен рассмеялся. Пусть и после смерти, но он смог сказать то, что действительно об этом думал. Раз и навсегда припечатал лицемеров, отрицавших преемственность корпораций до и после инцидента. Но лучше б он этого не говорил. «Наши бумаги», — с ужасом подумал Гений, представляя себе тот момент, когда эта видеозапись просочится за пределы сектора.

«К несчастью для моего брата, тогда международное сообщество было достаточно сильным для того, чтобы расстрелять десяток высокопоставленных террористов, интересным способом избавившихся сразу от пула конкурентов. Но к счастью для меня. В моих руках оказалось девяносто процентов акций компании, остальные десять я убедил передать мне… на безвозмездной основе.

Уж так вышло, что человек, владевший ими, погиб, а его наследники отказались от акций в мою пользу. То есть, конечно, его убили, но это совсем другая история, к которой я не имел прямого отношения. Итак, я стал единственным в мире безраздельным собственником компании такого калибра. И тогда я понял, что я должен себя защитить.

Что было дальше, вы все прекрасно знаете. Кроме одной существенной детали. В тот же год, что я получил компанию, мой гений пришел ко мне, объявив, что хочет жениться на девушке из сектора. Ох и посмеялся я тогда.

Нет, ну я, конечно, знал, чем всё это закончится. Я вообще, кхм… знал много девушек из сектора и что им нужно от таких, как он. Да честно говоря, это им нужно от всех, что уж там. Суть в том, что взамен надо брать максимум, только и всего. Но он выбрал самый паршивый вариант. Хочешь жениться — женись, чёрт с тобой. Ну да ладно, все эти истории всегда заканчиваются одинаково, так и на этот раз чуда не случилось. Случилось даже кое-что похуже, чем обычно.

Что ж, мы заключили сделку: я выдал ему квартиру и вообще обеспечил всем необходимым, а он в обмен на это согласился стать мной. Согласитесь, круто я придумал? Я достал для него новые документы. И это была не какая-то подделка. Я мог всё, и я этим пользовался. Итак, с того момента у нас был один ID в базе данных, одно имя, один счёт. Юридически всегда существовал только один из нас. Надо ли говорить, что главной целью этого всего было создание ширмы — для сектора и мира за его пределами. Разумеется, слухи остановить было невозможно, но я потратил миллиарды на защиту себя и своей анонимности. Надеюсь, хотя бы до шестидесяти я дожил?»

«Не дожил», — мрачно подумал Гений.

«Ну, убил меня кто-то из своих. Так вот, спустя несколько месяцев я стал замечать пропажу огромных сумм с моего счёта. Я позвал моего друга к себе.

«Амиго, на что ты столько тратишь?» — спросил я его. И я уже знал ответ. Эмри. Воплощение всего того, что я ненавидел в нищих бабах Третьего сектора. Выдающийся образец жадности, глупости и наглости.

Он никогда прежде не имел дела с деньгами, и я решил, что это будет ему хорошим уроком. Я оставил открытым для него только один счёт, на который перечислял оклад, соответствующий занимаемой им должности. Он пришел ко мне через три дня.

«Мне нужны деньги», — сказал мне он. «Но ты и так получаешь свою зарплату», — возразил я. Мне было интересно, чем закончится противостояние его жены со мной. «Но я делаю больше, чем весь отдел», — возразил мне он. «Да, — согласился я, — но это не значит, что ты должен больше получать. Может быть, смысл капитализма в этом и заключался когда-то, но смысл моей монополии в том, что это я буду решать, сколько тебе платить».

«*О, пожалуйста*», — сказал мне он. Я ждал; думал, он будет угрожать мне своим уходом к конкурентам, мне было не то чтобы денег жалко, просто интересно, но ничего не произошло: он просто вышел из кабинета. Он не умел ни угрожать, ни убеждать.

На следующий день ко мне пришла его жена».

Мелджен снова засмеялся. Гений обернулся: Джил, скрестив руки, стояла лицом к экрану и наблюдала за происходящим на экране. Знает ли она, что её отец лжёт? Едва ли.

«Эмри. Вот кто точно думал, что умеет убеждать. До тех пор, пока ее головой об тумбочку не приложили. Говорит, значит, знает мои секреты, владеет фотками, схемами корпорации, знает, где живу и прочая бесполезная чушь. Я напомнил ей, кто она и

откуда. Ну, она, само собой, говорит: «Заберу у тебя всё», — я её и вышвырнул.

Тогда она собрала свои вещи и переехала ко мне домой. Ход был оригинальный: позвала полицию, показывает им документы, говорит: «Я жена Мелджена, в моём доме любовница с ребенком».

Так себе был ход, на самом деле. И для нее тоже. Охране я после дал указания и на километр её к моему дому не подпускать, кое-кого из полиции о тонкостях моей личной жизни тоже пришлось уведомить.

Но в тот вечер я сильно разозлился. Гению позвонил, говорю, чтоб немедленно забрал её. Он приехал тут же, зашёл, а она спит в моей кровати.

Вот тогда, ха-ха, он её избил и выгнал. Думаете, я шучу? Нет, серьёзно. Она даже Гения достала. Это, друзья мои, редкий талант. Впрочем, выгнать её заставил я».

Гений очень надеялся на то, что Эмри этого не слышала, что её не было среди присутствующих. Не потому что эта версия выставляла её в совершенно искажённом свете, а потому что… Потому что правда была хуже.

Это была бы правда пострашнее всех этих признаний в симпатиях Мелджена массовым убийствам его брата. О последнем и так с самого инцидента сплетничали все злые языки мира, о первом, весьма вероятно, не знал никто.

Гений закрыл глаза и на минуту словно отключился: ему было бесконечно стыдно слушать всё это. Да, его начальник пытался в точности передать свои впечатления от Эмри, исказив при этом все эпизоды с её участием до неузнаваемости. Но всё же всё это было неправдой.

«А в заключение я расскажу вам о том, как моя дочь лишилась наследства».

«Тебе интересно? — на светло-серую рубашку Гения легла чья-то рука. — Приходи в мой кабинет. Сейчас, пока все слишком заняты».

Он повернулся. Джил, чтобы положить ладонь ему на плечо, пришлось принять нелепую позу: почти полностью вытянуть руку вверх. Он с опасением заглянул в её серые глаза. Словно угадав его опасения, она сказала тише: «Всё нормально», — так, что не поверить ей было нельзя, и медленно стала отходить назад, за экран, где была еще одна дверь.

Она сказала «мой кабинет», наверняка имея в виду кабинет Мелджена. Гений наконец решился и, убедившись, что никто не собирается его останавливать, пошёл за ней. Она нажала кнопку, но все лифты компании были заблокированы. Им пришлось подниматься по лестнице. Ещё три этажа.

Динамики стояли повсюду. Гений отставал от Джил примерно на пятнадцать шагов: он слушал каждое слово, пытаясь запомнить не смысл (он и так мог бы повторить всю речь дословно), но свои ощущения, будто он был прибором, датчиком, прикреплённым к собственному телу, и единственным его предназначением было выдавать адекватную реакцию на происходящее.

«Нужно было всего лишь выгнать кучку отщепенцев, которым неизвестен смысл слов „частная собственность“, с моей плотины, которую я только что приобрёл, но вмешательство чёртовой организации освобождения привело к тому, что оборванцы застали врасплох и разоружили наш отряд, превосходивший по численности в два раза и, получив доступ к секретной информации, уничтожили пять наших беспилотников. И всё это стало возможным лишь потому, что Джил, моя дочь, вмешалась в это дело, снабдив их всем, чего они и во сне бы не увидели. Справедливость? Я вас умоляю. В этом секторе есть и будет только один бренд справедливости, и это та справедливость, которую устанавливаю я».

Оставался последний коридор. Холл перед кабинетом Мелджена был весь из стекла, лишь тяжелый красный ковер напоминал посетителям о том, что под их ногами не просто небо двадцать седьмого этажа. Джил, миновав коридор, открыла дверь за ним и вошла. Гений на несколько мгновений остановился, глядя на фруктовый сад и излучину реки вдали, за внешним городом.

Завещание было настолько некорректным, настолько оскорбительным, что, наверно, оно в глазах организации освобождения должно было подписать смертный приговор всей системе правления сектором. Оно, конечно, было для внутреннего пользования, но надежды на то, что оно не станет достоянием мировой общественности, не было. Или практически не было.

«И мой главный советник сказал мне, что сам дьявол не возьмется за это задание, потому что люди там, с оружием или нет, готовы до последнего оборонять этот жалкий кусок воды. Там уже больше двухсот человек собралось. Никакие компромиссы и увещевания не помогут. Нет, ну вы понимаете, прямо как будто он заседал в чёртовом Комитете по этике, а не в моём кабинете тратил моё грёбаное время. И тогда я плюнул ему в лицо и, вызвав к себе Гения, спросил, сколько времени понадобится на то, чтоб разобраться с ситуацией?»

Он нашёл в себе силы, чтобы идти дальше. Шаг за шагом. Небо под его ногами словно уходило выше, а он летел вниз. Динамик у кабинета был стар и не вполне исправен.

Вдалеке, у самой границы с внешним городом, играла диссонансно энергичная музыка.

«Через четыре часа плотина и её чокнутые защитники отправилась на дно, а мой советник — на неоплачиваемую пенсию, не доработав и до тридцати лет».

Гений распахнул двойную дверь и тут же увидел Джил сидящей на широком письменном столе по ту сторону кабинета. В руках у неё был его, оставленный в кармане пиджака, пистолет. Она облизнулась, глядя ему в глаза, и выстрелила шесть раз.

Стреляла она очень хорошо.

VI

Гений не умер, потому что Джил стреляла в кого-то другого. Как могла она стрелять в него, если его и вовсе там не было, не должно было быть? Это, верно, кому-то другому предназначался пистолет. Это, определённо, кому-то другому Эмри признавалась в любви. И не его сейчас Мелджен назовёт своим наследником. Власть? Кому в голову могла прийти такая нелепость, мысль о том, что она ему нужна.

— Может, ты уже что-нибудь скажешь?

Джил с равнодушием посмотрела на двоих своих упавших на пол телохранителей. Стреляла она хорошо. И действительно — в кого-то другого.

— Она… Эмри пыталась меня спасти?

Джил рассмеялась так, что оружие выпало из ее рук, мягко стукнувшись о ковёр. Не обратив на это внимания и почти не изменив позы, она достала из верхнего ящика стола второй пистолет, гораздо более тяжёлый на вид.

— Мой отец очень любил оружие. Потому что боялся. Я тоже люблю. Но по другой причине.

— О, может, потому что оружием увлекается Эс?

Гений инстинктивно закрыл голову руками: Джил, наслаждаясь его ужасом, в щепки раскрошила дверной косяк над его головой.

— Последнее, что должен был сделать человек, желающий тебя спасти, это привести тебя сюда. У тебя не было ни единого шанса. Ни единого.

— Тем не менее, — он пожал плечами, — я ещё жив. Её план сработал.

Джил с недоверием посмотрела на него, не зная, что на это сказать. Она не очень понимала, о каком плане идёт речь. Зато отлично понимала, о ком он говорит. Эмри. Это её она вчера с позором выгнала с балкона.

— Будь у нас больше времени, я бы продолжила над тобой издеваться. Но сейчас нам будет не до этого, так что можешь мне верить: это она сообщница людей, избавившихся от моего отца. Я понятия не имею, кто они, но организация освобождения сектора просто не могла не воспользоваться ситуацией. Я должна была злить тебя на глазах у всех, довести до состояния бешенства. Затем я бы предложила тебе поговорить со мной здесь, далее тебя бы застрелили мои друзья, а потом мы бы имитировали мою смерть от твоих рук. Далее под этим предлогом — захват дезорганизованной верхушки корпорации и секретного оружия.

Конец партии. Чёрные победили.

— Секретного чего… погоди, но что-то пошло не так? Эмри передумала меня убивать, решив вместо этого вооружить?

Джил возвела глаза в потолок.

— Ты хоть раз в жизни держал в руках пистолет? Я повторяю: у тебя не было ни единого шанса против меня. Твоя Эмри глупа, но не настолько же. Впрочем, будь она ещё чуточку умнее, мы оба были бы уже мертвы. Но, благодаря её ошибке, мы живы, а Эс арестовали сегодня утром, и теперь он отправится под суд за убийство моего отца. Так как ты думаешь, почему мы всё ещё живы?

Он опять пожал плечами.

— Ты спасаешь мне жизнь и спрашиваешь почему.

— Что за чушь? Это даже обидно. Я никого не спасала и не собиралась. Просто в мои планы сегодня не входило умирать. Я дочь Мелджена, и я в двадцать пять раз хитрее любой комитетской авантюристки. О, она рассчитывала на то, что ты выстрелишь в меня до того, как это сделаю я или мои телохранители. Остальное её уже не интересовало. Уж не сказала ли она чего-нибудь вроде: «Стреляй, не раздумывая. Сначала стреляй, потом говори»?

Гению стало не по себе. Интонации Джил были самыми издевательскими, но слова казались до боли знакомыми. Он почувствовал злость, которую не ощущал прежде. Он слишком привык к унижениям.

— Но зачем, чёрт подери, это завещание? Чтобы помучить меня, перед тем как застрелить?

— Пф, — Джил встала и, завернувшись в помявшийся пиджак, принялась ходить по комнате, — ты первым делом должен был спросить, кто включил видео. Положим, магии не существует. Как не было никаких сообщений всем сотрудникам. Глупости! Всё это невозможно было провернуть без сообщника или точного знания даты смерти плюс выдающейся технической грамотности. Полагаю, отец рассчитывал, что видео покажешь ты и оно бесспорно подтвердит все твои права.

— Но я этого не делал, — подвёл черту Гений.

— Конечно, не делал. Это сделала я.

Легче от её слов не стало.

— Но… выходит, ты знала, что выступление без одежды не даст тебе ровным счётом ничего, кроме позора, зачем же…

— Как думаешь, что бы со мной сделали, откажись я участвовать в плане? Я полагаю, смерть от пули показалась бы мне лёгкой и приятной. Меня бы до-олго ещё использовали в своих интересах эти люди: они будто случайно убили бы Эс в

тюрьме, а я была бы их заложницей. А вздумай я сопротивляться… эти люди совершенно беспринципны, и я давно это поняла. Увы, слишком поздно. Но теперь, с секретным оружием…

— Ну и чего же ты добилась? — прервал её Гений. — Вот ты зачем-то подтвердила мои права. Что он там скажет в конце? Что я единственный законный наследник, так?

Джил кивнула. Гений продолжил:

— Что ж, как только речь закончится и начнётся заварушка, мы где-нибудь спрячемся. Я бы на месте ваших ребят взял заложников и попытался нас выманить. Но, учитывая, что мы уже мертвы, а их не слишком много, никаких заложников не будет. Все они в сопровождении нашего драгоценного топ-менеджмента отправятся в технические отделы в поисках, как ты говоришь, секретного оружия.

— Да. И мы должны успеть туда раньше.

Повисло молчание. Джил смерила собеседника недовольным взглядом снизу вверх. Она подошла слишком близко.

— Джил, — сказал он, придя в себя, — что это за странная идея оружия? Да и что ты с ним будешь делать? Ведь после того, как охрана разгонит остатки ваших ребят, ты навсегда лишишься всех прав на корпорацию, а уж Эс, — тут он позволил себе усмехнуться, — гарантированно останется в тюрьме.

— Я так не думаю, — самодовольно возразила она, вновь направив на него пистолет. Только выйди за дверь, и если дойдёшь живым до конца коридора, то считай, что тебе крупно повезло. Поэтому сейчас ты сядешь и подпишешь договор, по которому отдашь нам, мне и Эс, семьдесят процентов компании, а также будешь советоваться с нами по поводу любого применения оружия…

— Семьдесят? Но это же ограбление.

— И ты обеспечишь возвращение Эс из тюрьмы.

— Что? — Гений не мог уже больше удивляться. — Ну, слава богу, он арестован. Так как там? Я должен выпустить убийцу Мелджена, чтобы он забрал себе мою компанию в обмен на мою жизнь? Какое безумное предложение. Разумеется, я предпочту умереть. Можешь стрелять.

— Постой, — холодно прервала его Джил. — Ты ослеплён своими чувствами. Посмотри на это с другой точки зрения: разумеется, не Эс убил моего отца, просто потому, что всю ту ночь мы были вместе.

Гений поморщился, подумав о том, что Эс, должно быть, старше её приблизительно в два раза, а то и больше. Но это его не касалось.

— Я и не говорю, что он обязательно лично убил его. Приказ. Да и ты, думаю, что-то об этом знала, иначе бы не был создан план захвата корпорации.

— Это долгая история, — отрезала она. — Сейчас не время. Эс невиновен. Если тебе нужны доказательства…

Он не дал ей договорить.

— Послушай меня, Джил, — сказал он тихо, — не будет никакого договора. Если б хоть кто-нибудь из вас знал, что я за человек, не было бы этих глупостей. Я найду убийцу Мелджена и сделаю все, чтобы Эс был казнён, если виновным окажется он. Но, если он окажется невиновным… мне не нужна ваша корпорация. Я подумаю, как оформить это юридически, но вы сможете делать с ней всё, что захотите. Меня интересуют только мои исследования.

— *Твоё секретное оружие*? — Джил отошла от него, вернувшись к столу в поисках патронов. — Ты знаешь, меня оно тоже интересует.

Гений улыбнулся.

— Я бы не называл это оружием.

Джил улыбнулась ему в ответ.

— Я бы назвала это жуткой хренью, которая рано или поздно разрушит всё, э… хорошее в этом мире.

Она, несомненно, собиралась сказать «всё живое», но вовремя одумалась. Но столь же несомненным Гению показалось и то, что они нашли общий язык.

Они ещё раз переглянулись и, несмотря на то, что в этом не было ни капли теплоты, этот обмен взглядами изменил мир настолько, насколько не меняло его ни одно рукопожатие на высшем уровне, совершённое за последние полвека. А ещё точнее говоря, настолько этот мир не меняло ничто и никогда.

VII

Мир изменился навсегда. Но если кого-то это пугало и даже если это пугало экспертов могущественного Комитета по этике, заставляя их как взведённых носиться по этажам в попытках не упустить ни единой новости, даже если это заставляло трусливых правительственных крыс обрывать все линии комитета, то Джеймс Роулс допивал свой утренний кофе в полном спокойствии и одиночестве.

Он не читал новостей и не проверял почту. На Мэдоусайд роуд, открывавшейся ему из окна, было непривычно оживлённо, но с высоты, на которой располагался его кабинет, подробностей было не разобрать.

Левой рукой, с обручальным кольцом, но без часов, он придерживал блюдце. Кофе был не лучшего сорта, но и такой достать теперь стало непросто, тем более в комитете. Слух о том, что его глава пьёт нормальный кофе, а не синтетический заменитель, мог бы стать скандалом на целых пару дней.

Впрочем, в тот день Джеймс вполне мог бы признаться в чём угодно, и практически наверняка это прошло бы незамеченным.

Сколько лишней суеты, сколько бесполезных движений совершали эксперты комитета… Джеймс смотрел на них, разносящих сплетни и тревогу по коридорам, и с ужасом думал о том моменте, когда ему придётся сложить с себя полномочия и, возможно, кого-то из них рекомендовать на своё место. Он был ещё достаточно молод: ему не исполнилось и шестидесяти, и на покой он в ближайшее время не собирался, но время от времени эта мысль грызла его. Вот и теперь он пытался отыскать среди всех этих бесполезных лоббистов и психов, повёрнутых на попытках не допустить прогресса любыми средствами, хотя бы одного спокойно и трезво мыслящего человека.

В зале заседаний его, конечно, уже ждал основной состав комиссии по информационным нарушениям, а также искренне нелюбимая им секретарь по вопросам отношений с правительствами, пытавшаяся, как всегда, в обход других донести до него свои сверхважные послания. На этот раз она избрала новую стратегию: вместо того, чтобы подкарауливать у входа, она набралась наглости и встала по правую сторону от его кресла, разложив на столе электронную доску, занявшую всё свободное место, отведённое председателю комитета. А ей, надо заметить, и вовсе не полагалось находиться на закрытом совещании профильной комиссии.

— Генеральный секретарь ООН хочет обра… — начала было

она, но Джеймс посмотрел на неё так, что она осеклась и приняла из его рук убранную им со стола доску.

— Мы поговорим позже, — сказал он, неотрывно глядя на то, как она в спешке, но спиной вперёд отходит к двери.

— Но послушайте, вас ждёт госсекретарь Соединё… — сделала ещё одну попытку она.

— До вечера, — с упором на каждое слово ответил ей председатель комитета и недвусмысленно вытянул руку, указав на открытую дверь.

За те пять лет, что она проработала в комитете, Джеймс настолько привык отвечать на её бестактности, что даже не прилагал никаких усилий, чтобы её осадить. Делегированная внутренним центром подготовки экспертов, она считала себя вправе совать нос во все дела, хотя должность эта была скорее формальной, и её предшественник на этом посту, увы, получивший повышение, относился к работе со здоровой иронией. И уж конечно, он не докучал своими проблемами председателю комитета.

Джеймс прекрасно понимал, к чему вся эта игра: она своим навязчивым поведением пыталась вынудить поспособствовать её карьерному росту. Но и он не зря занимал кресло: растянувшееся на пять лет противостояние нисколько не утруждало главу Комитета по этике Джима Роулса. Если бы не выдающееся внутреннее спокойствие, он и вовсе не смог бы удержаться на этом посту. А он переизбирался уже двенадцать раз.

И вот теперь угроза смещения нависла над ним настолько, насколько этого не происходило ещё ни с ним, ни с любым другим человеком, возглавлявшим организацию до него. Точнее говоря, так, должно быть, казалось тем, кто с сочувствием смотрел на Роулса этим утром. Никто не произнёс ни слова, когда дверь за до смерти надоевшей ему секретаршей закрылась. Сонцев, самый пожилой эксперт комитета, качала головой, пребывая в мрачной отрешённости. Она сняла очки и положила их на стол перед собой, а её взгляд рассеянно блуждал по пейзажу за окнами. Такой он не видел её никогда.

Новичок в комитете, Максл отчаянно пытался поймать глазами взгляд председателя. И тоже молчал. Другие двое, Армандо и Моррван, белые мужчины чуть младше Джеймса, оживлённо споривше о чём-то до его прихода, теперь сидели в молчаливом напряжении. Они ждали, что он скажет.

Роулс невольно подумал о том, как отвратительно, что люди, когда-то проголосовавшие за него двенадцать раз подряд, не находят в себе сил поверить в него теперь, не находят сил даже на то, чтоб взглянуть ему в глаза.

— И в чём причина? — спрашивает он, не здороваясь.

Сидящие за круглым столом поднимают глаза и встречаются с настолько спокойным, настолько привычным им выражением лица, что в их головы закрадывается мысль о том, а почему это они действительно ведут себя так странно.

— Начинаем срочное собрание? — спрашивает Сонцев. Протокол. Разумеется. Но при всей её любви к соблюдению формальностей она ошибается.

— Начинаем очередное собрание, — спокойно не соглашается Роулс, — которое и было запланировано на сегодняшнее утро. Я всех вас слушаю.

— Слушаешь, значит? — неприятно агрессивно отвечает ему Армандо. — Это мы слушаем объяснения. Джим, что происходит в Третьем секторе? Мы должны знать правду. Ты глава комитета, но нас… нам не нравится то, что происходит. Правительства встревожены, абсолютно все сектора уже потребовали многосторонних переговоров с нашим участием. В том числе и Четвёртый, чего я за последние двадцать лет что-то не припомню. И Четвёртый, Джим, Четвёртый сектор обратился к нам самый первый. Что происходит в Третьем секторе, Джим? Мы все ждём объяснений.

Моррван лишь хмыкает — то ли одобрительно, то ли чтобы продемонстрировать возмущение провалом комитета.

— Мне повторить вам информационные сводки? — менее дружелюбно, но по-прежнему сдержанно отвечает председатель. — Вчера около одиннадцати утра по местному времени новое руководство Третьего сектора попыталось применить информационное оружие для задержания заговорщиков, убивших главу корпорации Меженова, на территории самой корпорации и внешнего города. Но часть из них смогла скрыться, в связи с чем радиус действия оружия был расширен до всего сектора. Это неудачная для нас, но предсказуемая реакция…

Несмотря на то, что присутствующие полночи не отлипали от бесконечно обновляющихся новостей, пересказ их в исполнении Роулса вызвал неожиданно бурную реакцию.

— Какого чёрта у Третьего сектора новое руководство, Джим? — чуть ли не выкрикнул Моррван.

— Откуда у них информационное оружие? Они же вчера ещё были нашими партнёрами. Как вы это допустили? — Макс выпал из своего оцепенения. Он побледнел и, казалось, если б он стоял на ногах, то упал бы в обморок.

— Как мы это допустили, уважаемый эксперт, мы. Вам известно, что каждый из сидящих здесь, в том числе вы и я, в

ответе за случившееся? — холодно возразила ему Сонцев.

Роулс с благодарностью посмотрел на неё. Значит, она не потеряла самообладания.

— Что там делает Эс, Джим? О чём ещё мы не в курсе? — ещё более раздражённо поинтересовался Моррван.

— Мор, ты не хуже меня знаешь, что Эс формально давно уже не имеет никакого отношения к комитету, — возразила Сонцев, не дав Джеймсу вставить ни слова.

— Чёрта с два он не имеет! — Армандо вскочил со своего места и встал, скрестив руки на груди.

— Ар, успокойся, пожалуйста, — попросила его Сонцев. Она надела очки и сквозь их стёкла так строго посмотрела на нарушителя спокойствия, что он немедленно сел на своё место, хоть и с ужасно недовольным лицом.

— Что, Хелен, неужели он не прав? — уже сдержаннее спросил её Моррван. — У нас седьмая часть населения планеты — натуральные зомби, а он в это время на островах прохлаждается, следит, чтоб, понимаешь ли, не клонировали чего-нибудь не того. Здорово, а? Да я не знаю, что мы должны сделать теперь: самораспуститься, это по меньшей мере. И это всё под нашим чутким контролем в центре цивилизации. В секторе, с главой которого наш Джим чуть ли не каждые две недели обжимался и который так уверял нас в вечной любви и этичности. Скажи, это не правда? Мне всё это снится, да?

— Да лучше б на Пало-Альто упала ещё одна ядерная бомба! Лучше бы Джиму Роулсу приделали в этом его втором секторе вторую голову, может тогда он думал бы, прежде чем что-то делать! — Армандо опять вскочил и на этот раз ударил рукой по столу.

Сонцев нахмурилась. Роулс едва сдержал едкую ухмылку: вот они, лучшие эксперты комитета, и вот их реальное отношение к этике. Нервные, вспыльчивые карьеристы, бесконечно заигрывающие с направившими их в комитет секторами и тянущие из них деньги. И больше ничего. Думать, что в других комиссиях были какие-то более подходящие на свою должность эксперты, конечно, было можно, но уж точно не Роулсу. Он знал их всех. К сожалению.

Армандо направился к выходу, но на полпути обернулся, остановился и ткнул пальцем в главу комиссии по информационным нарушениям, председателя Комитета по этике и самого влиятельного человека в свободном мире. Роулс, который не стремился ввязаться в перепалку, делал вид, что читает почту: перебирал пальцами и смотрел на несуществующую проекцию своего почтового ящика перед собой.

— Если ты сейчас же не договоришься об инспекции Третьего сектора с моим непосредственным участием, я зарою тебя, Джим. Тебе ясно? Ты не пойдёшь под суд за превышение полномочий, нет, ты будешь расстрелян, как Меженов и Ко. Ты этого добиваешься?

Этого, конечно, никогда и никак не могло случиться, и Армандо прекрасно об этом знал. Джеймс демонстративно зевнул. Армандо в ярости задвинул стул и оглушительно ударил дверью, скрывшись за ней.

— Это все истерики на сегодня? — бесстрастно поинтересовался Роулс. Он явственно услышал оправдательное «переволновался», сказанное Моррваном себе под нос.

— Думаю, теперь мы все готовы тебя выслушать, Джим, — наконец ответила ему Сонцев. Она свела руки в замок и положила их на стол перед собой. Весь её вид выражал крайнюю сосредоточенность. — В особенности нас интересует, что сейчас с Эмри, а также замешан ли Эс в убийстве Меженова, и если да, как его имя могут связать с комитетом. И конечно, хотелось бы получить досье на нового главу сектора. Как, кстати, его фамилия?

— Меженов, — тихо ответил ей успокоившийся Моррван.

— Ещё один? — изумился ничего не понимающий Макс, а Сонцев нахмурилась ещё сильнее.

— Меженова? Но она ведь, кажется, несовершеннолетняя. Или нет? И, насколько я помню, по нашим данным, она лишена права наследовать… Да и в новостях я слышала про какого-то мужчину. Правда, я так и не поняла, кто он. Но если вы про него, ведь ни у Виктора, ни у его брата не было сыновей. Или мы чего-то не знали?

— Ты, главное, не проси его фотографию показать, — не удержался от сарказма Моррван. Он, похоже, уже был в курсе дела.

— Неужели его фотографий нет в сети? — Сонцев продолжала недоумевать. Это было уж просто немыслимо. Выросший из под земли наследник. Сын? Ещё один брат?

— Только его фотографии и есть, только его, — ответил ей Моррван, явно довольный возникшим непониманием.

— Ты намекаешь на то, что его двойник… один из его двойников убил главу корпорации, чтобы захватить власть? — Сонцев застыла, и по её виду было понятно, что её недоумение лишь растёт. — Чтобы захватить власть над… Но…

— Давай я продолжу за тебя, — любезно предложил ей Моррван, — чтобы захватить власть над миром, Хелен, именно так. Ну и если ты называешь двойником человека, не имеющего

никакого внешнего сходства с Мелдженом, то да, ты права.

— В самом деле, господа, вы ведь не верите в то, что эти планы имеют хотя бы минимальные шансы осуществиться? — вмешался недовольный их разговорчивостью Роулс. Он уже устал ждать того момента, когда все сплетни будут обсуждены и они смогут перейти к чему-то существенному.

— Какая разница, имеют или нет, Джим, это создаёт опаснейший прецедент. И ты знаешь это не хуже меня, — Сонцев сделала знак молчать уже открывшему рот Моррвану. — Я хочу убедиться, что ты знаешь, как нам справиться с неминуемым применением аналогичного оружия всеми остальными секторами. Ты ведь понимаешь, что теперь это вопрос времени?

Её взгляд случайно упал на испуганного Максла, но у неё не было ни времени, ни желания объяснять ему происходящее.

— Не будет ничего подобного, Хелен, — коротко ответил ей Роулс.

Повисло молчание. Лишь полминуты спустя, убедившись, что перебивать его больше никто не намерен, он продолжил:

— Ты думаешь, я не знал, что всё так обернётся? Проблема лишь в том, что произошедшее было неизбежно. Я знал о планах по свержению Мелджена уже несколько лет и именно поэтому для наблюдения отправил туда Эс. Вы, наверно, не будете спорить с тем, что он был нашим лучшим экспертом по Третьему сектору…

— А тут вот Сонцев не далее как десять минут назад уверяла меня в том, что он никакого отношения к комитету не имеет, — саркастически отметил Моррван.

— Разумеется. Его лишили статуса члена и эксперта комитета якобы за деятельность в пользу Шестого сектора, чтобы не вызывать никаких подозрений. В Третьем секторе любят такие резюме, сам знаешь. И вот вчера Эс наконец попытался совершить то, ради чего был отправлен: препятствовать убийству главы корпорации. Но увы, ему не удалось.

Моррван вновь не дал ему договорить:

— Учитывая, что Эс пытался использовать для этого местные силы освобождения, я не удивлён.

— А какой у него был выбор, Мор? Внутри корпорации доверять некому. Он сделал больше того, что должен был сделать. Главное, он смог заблаговременно предупредить меня. Он оказал неоценимую услугу комитету, и теперь мы постараемся вытащить его оттуда. Потому что он был задержан и, насколько я знаю, находится где-то на территории корпорации.

Сонцев словно пропустила его слова мимо ушей.

— И что же, Джим, даёт тебе надежду на счастливый исход? Возможен ли вообще даже условно счастливый исход: например,

вариант, при котором Третий сектор останется в изоляции, а остальные откажутся от применения технологии, скажем, увидев все минусы её применения?

— Ну, вот это, например, *это* даёт мне надежду, — Роулс эффектно расстегнул пиджак и, вытащив сложенную вдвое бумагу, протянул её сидящей напротив него Сонцев.

Та немедленно развернула лист и, бросив на него короткий взгляд, предъявила остальным.

— Допуск для инспекции? С сегодняшней датой? Безусловный? Но как? — теперь наступила очередь Моррвана удивляться. — Скажи ещё, что ты убедил их отказаться от применения оружия?

— Ну неужели ты догадался, — спокойно и теперь уже с улыбкой ответил ему Джеймс. — Всё именно так.

— Как Вам это удалось? — с нескрываемым восхищением спросил Максл.

Сонцев облегчённо выдохнула. Моррван смотрел на председателя комитета всё с той же недоверчивой усмешкой.

— Мы существуем, чтобы делать то, что другие считают невозможным. Иначе Комитет по этике был бы так же бесполезен, как правительства. Я знаю, как убеждать людей. Любых людей.

Джим оглядел собравшихся. На его лице было написано превосходство, конкурировать с которым казалось абсолютно бессмысленным.

Он видел, как из расслабленного выражение лица Сонцев становится напряжённым. И к этому он был, разумеется, готов.

— Я, кажется, поняла тебя. Так ты что, для этого отправил туда Эмри? Этот новый глава сектора — её бывший муж.

Сонцев приложила сухую жилистую руку ко рту. Она вспомнила о том, что сама подписала бумаги в пользу этого решения. Но она и подумать не могла…

— Как неэтично, Джим, — с насмешкой упрекнул его Моррван, — но очень-очень кстати. Я приношу свои извинения. Я зря в тебе сомневался.

— Ты же понимаешь, что подвергаешь её жизнь опасности? Ей не место в Третьем секторе.

— Да уж, весёлая там компания собралась, — не то согласился с Сонцев, не то попытался пошутить Моррван.

Роулсу шутка не понравилась.

— Мне тут, кажется, говорили, что лучше б ядерный взрыв, а теперь упрекаете в том, что я отправил эксперта комитета — заметьте, с её полного согласия — в сектор, где ей не грозит, дайте-ка подумать, абсолютно ничего? — он демонстративно развёл руками.

— Но послушай, Джим, я предлагаю хотя бы произвести её в полноправные члены комитета. Иммунитет и все прочие права…

— С формулировкой «за выдающиеся успехи в соблазнении диктаторов»? — поинтересовался Моррван.

Джеймс проигнорировал его выпад:

— Что ж, если Хелен считает это необходимым, я готов прислушаться к её мнению. Не думаю, что это что-то изменит в положении Эмри, зато завтра мы сможем сообщить на переговорах с секторами, что Третий сектор под нашим наблюдением: там уже находится один из членов комитета, а на следующий день туда вылечу я. И все желающие. Ар, кажется, хотел? Ну и положим конец всей этой заварушке.

— Мне поговорить с другими? — спросила Сонцев.

— Да, и созови общее совещание, на этот раз срочное, — ответил ей Роулс, уже готовящийся встать из-за стола. — Не будем откладывать голосование.

Он встал и поправил пиджак. Остальные последовали его примеру и также встали. Совещание закончилось.

Джеймс, вполне довольный тем, как всё сложилось, направлялся в свой кабинет, но примерно на полпути его догнала Сонцев. Догнала и остановила, схватив за руку и заставив развернуться.

— Послушай, Джим, — начала она, и её тонкие накрашенные губы поджались, словно она хотела выразиться более грубо, но всё никак не решалась на это, — то, что ты сделал, непростительно. Ты водил всех нас за нос. И то, с чем ты так спокойно играешь, смертельно опасно. Тебе удалось выкрутиться в этот раз, но когда-нибудь ты обязательно совершишь ошибку, которая будет стоить тебе всего. И я не хочу, чтоб эта ошибка стала последней для свободного мира. Извини меня, Джим, но я подниму вопрос о твоём отстранении после того, как кризис будет исчерпан.

— Хорошо, я понял тебя, — ответил он холодно. — Что-то ещё?

— Да. Ты понимаешь, что может произойти, если начнут всплывать старые истории? Я, честно говоря, нет. Боюсь, что Эмри в ужасе от того, в какой ситуации она оказалась. Такого вообще никому не пожелаешь.

— Ну, это просто старые разборки двух людей.

— Двух? Я бы сказала, четырёх, Джим. Это всё огромная пороховая бочка. И когда она рванёт, Джим, то есть если мы не вывезем наших людей из сектора до того, как это случится, мало не покажется никому. Я даже не знаю, чьи действия для нас сейчас наиболее опасны…

— Я знаю, Хелен, — ответил он всё так же спокойно, — и дай мне решить эту проблему, пока ты меня не отстранила. Хорошо?

Она ничего не ответила. Он беспрепятственно добрался до своего кабинета.

На Мэдоусайд роуд всё так же толпились люди. Джим опустился в кресло и отвернулся от окна. Всё это мельтешение, ярость, конфликты — вся эта шелуха была неотъемлемой частью его работы. Но суть её заключалась в другом. Он по-настоящему работал, лишь находясь в одиночестве в своём кабинете.

VIII

Джил, лёжа на диване в бывшем кабинете отца, вилкой ела апельсин, апатично разглядывая видео с камер наблюдения, расположенных по всей территории сектора. Происходящее казалось ей настолько странным и невозможным, что она не могла понять, как к этому относиться. Она представляла всё несколько иначе: себя как организатора, себя как ассистента. В конце концов, она понимала, что ей предстоит ещё многому научиться. Она была согласна на любую роль. Но то был уже другой, новый Третий сектор, и Джил была ему не нужна. Даже эта новизна была совершенно не той, на которую она рассчитывала. Впервые она видела, как нарушаются законы человеческого сожительства, законы, которые пусть и не имели фиксированного перечня, но которые она чувствовала, как и всякий другой.

Тот эгоистичный свободный мир, который она ненавидела и по которому теперь скучала, закончился. Стены, окружавшие корпорацию, замыкавшие её в строгое бетонное кольцо, пожалуй, были единственным напоминанием о ненависти и противоречиях, которыми ещё вчера были охвачены все: от главы сектора до последнего нищего на улице.

А теперь не осталось ни главы корпорации, ни нищих. В бледно-рыжем рассветном тумане, лежащем на стеклянных крышах теплиц внешнего города и расстилающемся далеко за его пределами, не осталось попрошаек, не осталось несправедливо обделённых, и очень похоже на то, что не осталось и недовольных. Преступники, рьяные защитники безумных идей и просто злые от отчаяния граждане, живущие на территориях, подконтрольных Третьему сектору, растворились в тумане, усреднились и заторопились по своим делам. Но и дела эти были не такими, как прежде. Джил смотрела камеры и не могла понять, куда пропали стройные колонны машин, ещё вчера рассекавшие воздух, где все незаконные уличные торговцы-спекулянты с бесконечных пешеходных эстакад, соединяющих корпорацию с остальным миром, ради чего покинула свои посты охрана её здания.

Этот мир был настолько непривычен, что он, подобно излишне человекообразному роботу, вызывал у Джил оторопь.

В этом новом идеальном мире на пуфике рядом с её диваном сидел второй инженер отдела маркетинга и чистил Джил апельсины.

Делал он это, впрочем, по той самой доброй воле, которая

заставляет мужчин ухаживать за симпатичными девушками по всему свободному миру. Ну и ещё, конечно, потому, что в новом Третьем секторе не нашлось другой работы для отдела маркетинга.

— Послушай, Алекс, — Джил повернулась к сидящему рядом с ней, попытавшись уже в какой раз завести разговор на интересующую её тему, — я, конечно, ни на что не рассчитываю. Я не понимаю ни слова из объяснения Гения, и я не понимаю, какого чёрта происходит в моём секторе. Я смотрю на это всё, и… я не так себе всё это представляла.

К её удивлению, он оказался хорош не только в освобождении апельсинов от кожуры.

— Шутишь? — он вскочил со своего места и принял позу декламатора. — Тебе нужно было сразу обращаться ко мне. Очень жаль, что новое руководство игнорирует наш отдел, очень жаль. Смотри, на самом деле всё очень просто.

Он взмахнул рукой так, словно показывал какой-то фокус.

— Представь себе, у тебя есть личный ангел-хранитель…

— Не надо про меня, пожалуйста, — Джил приложила руку к сердцу. Ей не нравилось представлять себя под контролем, хоть она и не очень понимала, что это такое.

— Ладно, пойдём с другой стороны, — согласился с ней собеседник. — Вот есть человек, он живёт — для чего? Он что-то делает — почему?

— Ну, м… Люди хотят быть лучше других, хотят комфорта, хотят нравиться другим, быть богатыми, любимыми, получать удовольствие от жизни?

— А теперь скажи мне, какие из этих желаний противоречат подобным желаниям других?

Джил зевнула.

— Ну, положим, все, и что?

— То, что люди принимают решения, которые вредны обществу. И, принимая такие решения, они зачастую причиняют вред и самим себе. Убиваешь — садишься в тюрьму, твоя жизнь испорчена плюс ещё кого-то ты убил. Лучше не стало никому…

— Так при чём здесь оружие?

— Оружие? А-17? Я же сказал, это как иметь ангела-хранителя, никакое это не оружие. Эта штука незаметно для тебя меняет твои плохие мысли на хорошие и полезные. Кроме того, она позволяет координировать действия людей и принимать решения, которые будут хороши для всех, а значит, в конечном счёте выиграют от этого все.

— То есть… Подожди, ты и я тоже можем быть под его воздействием и не догадываться об этом? — Джил выронила

вилку.

— Вполне, — согласился с ней Алекс, — но я так не думаю. Видишь ли, эта штука очень влияет на такие вещи, как способность принимать решения, не связанные с деятельностью внутри коллектива. Да и алгоритм, как ты понимаешь, никогда прежде не применялся, поэтому на фиксирование всех багов уйдёт месяца полтора как минимум, и это ещё будет беспрецедентно короткий срок, учитывая даже самообучаемость системы и участие всех нынешних специалистов корпорации. Следовательно, Гений не может применить А-17 на тех, с кем он работает, иначе он останется в одиночестве. На нас с тобой применить его, конечно, можно, но зачем?

— И что же, нет никакого способа защититься?

— О, конечно, есть, — радостно ответил ей Алекс, — отключить внешнюю память. То есть вытащить.

— Что?! — Джил чуть не подскочила от негодования.

— Вот ты в каком году родилась? — не обращая внимания на её бурную реакцию, поинтересовался Алекс.

— В шестьдесят втором, — ответила она.

— М… Шестьдесят второй… Замечательный год, чтобы в него родиться. Но, увы, если ты родилась после две тысячи сорокового, ты, ммм… ты, скорее всего, забудешь почти всё, что помнишь, а может, вообще разучишься говорить, кто знает…

— Причём здесь год моего рождения?

— Это всё приблизительно, конечно, но больше девяноста восьми процентов людей, родившихся после этого года, получили внешнюю память в возрасте до десяти лет. Их, то есть наша, внешняя память, скажем так, плохо отделима от биологической.

— Но что же получается… это настолько опасно? И куда смотрел ваш хвалёный Комитет по этике?

Алекс с довольным видом поправил волосы. Он откровенно наслаждался её вниманием.

— Это-то как раз и стало одной из причин его усиления. Люди по всему миру боятся нашего А-17, ну и комитет, конечно, боится больше всего. Потому все так и липнут к этому проклятому комитету, что верят, будто он сможет остановить прогресс. Ха! Ты не поверишь, Джил, — он в неожиданном порыве спикировал на диван и схватил её за руку, — я рад, что живу в Третьем секторе, ничего подобного не происходило с нами никогда. Я впервые рад тому, что я здесь. Это история, Джил. Это наша история.

Но Джил его восторга не разделяла.

— Так что же, мой сектор теперь — какой-то улей или муравейник?

— Замечательно! Просто замечательно! — согласился с ней собеседник. — Я должен это запомнить.

— Нет, дорогой мой, — Джил, недовольная его тоном и поведением, встала с дивана, — это не только не замечательно, это мне просто очень не нравится. Мы решили все свои проблемы, заговорщики выслежены, их давно пора собрать в одном месте и, например, расстрелять. А то это, знаешь, как-то очень несправедливо, что посадили одного Эс, и того абсолютно ни за что. И знаешь, что ещё?

Она выдержала паузу. Алекс внимательно посмотрел на неё, но всё равно в лучах солнца он видел лишь силуэт Джил, облокотившейся на широкий подоконник.

— Я практически уверена в том, кто стоит за всем этим. С каждой минутой у меня остаётся всё меньше сомнений в этом.

— И кто же? — непонимающе спросил её Алекс. Его грубоватые ногти впились в очередной апельсин.

— Тебе не кажется странным то, что Гений не отключил это ваше А-17 сразу после того, как необходимость в нём отпала? Он так замечательно прикидывается умственно неполноценным, но давайте посмотрим на факты. Мой отец не давал ему никакой жизни, сколько я себя помню. Гений не получал ни нормальной зарплаты, ни отпуска, — и это вся благодарность одному из лучших сотрудников. Он даже не мог свободно заниматься тем, что ему нравилось, вечно находясь под началом то Эс, то кого-нибудь ещё. Какова благодарность, а? Мне даже жаль его, но другой вопрос — что нам-то теперь делать с этим психопатом? Он ведь в жизни ни за что и никогда не выпустит Эс из тюрьмы, будь он хоть трижды невиновен…

— Постой, — пальцы Алекса остановились на середине апельсина, а сам он, подойдя к Джил, посмотрел ей в глаза, — то есть ты думаешь — это Гений убил твоего отца?

— Ну надо же! — Джил сделала шаг назад, недовольная дистанцией между ними.

— Но погоди, ты что — серьёзно? — он скорчил какую-то невероятную гримасу и покрутил пальцем у виска.

— Разумеется, я серьёзно. Я что, стала бы с этим шутить?

Алекс попытался ещё что-то изобразить с помощью пантомимы, но по существу возразить не успел: в дверь без стука ворвался помощник, то есть бывший личный помощник Мелджена.

— Наедине! Я должен поговорить с тобой наедине, — он остановился, тяжело дыша.

Джил, взяв из рук Алекса белый очищенный апельсин, выпроводила своего бывшего собеседника за дверь. Делала всё

это она с самым безразличным выражением лица, но в душе ликовала. От неё наконец что-то потребовалось.

— Джи-ил, — грузный помощник её отца без приглашения опустился на стул, стоящий посреди кабинета, — я не рискнул пойти с этим к Гению, думаю, это сначала должна видеть ты.

— В каком смысле — к Гению? — Джил зло прищурилась. — Я — глава корпорации, это ясно?

— Да, разумеется, поэтому я здесь, ты должна это видеть. Я получил доступ к камерам в вашем доме. И на них… есть момент убийства.

Джил вскинула бровь. Она пыталась сохранять спокойствие, но даже руки её похолодели: конечно, он не пошёл с этим к Гению, поскольку именно Гений и застрелил её отца. Ей было страшно увериться в собственной правоте, но она всегда предпочитала знать наверняка.

Джил не представляла, что ей делать дальше, Джил не видела ни единого шанса на спасение. Она горько жалела о том, что не в тех людей выпустила патроны вчера. Было слишком поздно.

Когда помощник с крайне скорбным видом смахнул ей видео, а она запустила проекцию перед собой, она сначала многократно с сосредоточенным видом пересматривала интересующий её фрагмент, а затем, бросив на пол несчастный апельсин, приблизила картинку так, как только могла.

У неё не осталось никаких сомнений. Она увидела всё своими глазами.

— Мне нужны, — сказала она внезапно севшим голосом, — все видео его перемещений в течение последних трёх дней. Это нужно срочно, организуете?

— Дело пятнадцати минут, думаю, с этим проблем точно не возникнет, — ответил ей помощник и тут же заторопился уйти, оставив мрачную Джил наедине со своими мыслями.

Стоило ему выйти, она метнулась к столу, схватила с него какой-то бесполезный чугунный пресс для бумаг и со всей силы швырнула его в стекло. В самое прочное пуленепробиваемое стекло в мире. Чугунное нечто с отвратительным звуком ударилось о каменный пол, не оставив на нём ни следа.

Что ей оставалось делать? Она опустилась на пол и закрыла голову руками так, словно это могло бы защитить её от всего.

IX

— Так значит, это ты убил моего отца? — Джил смотрела на Д'Эсперадоса сквозь стекло его тюремного отсека. Смотрела без всякого интереса, как избалованный ребёнок в зоопарке смотрит на животное. Опасное, агрессивное животное, не представляющее никакой опасности в своём нынешнем положении.

Эс хмыкнул в ответ, давая понять, что признания она от него не добьётся. Но ей и не нужно было его признание. Она видела всё своими глазами. Многократно. Ей так хотелось верить, что это неправда, что это попросту невозможно. Ей вдруг стала приятна мысль о том, что на самом деле она под А-17, а всё увиденное ею — просто иллюзия, созданная, чтобы заставить её усомниться в Эс. Но она ещё не успела разучиться верить себе.

— Дорогой мой, тебе лучше ответить. Мне наплевать, мстить я тебе не буду, — всё так же равнодушно продолжила она. Её короткие пальцы цинично перебирали звенья браслета, который Эс подарил ей буквально пару недель назад.

— Зачем тогда ты хочешь от меня признания? — спросил он, а Джил подумала: «Неужели все человеческие чувства такие? Неужели всё между нами закончилось?» Думать об этом было поздно, но она думала.

— Я хочу знать правду. И хочу знать ещё одну вещь. Ты говоришь мне правду — я выдаю тебя комитету, идёт? Сегодня глава комитета та-ак просил меня об этом, но увы. Расследование есть расследование.

Эс вновь хмыкнул: он не верил ни одному её слову.

— Ми-илый, — сказала она совсем разочарованно, отвратительно растянув первый слог, — ты что, так хочешь сдохнуть? Прямо сейчас.

Эс поднял глаза и уставился на бывшую девушку. Он впервые видел её такой. Он никогда не думал о Джил в таком ключе. Недалёкая девочка, полноватая и с огромными запросами, она в своём полубезумном гневе казалась ему теперь точной копией отца. И он не знал, как можно было не замечать в ней этого прежде.

Эс впервые всерьёз задумался о том, что смерть его может быть несколько более мучительной, чем та, что предусматривалась для преступников мировыми гуманистическими стандартами.

— Говори, что хочешь знать, — процедил он сквозь зубы.

— Я хочу узнать, кто, чёрт подери, такая Эмри, почему Гений

сходит с ума по ней, что с ней не так.

На самом деле её не слишком интересовали подробности личной жизни Гения, но увиденное на камерах, а также памятная встреча на балконе просто не могли не привести к этим вопросам. И если Джил уже поняла и смирилась с мотивами, двигавшими Эс, то поступки Эмри были для неё до сих пор совершенно неясны. Несомненно, она сыграла во всей истории какую-то роль, но какую? Джил не имела никаких, даже смутных, догадок. Если она сообщница Эс, почему она оставила в живых Гения? Если она на другой стороне, зачем она приходила к Эс? О чём таком они говорили, что Эс встретился с ней чуть ли не в единственном месте в здании без камер?

Эс выглядел удивлённым.

— А с чего ты взяла, что я знаю?

— Допустим, я знаю всё, — раздосадованно ответила ему Джил, — и если ты не скажешь сейчас же… ты правда хочешь знать, что будет?

Эс позволил себе помолчать секунд десять, мысленно оценивая масштабы этого «всё».

— Ну да, я понял: ты считаешь, что, раз она пришла ко мне вчера, мы с ней лучшие друзья, что ли? Это из-за неё я сегодня здесь. Из-за неё всё пошло не по плану, между прочим. Ты могла бы сейчас стать единоличной наследницей корпорации, а я был бы свободен, не так ли?

— Меня не интересует, что могло бы быть, — отрезала Джил, продолжая крутить браслет, — а ты говори всё, что знаешь о ней. Ты ведь знаешь.

— Ну-у, она лет двадцать как замужем, двое детей, столько же работает в комитете, живёт на задворках первого сектора, где-то рядом с Новым Орлеаном, что ли, — в общем, ничего особенного, — ровным тоном сообщил Эс.

— Да чтоб ты сдох, Эс, разве об этом я тебя спрашивала?!

Джил чуть не сорвала голос и зло прищурилась, пытаясь показать, насколько разгневана. Да, до отца ей было очень далеко.

— А о чём?

— Что. В ней. Особенного, Эс? Что было между ней и Гением?

— А, ты хочешь знать, от чего у него крыша поехала, — удовлетворённо сказал Эс, но вдруг осёкся. — Ну, э… я не знаю. Правда, не знаю. Они вроде были женаты несколько месяцев, она его бросила. Скучно, банально. Он, ну ты знаешь, просто такой урод, что другие женщины на него и внимания не обращали никогда.

— Мне так не кажется, — возразила Джил, вспоминая Гения.

Он и впрямь был каким-то странным, и странность эту нельзя было назвать ни харизматичной, ни привлекательной: у него были слишком крупные черты лица и вечно растерянный вид. Но положение, которое он занимал, должно было притягивать сотни женщин куда более интересных во всех смыслах, чем Эмри…

Эс что-то не хотелось ей возражать.

— Ну зациклился он, тоже мне редкость. Тебе-то это зачем? Претендуешь теперь на красавца?

Он мысленно проклял себя за то, что не удержался от сарказма.

— А ты претендуешь на то, чтоб остаться без жизненно важных органов? Могу устроить. У наших сотрудников большая практика.

— Ладно-ладно. В общем, он совсем пропил остаток здравого смысла за последние годы. Не знаю, как Мел мог оставить всё ему. Забей на него и постарайся скорее слить, иначе окажешься в соседней клетке. А ведь я буду ждать тебя тут, — он улыбнулся, и его улыбка будто осветила всё вокруг. Эс и в нынешнем своём положении был почти совершенством, не считая слишком густых бровей и гадкого взгляда из под них. «Я задушу тебя, дай ты мне хоть малейший шанс», — вот что читалось в этом взгляде.

— Это мне от тебя, что ли, слушать советы? Заткнись и продолжай. Все знают, а я не знаю.

— О боже мой, ну она сбежала от него кучу лет назад, прихватив практически все алгоритмы корпорации.

— Прихватив что?

— Всё, что составляло военную и коммерческую тайну. Вот он и тронулся. Оправдывает её. Мел после этого держал его только на вторых ролях на всех проектах, а я бы на его месте вообще уволил бы этого придурка или расстрелял: это всё по его вине произошло.

— И зачем она это сделала? — озадаченно спросила Джил. Эта странная история всё больше увлекала её, хоть и против её желания. Женщина в бесцветном пиджаке с усталыми глазами и заурядной внешностью была способна на такое масштабное предательство. Интересно, как минимум.

— Это была возможность уехать из сектора. И от этого болвана тоже, разумеется, — с удовлетворением в голосе ответил ей Эс. — Она замечательный человек, и этим поступком она остановила не какую-то одну войну, она вернула Третий сектор в разряд третьесортных и вечно отстающих, а значит, лояльных линии комитета. А комитету, как ты понимаешь, нужны союзники в борьбе за хотя бы какой-то мир…

— Не отходи от темы. Что ты говорил по поводу её

замечательности?

— Она, ну, занималась такими вещами, которые ни у кого не вызывают негатива. Гуманитарные программы, экология там. В общем, врагов у неё нет, насколько я знаю. Она не ввязывалась в споры, не была миротворцем. Она хороший человек, в общем-то.

Джил словно пропустила его слова мимо ушей.

— Кажется, я начинаю понимать. Она хотела уехать из сектора. Но почему?

Эс подумал, что женщины беспросветно глупы.

— Ты серьёзно не понимаешь, как можно хотеть сбежать от этого нудного психа? Тогда у тебя проблемы, дорогая моя. Мне жаль тебя.

— Она что, сама получила доступ ко всем алгоритмам?

Эс замялся.

— Не знаю таких подробностей, дорогая.

Джил продолжала сверлить его взглядом, а интонация её стала какой-то спокойно-угрожающей. Но лицо Эс просияло. Он не верил своему счастью.

— Но самое главное, что я хочу сейчас знать, почему это Эмри притащилась к тебе первым делом, как попала в сектор, — Джил не сводила с него взгляда, продолжая крутить браслет. — Вот что меня сейчас интересует. В каких вы отношениях?

— В достаточно близких, — ответил ей голос из-за спины.

Джил вздрогнула, а Эс с облегчением выдохнул. За спиной Джил стояла Эмри, удивительно невозмутимая и удивительно обыкновенная. Эмри, словно бы рассеянно улыбающаяся, скрестившая руки на груди и не отрывающая взгляда от заключённого в стеклянную камеру Эс.

Джил должна была, наверно, подумать, чем ей грозит это неожиданное появление, но вместо этого она широко раскрытыми глазами уставилась на пришедшую, силясь понять, какой сверхспособностью обладает эта женщина.

Эмри улыбалась одними губами, но её улыбка не была напряжённой или насмешливой, скорее она казалась снисходительной. Во внешности Эмри не было ничего странного или выдающегося, и всё же чем больше Джил вглядывалась, тем больше ей становилось не по себе: она могла бы списать это на миф, плотно, как мрачное облако, окружающий фигуру Эмри, но уже и сама, кажется, начала понимать, что именно не так, правда сформулировать это ей удалось гораздо позже.

Будь Эмри другим человеком, обладающим ровно такой же внешностью, она могла бы даже считаться красивой; проблема заключалась в одном-единственном едва уловимом недостатке: Эмри была начисто лишена женской привлекательности. Как и

почему, Джил поняла совсем не скоро, но прекрасно это ощущала с самого начала: обычность Эмри, её движения, манеры и одежда делали её настолько незаметной, насколько это было вообще возможно. Одежда сидела на ней идеально, волосы неопределённого цвета были вымыты, но не более того: ни краски, ни причёски. Эмри как будто специально стремилась сделать себя максимально уместной, не оскорбляющей ничьих чувств и представлений о прекрасном. Без лишнего веса и огромного носа, без широко распахнутых глаз, белоснежной широкой улыбки и даже слабого запаха парфюма, она была похожа на какой-то неизвестный икс, который раздражал Джил своей безликостью и ненаходимостью: всё, что она знала об Эмри, не сводилось к этой возникшей как из-под земли выцветшей женщине с мягким овалом лица и лишь самую чуточку раскосыми глазами. Она была вся каким-то бесконечным отрицанием различных свойств, поскольку никакое из них не подходило ей в достаточной мере, чтобы с ним можно было согласиться. Казалось, что судьбой ей вообще не предназначено было участие в столь масштабных событиях, но Эмри оказалась втянута в них, и они сделали из её внешней посредственности посредственность вызывающую, даже жуткую своей неопределённостью. Женщина со странным международным сокращением, созвучным с мужским именем? Примерная жена и мать? Рядовая искательница эффектных мезальянсов для получения членства корпорации любой ценой? Истеричка, шантажировавшая мужа и его начальство? Сообщница Эс, прыгающая по балконам корпорации? Агент Комитета по этике, остановивший не слишком этичными методами войну? Одна из многих, кто отправился в Первый сектор, чтобы построить там карьеру, но остался навсегда на второстепенных должностях? Практически погибший на границе эксперт, готовый на любые жертвы ради мирового благополучия?

Пожалуй, Джил начала понимать Гения. По крайней мере, кажется, до неё начала доходить суть его интереса к этой женщине: он, по всей видимости, в силу каких-то отклонений, не свойственных другим мужчинам, принимал серость Эмри за загадочность. Его, конечно, не могли сводить с ума красивые ноги или грудь, он был слишком чокнутым, чтобы искать этого в женщинах.

Он, вероятно, интересовался ей как человеком, чьи дальнейшие шаги были бы для него неясны: в этом плане она вполне могла казаться ему исключительной. Единственное, чего Джил пока не понимала в этом почти уже логичном раскладе: до какой степени его влечение было вызвано научным любопытством и было ли в нём что-то общее с тем, что испытывали простые

смертные вроде неё.

Всё это хитросплетение догадок и оценок пронеслось перед Джил так быстро, что ни Эмри, ни Эс не заметили её замешательства. Но тут произошло кое-что такое, что заставило Джил усомниться в своей мгновенной оценке стоявшей перед ней женщины: Эмри, сделав шаг вперёд, вытянула руку, и стекло, отгораживающее Д'Эсперадоса от них, отъехало в сторону.

«Она управляет электроникой», — только и успела подумать Джил. Она настолько не ожидала этого, что даже не отошла в сторону, когда Эс, неприлично довольный своим чудесным спасением, пошёл прямо на неё и толкнул плечом.

— Что ты с такими задатками делаешь в комитете? — с вымученной иронией спросила Джил. — Тебе бы в цирке выступать. Может, ты и дождь умеешь вызывать?

— Может, — ответила ей Эмри всё с той же улыбкой. Эс обнял её, она на какое-то мгновение оказалась прижатой к нему, но тут же мягко отстранилась.

Эс резко обернулся, и в его глазах Джил увидела ещё более нехороший блеск, чем тот, который она наблюдала в них каких-нибудь пару минут назад, когда была ограждена от него бронированным стеклом. Вот уж кто никогда не упускал случая позлорадствовать. Но пока это злорадство не было обращено к ней самой, Джил оно не просто не беспокоило, оно её привлекало. Теперь же она упрекала себя в наивности: в том, что имела глупость верить, что он будет плохим парнем со всеми, кроме неё.

Эс не замедлил с демонстрацией того, насколько она ошибалась: шагнув к ней, он с нескрываемым удовольствием толкнул её в сторону камеры, предназначавшейся для него. Слабое сопротивление, которое смогла оказать ему дезориентированная Джил, лишь развеселило бывшего заключённого. Ему ничего не стоило вырвать у неё электронный ключ, который она прицепила к браслету, вместе с самим браслетом, втолкнуть её внутрь и закрыть стеклянную дверь.

— Тебе повезло, — он демонстративно облизнулся, — что я не один. Этим бы ты не отделалась.

Он сказал это тихо, но у Джил не было никакого сомнения: Эмри слышала каждое слово. Слышала, но продолжила всё так же стоять и с неизменной улыбкой наблюдать за происходящим.

— Это в интересах нашей безопасности, дорогая, — сказал он, на этот раз обращаясь к Эмри.

Она пожала плечами и направилась к выходу.

X

Недовольство Эс росло по мере приближения к двойному кольцу блокпостов, отделявших Третий сектор от Второго. Солнце нещадно палило, а Эмри настояла на том, чтоб они оставили аэромобиль и пошли пешком. Он вообще не очень понимал, почему им было не воспользоваться самолётом корпорации и не покинуть территорию на нём, раз они в принципе могли её покинуть.

Он щурился от солнца и изнемогал от жары, а блокпосты, казалось, всё отдалялись и отдалялись от них. Странно, но людей на границе практически не было, за исключением какой-то подозрительно тихой компании молодых людей, идущей им навстречу.

— Ты что, устал? — будто бы заботливо спросила Эмри, но прозвучало это так, что Эс подумал: она издевается над ним.

Она пребывала в отличном расположении духа, видимо предвкушая скорое расставание с сектором. Когда они поравнялись с идущими им навстречу, она как ни в чём не бывало сняла с ближайшего к ней парня солнечные очки, надела их на себя и точно так же, словно ничего и не произошло, продолжила своё триумфальное шествие в направлении блокпостов.

— А без фокусов никак? — кисло поинтересовался Эс.

— Да ладно тебе, — она усмехнулась, — хоть бы спасибо сказал за то, что я тебя вытащила. А вы все так хотели от меня избавиться: «Я всё са-ам, уезжай», — и так далее.

Но никакого «спасибо» она от него не дождалась. Они проделали остававшийся им путь в напряжённом молчании.

— Послушай, Эм, — уже у самых ворот пропускного пункта Эс остановился, чтобы перевести дух, — я не понимаю твоего нынешнего оптимизма. Все эти штуки, которые ты выделываешь, — это, конечно, весело, но с чего ты взяла, что твоих суперсил хватит на то, чтобы вытащить нас за пределы сектора?

— Я, да будет тебе известно, мой дорогой, достала для Роулса допуск на инспекцию сектора с неограниченными полномочиями, а ты во мне сомневаешься. Ну и возможно, тебя убедит то, что не далее как сегодня утром я разговаривала с Гением, да, именно так, и он гарантировал мне, что я покину сектор в любом случае, что бы ни случилось.

— Ты покинешь. Ты.

— Ты уже со мной, так что можешь не переживать. Идём.

Эмри сдвинула очки на нос и посмотрела Эс в глаза. Он

попытался сделать уверенный вид и вслед за ней пошёл к воротам.

Джил ворвалась в ведущий отдел проектировки внешней памяти так быстро, что никто не успел ей и слова сказать. Локтями она случайно смела на пол какую-то документацию с пары неудачно подвернувшихся ей столов, но, конечно, это не смогло её задержать. За то время, что она просидела в камере, пытаясь привлечь к себе внимание, она накопила достаточно злости.

— Что, чёрт побери, происходит? — закричала она, наконец заметив Гения в дальнем углу комнаты. — Что это всё значит? Почему убийца моего отца разгуливает на свободе?

Гений обернулся. Он выглядел, как обычно, помятым, но хотя бы не таким мрачным, как прежде.

— Ты это о ком? Не об Эс случайно?

Ей показалось даже, что он спросил это с иронией, хотя прежде он представлялся ей человеком, который понимает всё слишком буквально и не способен к восприятию ситуации с юмором.

— О ком же ещё, ч-чёрт?! Как ты вообще это допустил? Ты же его ненавидишь. Как так вышло, что Эмри просто зашла и вывела его? Куда она его потащила?

— Не знаю, — он пожал плечами, а Джил страшно выпучила глаза, — но думаю, что она собирается вывезти его во Второй сектор.

Он сказал это таким спокойным тоном, что Джил не сразу нашла, что ему ответить.

— Ты в своём уме? Он убил Мелджена, а ты его просто отпускаешь!

— Ну, если бы это могло его воскресить, я бы, конечно, этого не допустил, — ещё более апатично ответил ей Гений. — А вообще ты же сама так просила выпустить твоего дорогого Эс. Вот, пожалуйста.

— Я не знала правды. Пожалуйста, останови этот кошмар. Послушай, да их обоих надо закрыть где-нибудь до выяснения всех обстоятельств. Это же заговор, да ещё и с явным участием комитета. Как ты этого не понимаешь? Они хотят нас уничтожить.

Вокруг них собралась небольшая группа любопытных, делающих вид, что они работают, но Джил этого, казалось, не замечала.

— Я так понимаю, ты посмотрела видео с камер наблюдения дома? Ну что ж, я и без этого был уверен, особенно учитывая, что его поймали с оружием и практически на месте преступления.

— Ты что, не понимаешь? Если ты не можешь управлять

сектором, доверь это хотя бы мне. Зачем ты выдал допуск экспертам комитета? Зачем ты позволил этим двоим улизнуть, зная, что один из них — убийца, а вторая — его сообщница? Ты абсолютно не в себе, и я прошу тебя по-хорошему: очнись уже. Если ты не можешь управлять сектором, это могу делать я.

Джил попыталась схватить его за рубашку, но Гений вывернулся.

— Это ты абсолютно не в себе, если думаешь, что можешь управлять сектором.

— В каком смысле я не могу управлять сектором?! — в голосе Джил читалось праведное возмущение.

— Ни в каком смысле не можешь, — ответил ей Гений, отступая назад. — Тебе восемнадцать, это во-первых; во-вторых, твои представления об управлении настолько примитивны, что бедный наш сектор.

Джил просто опешила от такой наглости. Она ожидала чего угодно, но не рационального, абсолютно рационального отпора.

— Но когда сюда явятся все эти эксперты с Роулсом во главе, они же первым делом заставят тебя выключить А-17, это ты понимаешь?

— Ну а чего я жду, по-твоему? Я что, так похож на человека, который собирается мир захватить, или что?

— А я не понимаю, чего ты ждёшь. Совсем не понимаю, — ответила она всё так же недовольно.

— Роулс — один из немногих людей в мире, способных сформировать сильное коллективное руководство из наших специалистов. И, я боюсь, только оно и способно сейчас взять на себя управление сектором. Я, кроме того, что неспособен, не хочу этим заниматься, а ты не можешь. Извини, но это так. Ты, наверно, не помнишь, но аналогичная проблема была восемь лет назад у Пятого сектора. И мне не нужны никакие подтверждения, кроме статистических: Роулс не просто справился. Это он стоял за одним из самых успешных примеров экономического роста в современной истории.

— Подожди, так ты поэтому выдал допуск? Я ничего не понимаю.

— Конечно, почему бы ещё мне было это сделать?

Джил подумала, что она действительно совершенно не в себе, если она додумалась приписать это неограниченному влиянию на него Эмри. Он был гораздо прагматичнее, чем она думала.

— Ладно, но Эс-то ты зачем позволил сбежать? Неужели ты совсем не хочешь ему отомстить?

— Видишь ли, Джил, — Гений сделал какое-то болезненно недовольное выражение лица, — я обещал Эмри, что она

беспрепятственно покинет территорию сектора.

— Ты обещал ей. Причём здесь Эс? Но если б ты спросил меня, я бы не выпускала ни его, ни её. Просто так, до выяснения обстоятельств. Тебя не интересует, например, откуда оружие, которое она тебе всучила? Или зачем они с Эс встречались накануне убийства, а?

— Хм, — по его лицу было видно, что последние доводы Джил заставили его задуматься, — может, ты и права, но обещание есть обещание. Хорошо, я верну Эс в его камеру, выпущу только её.

— Послушай, — взмолилась Джил, — ты давал обещание, когда всего этого не знал, не так ли? Ты ведь не следишь за ней, я права?

— А зачем? Уж теперь она в безопасности.

— Ну, не будет большим нарушением договора с твоей стороны отправить её домой не сейчас, а вместе с другими экспертами. Неделей позже, неделей раньше — какая разница? Ты ведь ничего не говорил ей про время, так? Выясним подробности и отправим домой… если она невиновна.

Джил сказала это тихо, но в её голосе настолько откровенно звучала мстительность, что это почувствовал даже Гений. Впрочем, он ничего ей не ответил: его отвлёк кто-то из сотрудников отдела, позвав в другой угол опенспейса. Гений даже не попрощался с Джил, но в его последнем взгляде ей почудилось что-то недоброе. К счастью, Джил уже поумнела и списала это на свою впечатлительность.

— Добрый день, — пограничник Третьего сектора внимательно осмотрел Эмри и её спутника.

— Мы можем пройти? — Эмри указала на заветные красные ворота, отделявшие их с Эс от долгожданной свободы.

— Вы — да, а ему нужны документы, — равнодушно ответил ей сонный пограничник, работы у которого в тот день практически не было.

— Вот, — Эс протянул свои бумаги, и Эмри заметила, что руки его дрожат. Она по-прежнему сохраняла спокойствие. Бумаги были в порядке, она сама их ему принесла.

— Извините, но вы не можете покинуть сектор и будете задержаны, как только выйдете отсюда, — пограничник зевнул.

— Что? — Эмри сжала очки так, что дужки опасно хрустнули. — Вообще-то он со мной.

— Да хоть с самим папой римским, насчёт него приказ есть.

— Я не очень понимаю, чего вы добиваетесь? Хотите, я останусь в секторе насовсем? Я готова. Пожалуйста, выпустите его.

— Это абсолютно исключено, только через мой труп, — внезапно активно воспротивился Эс, — лучше я вернусь в тюрьму.

Гений усмехнулся этому отчаянному благородству.

— Ну ты же понимаешь, надеюсь, что оба мы никак не можем остаться? — спросила Эмри. Весь её энтузиазм моментально испарился, она выглядела совершенно подавленной.

— Вот именно, — ответил ей Эс, — потому убирайся, пока и тебя не задержали.

— Но если ты останешься, ты отправишься в тюрьму, а я не задержана.

Пограничник долго наблюдал за этой увлекательной драмой, подперев голову руками, пока не решил вмешаться:

— А у вас что, есть выбор?

— Вы не понимаете, я останусь, я согласна на любые условия, разве этого не достаточно? — Эмри умоляюще посмотрела на него.

— Дамочка, да вы на солнце перегрелись, — сквозь смех ответил ей пограничник, — а оставайтесь-ка вы у нас ещё на неделю.

— Что?! — в унисон воскликнули Эмри и Эс. А Эмри в этот момент всё же сломала дужку чужих очков.

— Я неясно выразился? Оба дуйте назад.

Эмри и Эс переглянулись.

— Вы уверены? — спросила Эмри.

— Абсолютно, — ответил ей пограничник и вновь сдавленно загоготал.

Они медленно поплелись назад к воротам, за которыми их ждали люди в военной форме.

— Я задержана? — с безразличием в голосе спросила Эмри.

— Нет, это он задержан, а вы можете идти, — дружелюбно ответил ей военный, надевавший на Эс наручники.

XI

Гений даже не удивился, когда обнаружил Эмри сидящей на его диване и пьющей его коньяк из его же забытого на столе стакана. Несмотря на жару, не спавшую даже к вечеру, её кремового цвета рубашка была застёгнута до самого верха, а ноги утянуты во что-то чёрное.

— Что за дрянь ты пьёшь? — поморщившись, спросила она вместо приветствия.

— Зачем ты здесь вообще? И что тебе не нравится? — спросил он в свою очередь.

Когда он оказался рядом и сел на диван, закинув ногу на ногу, Эмри невольно подумала о том, насколько же лицемерен её бывший муж. Но больше всего её пугало не лицемерие само по себе: самым нехорошим было то, что он находил какое-то неясное удовольствие в том, чтобы создавать угрозы её жизни, держать её при себе силой и пытаться при этом убедить в том, что она должна быть благодарна ему за это. И выглядел он всегда настолько полным кретином, что никто, кроме неё, не мог понять, что же он на самом деле из себя представляет. Как бы то ни было, у неё уже не осталось выбора, принимать ей эти правила игры или нет. Эмри с самого начала не верила в то, что, получив такую возможность, он когда-либо её отпустит, и теперь лишь укоряла себя за то, что поддалась минутной слабости и купилась на данное им обещание.

— Мне не нравится, что ты не держишь слово, — тихо ответила Эмри.

Гений ничего ей не ответил, поскольку она придвинулась и положила голову ему на плечо. В сгущающейся темноте Эмри всё ещё могла видеть, что он закрыл глаза. Это было очень выгодное для неё положение: его дыхание сбилось, что хотя бы временно лишило его возможности говорить, а Эмри вовсе не желала выслушивать его ложь про неожиданность её появления. Она пыталась одержать хотя бы и такую сомнительную победу, упредив его желания и не вынуждая применять против себя ещё какие-нибудь грязные хитрости, которые рано или поздно всё равно закончились бы использованием A-17, I-2 или любого другого новоизобретённого сокращения. Скажи она ему об этом, он принялся бы в гневе отрицать саму возможность такого исхода событий, но Эмри знала его лучше, чем он сам.

Она ещё немного подвинулась и переложила голову ему на грудь, внимательно наблюдая за реакцией. Ей хотелось смеяться, до того всё это было нелепо. Но ещё нелепей было то, что она не

могла вспомнить, что именно в нём так отталкивало её восемнадцать лет назад. Не считая того, что Гений был хитрым и патологически неуверенным в себе психопатом, он был абсолютно обычным внешне: пожалуй, не таким привлекательным, как её второй муж, но не толстым, не лысым, не слишком низким. Он даже надушился какой-то штампованной дрянью, название которой она не смогла так сразу вспомнить, и это тоже веселило Эмри: ну конечно, он не знал о её приходе, само собой.

Она удивлялась прежней себе: даже в том своём бедственном положении, оставшись без возможности когда-либо построить карьеру в корпорации и уехать из сектора, какое внимание она уделяла тому, чтобы избежать физической близости с Гением. Насколько она верила в идеальную совместимость, насколько ждала встречи с человеком, который устроил бы её во всём. Она считала, что достойна гораздо большего, чем то недоразумение, которым был для неё этот брак.

И это было правдой. И она сделала это правдой.

Поскольку Гений вообще никак не реагировал на её недвусмысленные намёки, она приняла более решительные меры, правой рукой скользнув по его щеке и запустив пальцы ему в волосы.

Про себя она могла лишь насмехаться над происходящим, над тем, кем она была и над тем, кем он так и остался. Какое, должно быть, значение он придавал всему происходящему. Насколько потрясающей способностью раздувать короткие гормонально обусловленные переживания до масштаба вселенских трагедий обладают люди.

Активность Эмри вывела Гения из полукоматозного состояния: он положил свою руку на её так, словно хотел убрать, но передумал и просто переложил подальше от волос. Эмри вновь усмехнулась про себя, признавая, что получает удовольствие от его реакции. Она чувствовала его страх перед тем, что всё может закончиться, и свою власть над ним.

Она не хотела целовать его, а поскольку он не догадывался сделать это сам, Эмри решила, что это даже к лучшему. Она приподнялась на коленях и отодвинулась, отчего Гений открыл глаза.

Эмри, попытавшись изобразить милую улыбку, поддела ногтем петлю от верхней пуговицы своей рубашки. Увидев, что ничего не произошло, она продолжила, расстегнув вторую, третью и затем четвёртую пуговицы. Она даже не успела вскрикнуть, когда он резко опрокинул её назад и навис над ней, глядя в глаза.

— Мне очень интересно, — сказал он практически шёпотом, — почему ты думаешь, что можешь делать со мной что угодно из-за этого всего?

Он схватил её за край полурасстёгнутой рубашки.

— А что бы ты хотел сделать со мной? — спросила она самым соблазнительным своим голосом.

— Что бы я хотел сделать с тобой? Я бы хотел видеть, как тебе вышибут мозги на границе с Четвёртым сектором, вот что. Я хотел бы видеть, как ты разлетишься на несколько кусков от взрыва, как ты умрёшь от лучевой болезни. Я хотел бы видеть, как все твои тайны становятся известны людям, которые избрали тебя вчера в комитет. Если б я знал, что в тебе нет ни капли жалости ко мне, я бы обязательно всё это организовал. Обязательно. Почему ты считаешь себя вправе пользоваться моими слабостями в своих интересах? А в чьих ещё интересах, Эмри? Может, ты скажешь мне?

Она лежала, боясь пошевелиться. Он выглядел абсолютно выведенным из себя.

— Почему ты считала себя вправе воспользоваться моей добротой и попытаться вывезти из сектора человека, который совершил убийство и устроил переворот, о чём ты наверняка знала? И самое главное, чего я совершенно не понимаю: почему ты вообще меня не боишься? Тебе что, настолько нравится меня провоцировать, что ты совершенно не опасаешься того, что когда-нибудь моему терпению придёт конец? Ты спрашиваешь меня, что я хотел бы сделать с тобой? Серьёзно?

Эмри попыталась приподняться, но он не позволил ей.

— То, что я мог бы сделать с тобой, могло бы ограничиваться разве что моей фантазией, а вовсе не тем, что ты тут собиралась мне предложить. Я мог бы сделать с тобой абсолютно всё — что угодно, — и ты была бы уверена, что сама этого хочешь. Я просто не понимаю: неужели есть какие-то цели, для которых тебе так нужно надо мной издеваться?

Она хотела ответить ему, но её остановило то, что он внезапно стал возиться с пуговицами на её рубашке. Её страх исчез. Эмри понимала, что Гений говорил всё это скорее от обиды, чем от злости. Он был всего лишь слабым обиженным человеком.

— Тебе помочь? — как ни в чём не бывало спросила она.

— Нет, я сам, — ответил он и продолжил: — Почему ты считаешь, что если я что-то испытываю к тебе, это даёт право крутить мной как угодно? Почему ты уверена, что я буду всё это терпеть? Ты считаешь меня настолько беспомощным? Настолько неспособным к самоконтролю? Я рискнул всем, что у меня ещё

оставалось, чтобы вытащить тебя из той задницы, в которую втянул тебя твой комитет. Я доверился тебе и не выслал из сектора, когда тебе нечего было уже здесь делать, позволив засунуть нос в дела, которые абсолютно тебя не касаются. И вот это — твоя благодарность мне?

Она обратила внимание на то, что Гений делал с её рубашкой, ровно в тот момент, когда он застегнул последнюю пуговицу почти под подбородком. Он сделал это не слишком аккуратно, но Эмри не подала виду, что ей неприятно.

— Ты уедешь из сектора сразу же, как я узнаю, о чём ты говорила с Эс накануне убийства. И я уже ничего тебе не обещаю. Если ты ни при чём, отлично. Я даже не буду спрашивать тебя, хочешь ты уехать или остаться. И попадись ты ещё раз мне на глаза, Эмри, я абсолютно нисколько за себя не ручаюсь. Сделай так, чтоб я больше тебя здесь не видел, — он на время замолчал и, словно нехотя убрав руку с её шеи, отстранился. — Если ты, конечно, не хочешь об этом пожалеть.

Она пыталась сказать что-то ещё, но он ушёл в другую комнату и закрыл за собой дверь.

Эмри залпом допила коньяк, забрала с кресла свой пиджак и вышла из дома в тёплую августовскую ночь две тысячи восьмидесятого года.

XII

— Знаешь, как у нас говорят: хорошо смеётся тот, кто смеётся последним? — не то спросила, не то пустилась в размышления Джил.

Эс подумал, что даже с учётом того, что Джил изо всех сил старается казаться устрашающей, она всё равно выглядит очень милой и даже несколько наивной. Если б он не опасался того, что она может попробовать доказать ему свою состоятельность в качестве главы Третьего сектора, который по старой доброй традиции обязан быть садистом, он открыто смеялся бы над её попытками его запугать.

— С кем не бывает, и у меня промахи случаются, — ответил он ей и белозубо улыбнулся.

— Не понимаю твоей радости, — отрезала Джил. — На что ты теперь надеешься? На то, что тебя Джим Роулс какой-нибудь вытащит? К твоему сведению, мы с Гением сегодня решили, что делать с тобой.

— И что? Сожжёте? — спросил он и тут же прикусил язык. Эс часто ловил себя на мысли, что его несёт, но ничего поделать с этим не мог.

— Спасибо за идею, — Джил тоже улыбнулась ему.

На этот раз они не были разделены стеклом: она просто зашла к нему в сопровождении двух охранников. Что касается других изменений, наручники с Эс так и не сняли, хотя никакой практической необходимости в них не было, а Джил взяла с собой стаканчик кофе, который она специально не стала закрывать, чтобы Эс мог как следует проникнуться завистью. К тому же время было совсем раннее, и она едва смогла заставить себя встать в семь, чтобы встретиться с Гением, режим дня которого был настолько странным, что ей первое время казалось: он вовсе не спит. На самом деле он, конечно, спал, но прийти в свой отдел в четыре утра было для него в порядке вещей.

Он по-прежнему не претендовал на бывший кабинет Мелджена, и никакие другие формальности, связанные с его вступлением в должность, произведены не были, что и давало Джил возможность считать главой сектора себя. Да и вообще она не слишком хорошо разбиралась в секторальном праве и потому ждала, что ей скажут юристы, которые должны были прилететь одним бортом с экспертами комитета. Кто знает, сочтут ли они видеозавещание законным? В любом случае надежды она не теряла.

— Ну, сжечь тебя мы всегда успеем, а сегодня нас интересует

всего лишь твоя внешняя память. Снимем копию, только и всего. Посмотрим, что ещё ты скрывал от своей любимой девушки.

И хотя Эс не выглядел удивлённым, эта новость заставила его заметно напрячься.

— Может, я сам всё расскажу? — безнадёжно предложил он.

— Да пожалуйста, валяй, — согласилась Джил, — а потом мы снимем копию.

— А что именно вас интересует? — спросил Эс.

— А то, что ты так и не захотел мне рассказать. Про тебя и Эмри, которая теперь, между прочим, включена в основной состав комитета. Высокая моральная планка, не так ли? Да и, знаешь ли, может, нам вообще не пускать завтра всю эту делегацию? Что-то мне подсказывает, что все ваши действия были кем-то скоординированы. Я пока не понимаю, чего вы добивались, но некоторые предположения уже имею. А скоро я их подтвержу.

Она жестом показала охране, чтоб они вели его за ней.

— Что может быть приятнее, чем знать всё, а, Эс? — спросила она, когда они шли по последнему коридору, отделявшему их от центра копирования.

Не получив ответа, Джил обернулась и увидела, что Эс безвольно повис на руках охранников. «Неужели умер?» — промелькнуло в её голове, она отшатнулась и тут же побежала искать кого-нибудь, кто мог бы помочь.

— И чего ты хотел добиться? — спросила она, когда спустя пятнадцать минут он очнулся в окружении целого консилиума из врачей и технических специалистов. — Ты что, пытался стереть внешку? Очень глупо с твоей стороны.

Поскольку потеря внешней памяти практически повсеместно считалась опасной для психики, все известные специалистам Третьего сектора её модели были надёжно защищены от возможных повреждений любого характера. И даже если бы Эс решил покончить с собой, на внешней памяти это едва ли как-то бы отразилось.

— Ну я же должен был попытаться, — попробовал оправдаться он.

— Сколько займёт расшифровка? — спросила Джил у высокого мужчины в узких очках, стоявшего справа от неё.

— Часа полтора плюс-минус тридцать минут, — ответил тот.

— Джил, — Эс внезапно умоляюще посмотрел на неё, — пожалуйста, исполни самую последнюю мою просьбу. Очень прошу тебя.

— Как трогательно, — издевательским тоном ответила ему Джил. — Ну проси, а я подумаю.

— Пожалуйста, посмотри мои записи сама, то есть… я имею в

виду… без Гения.

Джил рассмеялась.

— Погоди, дорогой ты мой, ты что, и правда думаешь, что ты здесь из-за его мстительности? — Джил вновь принялась смеяться. — Почему ты считаешь, что я отношусь к тебе лучше, чем он? Ему ты хотя бы в любви не признавался, чтобы втереться в доверие. Он вообще плевать на тебя хотел, пока я не упросила тебя не выпускать.

— Так Эмри тоже не выпустили из-за тебя? — Эс выглядел удивлённым.

— Конечно, — Джил подмигнула ему, — но ты погоди, её ещё депортируют, если она не участвовала в заговоре. А вот тебя — вря-яд ли. Да и насчёт неё я сомневаюсь. Не бывает таких совпадений.

— И всё же я прошу тебя, Джил, выполни мою просьбу.

— Знаешь, учитывая, что я и так собиралась это сделать… — она пожала плечами, — даже не знаю.

Джил вернулась к себе в кабинет и воткнулась в развлекательное шоу: влюблённые соревновались в том, насколько хорошо они знают своих партнёров. Джил представила в студии себя и Эс и вслух посмеялась. Какой же невероятно глупой она была, она же понятия не имела, кто он такой. Теперь она пыталась разобраться, осталась ли у неё хоть чуточка былой привязанности. И чем больше Джил размышляла, тем больше понимала: нет, ни черта подобного.

Из размышлений её вывел ворвавшийся на этот раз без стука бывший помощник её отца, ныне повышенный до её советника. Он вошёл в кабинет, закрыл за собой дверь и молча встал у порога.

Джил встала и медленно пошла ему навстречу, ожидая, что он наконец что-то скажет.

— Ну и? — спросила она, уже несколько раздражённая его молчанием.

— А, извини, у меня просто, э… дежавю. Только теперь я серьёзно уверен.

— Я не понимаю: в чём вы уверены? — заинтригованная Джил подошла ещё ближе. — Я вот ни в чём уже не уверена.

— Посмотри записи с памяти, Джил. Я думаю, ты должна сказать об этом Гению сама.

— Да ладно вам, — недоверчиво ответила она, — он не такой уж и псих. Что бы там ни было, он не пойдёт душить Эс голыми руками. А вот я могу! Ещё как могу.

На этот раз, чтобы посмотреть записи, Джил пришлось отправиться в соседнее здание, и всю дорогу она гадала, что бы

там могло быть такого.

— Да что он там увидел? — подумала она в последний раз, ища в записях внешней памяти Эс разговор с Эмри, произошедший в тот день, когда Джил выгнала её с балкона.

Она пересмотрела эту запись, всё больше и больше хмурясь. Ей очень хотелось вызвать советника, чтобы спросить его, что он, чёрт возьми, имел в виду. Ну да, этот разговор доказывал невиновность Эмри, ну и что?

Словно догадавшись, что она клянёт его на чём свет стоит, советник отправил ей сообщение с указанием на фрагменты, которые он предлагал ей просмотреть. «И их, как ты понимаешь, очень много, я не стал смотреть всё», — так написал он. Джил включила первый фрагмент.

«Что-о?!» — невольно вскрикнула она, абсолютно не понимая, что происходит на записи.

Джил посмотрела второй и третий фрагменты. «Как же всё было просто, — подумала она. — Настолько, что и в голову даже не приходило».

Когда советник всё же решился отыскать Джил, чтобы узнать, почему она не отвечает на его сообщения, он нашёл её сидящей перед монитором и качающей головой.

— Теперь ты понимаешь, почему я так сказал про Гения? — спросил он осторожно.

— Что? А… Нет, конечно, не понимаю! Он срочно должен об этом узнать, чем скорее, тем лучше.

Джил скопировала несколько видео на свою внешнюю память и с решительным видом встала с кресла. Нельзя было терять ни минуты.

— Ну, понимаешь, Джил, я ведь уже, э… как бы тебе сказать, попытался, — промямлил еле догоняющий её советник.

— И что он на это сказал?

— Ну, я не стал ему говорить. Я… я не стал к нему заходить.

— Да почему же? — чем дальше, тем больше росло недоумение Джил. Они почти уже дошли до отдела, где Гений находился чуть ли не днём и ночью.

Советник махнул рукой и засеменил в противоположную сторону. Джил секунд двадцать постояла у двери, прежде чем войти в опенспейс. Она так и не могла понять, в чём причина странного поведения её советника.

Войдя, она огляделась, но Гения нигде не обнаружила.

— Он у себя в кабинете, — объяснила ей одна из сотрудниц.

— У него что, есть кабинет? — удивилась Джил.

— Да, там, — ответила она, указав куда-то влево и добавив: — Он о-очень просил его не беспокоить. Так что…

Джил, не дослушав её, сделала грозное выражение лица и быстро зашагала в указанном направлении.

Стучать в дверь она, разумеется, не стала и не пожалела об этом: не то чтобы увиденное её обрадовало, но она хотя бы поняла, что же в тот день пошло не так в её корпорации.

В тот момент, когда Джил вошла, она застала Гения за застёгиванием юбки сидящей на его столе Эмри.

И пока Джил решала, сказать ей что-нибудь или выйти, Эмри, не глядя на неё, спрыгнула на пол и, забрав туфли, прошла мимо Джил к двери.

Джил, казалось, потеряла дар речи.

— Ты не могла бы стучаться в следующий раз? — недовольно поинтересовался у неё Гений, когда Эмри вышла.

— Это… что? — спросила она. — Очень надеюсь, что А-17. Скажи мне, пожалуйста, что это А-17.

— А ты считаешь, что единственная причина, по которой я могу быть кому-то интересен, — это А-17? — неожиданно обиженно спросил он. — Может быть, я тоже имею право на личную жизнь?

«Ну и идиот, — подумала Джил. — Какой же он кретин».

— Ты что, серьёзно? — только и смогла выдавить из себя она.

— Что именно серьёзно? Почему ты вообще так переживаешь? На тебе лица нет. Если беспокоишься о том, что я приму какое-нибудь неправильное решение, я не настолько глуп.

«Именно настолько», — подумала она.

— Ты что, веришь, что… она правда тебя любит или что-то такое?

— Да какая разница? И какое твоё дело, Джил? Ведь ты сама предлагала её оставить.

Джил не могла понять, что за человек перед ней. Как будто Гения подменили на кого-то другого. И этот другой был воплощением всего самого плохого, что только могло бы сочетаться в руководителе корпорации.

— Так это я виновата? — ошарашенно и тихо спросила она.

— Нет, но я очень советую тебе: воздержись от комментариев.

— Эээ… ну, удачи в личной жизни, — едва выговорила она, спиной отходя к двери.

«Может, всё же вернуться и сказать?» — подумала она, но потом вспомнила, какой он самонадеянный гад, и передумала. Более того, Джил быстро приняла следующее решение: она вернулась в отдел, где содержался Эс, и отдала все распоряжения об изъятии оригинала его внешней памяти.

XIII

Каждое новое утро в Третьем секторе было ужасно по-своему. На этот раз Эмри, уже смирившаяся с положением заложницы и с тем, что ей не суждено больше перейти границу со свободным миром ни на западе, ни на востоке, проснулась в своей спальне. Времени не существовало, и это утро, пробивавшееся рассеянными лучами солнца сквозь покрытые блюром окна, длилось бесконечно долго. Ей ужасно не хотелось вставать: в комнате по моде шестидесятых скрывалась целая стая беспощадных интерактивных зеркал, которые она сама когда-то с таким энтузиазмом развешивала. Эмри наполовину высунулась из-под одеяла и огляделась в поисках халата или ещё чего-нибудь, в чём можно было бы спрятаться от собственной обнажённости.

Когда, не найдя ничего, она всё-таки встала, ей тут же вновь захотелось забраться в кровать и провести там остаток дня. Все её вещи лежали ровно на тех же местах, где она их оставила. Всё было в полном порядке. С одной маленькой оговоркой: её вещи лежали именно так, как она бросила их восемнадцать с лишним лет назад. Её расчёски и одежда, которую она даже не достала из упаковки, её космически дорогие натуральные средства для лица: хрустальные с серебром бутылки, чьё содержимое, вероятно, превратилось за эти годы в невероятную гадость. Эмри была настолько хороша в покупке самого переоценённого мусора в мире, что теперь ей было даже несколько стыдно за свои выходки.

Отражение подмигнуло ей из зеркала, выведя Эмри из забытья. Так или иначе, она давно уже не была тем человеком, который когда-то покинул Третий сектор. И теперь, когда она вновь оказалась в этой комнате, ей больше всего захотелось тут же сбежать из этого музея преступлений, которые она совершила против человека, любящего её. Она поморщилась от того, куда завели её мысли.

Разумеется, называть всё это словом «любить» означало бы очень сильно искажать суть понятия: он преследовал её, такое определение нравилось Эмри гораздо больше. Только чёртов маньяк мог хранить весь этот хлам столько лет. Только полный псих мог верить в то, что она может испытывать к нему хоть что-то после того, что он сделал. И Гений безусловно, безоговорочно заслужил всё, что сделала с ним она.

Она вернулась в гостиную, обнаружив, наконец, хотя бы часть своей одежды раскиданной во вполне объяснимом беспорядке. У самого входа Эмри подняла с пола скомканный шарф и аккуратно

сложила его. К этому моменту она уже успела полностью одеться, оставалось лишь найти вторую туфлю.

Эмри поднесла ладонь к сенсору и выглянула за дверь. Туфли там она так и не нашла, но её внимание привлекли шаги по лестнице. Она, как была босиком, шагнула на холодную плиту пола и, оперевшись на стеклянные со вставками латуни перила, свесилась, стараясь разглядеть идущего. В доме было ещё тридцать девять этажей, но, поскольку этот был последним, у Эмри не возникло сомнений в том, куда идёт неизвестный гость.

Впрочем, гость оказался очень даже известным. Это была всего лишь Джил.

Джил, не считающая нужным скрывать своё злорадство. Она без всякого приветствия вошла в квартиру так, словно бывала там уже миллион раз, и уселась на диване в гостиной.

— *Поговорим*, — сказала она, но прозвучало это как угроза, отнюдь не как приглашение к разговору по душам.

Эмри не стала спорить и села в жёсткое кресло напротив гостьи.

Однако Джил не торопилась начинать разговор. Она смотрела на Эмри, потерявшую для неё всю свою загадочность. Теперь эта неуютно устроившаяся напротив, заспанная и не слишком молодая женщина казалась ей жалкой. Джил была близка даже к тому, чтобы сострадать ей.

— Я хочу сказать тебе только одну вещь, — наконец начала Джил, — я посмотрела внешнюю память Эс.

Эмри не стала ничего отвечать. Эта новость даже не особенно тронула её. Она и так знала, что это произойдёт со дня на день, и именно поэтому пыталась сделать хоть что-то, чтобы не позволить случиться худшему.

— О том, что я узнала, не знает больше никто, — продолжила Джил, — и так всё и будет, потому что я изъяла оригинал внешней памяти.

Эмри подняла на неё глаза. Новость звучала слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— И зачем тебе это? — спросила Эмри. У неё было очень нехорошее предчувствие.

— Захотела помочь, — ответила Джил, безоблачно улыбаясь, — да и теперь я понимаю, что тебе нужно. Я думала, ты какой-то крутой секретный агент, а ты всего лишь глупая, очень глупая женщина.

Эмри проглотила это оскорбление. Она отлично понимала, что теперь её судьба всецело в руках этой обиженной девочки.

— Что ты хочешь взамен? — спросила она тихо.

— Знаешь, учитывая, что ты хочешь вывезти из сектора убийцу моего отца, человека, который втёрся ко мне в доверие, чтобы попасть к нам в дом, человека, из-за которого всё это началось, ты должна понимать, что цена будет высокой.

— Я понимаю, — Эмри нервно сглотнула.

— Но я не мой отец, дорогая моя интриганка, совсем нет. Я готова прощать, — довольным голосом ответила ей Джил, — и я буду отличным главой сектора. Ты так не считаешь?

— Я не очень понимаю, — Эмри оторвала глаза от бутылки, стоявшей на столе, и перевела взгляд на довольную собой Джил.

— А что тут не понимать? Хоть в чём-то наши интересы сходятся. Нужно всего лишь избавиться от Гения.

Эмри смотрела ей прямо в глаза и не могла поверить в то, что слышит.

— Не делай вид, что ты меня не поняла. Я хочу, чтоб ты его убила. И я своего обещания не нарушу. Я не мой отец и я не Гений. Если я пообещала, что вы уедете, вы уедете.

Эмри даже дышать перестала от потрясения.

— Ты правда думаешь, что я… — она не смогла договорить и встала со своего места. — Ты правда веришь, что я смогу кого-то убить? Неужели я…

Она отвернулась и снова замолчала, теперь уже надолго.

Джил с удовольствием наблюдала за тем, как она крутится словно уж на сковороде.

— Я член Комитета по этике, между прочим, — заявила Эмри после долгого молчания, — ты сошла с ума, если думаешь, что я…

— И это говорит мне человек, нарушающий и нарушавший все возможные нормы этики. С Роулсом ты тоже спала, чтоб получить должность, да, Эмри?

«*Если бы*», — подумала она, но молча вынесла и этот удар.

— Я вижу, вы тут неплохо проводили время без твоего мужа, а, Эмри? — Джил продолжила давить на неё, желая сломить её равнодушие. — Надеюсь, тебе понравился вечер? А удобно ли было в кабинете…

Она вытащила вторую туфлю Эмри откуда-то со стороны дивана и намеренно громко уронила её на пол.

Эмри не дала ей договорить.

— Уходи, хватит, — сказала она громко и обернулась. Она выглядела действительно рассерженной, что не могло не радовать Джил.

— О, сию минуту. Но ты подумай над моим предложением как следует, потому что я боюсь представить, что с вами будет, когда Гений узнает правду, особенно учитывая твой нынешний

обман, — Джил встала с дивана. — Я не говорю про то, что он будет недоволен, Эмри. Это, я думаю, слишком мягко будет сказано. Ну, ты, наверно, знаешь Гения лучше, чем я? Может, он решит вас вместе расстрелять?

«Не знаю», — подумала Эмри, но отвечать не стала.

— Я вот думаю, что нет, но насчёт Эс у меня нет никаких сомнений. И знаешь, ведь он будет прав. Я бы ещё придумала какую-нибудь средневековую публичную казнь. Обязательно внесу предложение.

— Просто уйди, — в очередной раз обратилась к ней Эмри. — То, о чём ты просишь, не просто невозможно… я даже не знаю, как ты вообще могла меня об этом попросить.

— Ну, я не случайно заговорила про милосердие, — Джил сказала это, уже стоя в дверях. — Я даю тебе время на раздумья. Но учти: чем дольше ты думаешь, тем больше вероятность, что передумаю я. Так что надеюсь на скорую встречу.

Когда дверь за ней закрылась, Эмри какое-то время не могла сдвинуться с места, но, немного придя в себя, она подумала, что расклад не так уж и плох. Джил в этой ситуации она боялась гораздо меньше, чем Гения, потому что происходящее в его голове вообще трудно было понять.

Джил, конечно, не сомневалась в том, что жизни Эмри ничего не угрожает, но эта её уверенность исходила из того, что Джил, сама об этом не задумываясь, верила: Гений любит Эмри. Это, разумеется, не было правдой. Эмри была его объектом поклонения, его представлением о счастье. Но ни в коем случае не живым человеком. Эмри прекрасно отдавала себе отчёт в том, что, повернись что-то в его голове неудачно, Гений вполне может убить и её, почему нет.

Она вернулась в свою спальню, чтобы прибрать кровать перед тем, как отправиться в корпорацию. Днём должен был прилететь Роулс, и это внушало Эмри надежду, которая была гораздо сильнее её страха перед будущим. Сложись всё удачно, и Эс окажется за границами сектора быстрее, чем Джил успеет что-то кому-то рассказать. А его освобождение, конечно, станет одним из первых предметов переговоров.

«Но почему он застрелил главу сектора?» — она в который раз задавала себе один и тот же вопрос.

Учитывая, что Эс участвовал, пусть и неофициально, в работе комитета, дело, видимо, было какое-то непростое и секретное, это был не просто случайный конфликт, а хорошо продуманная операция.

Чем больше Эмри думала об этом, тем меньше она видела в этом смысла. Она уже рассмотрела все кажущиеся ей

возможными варианты, включая и невероятные — с Роулсом в качестве злодея; но если он отдал приказ об убийства Мелджена, то какой смысл был оставлять в живых Гения, к чему Джим уж точно приложил все усилия? Ведь Мелджен, несмотря на многочисленные преступления против жителей собственного сектора, был полностью лоялен комитету. Чего ожидать от Гения как от нового главы сектора, вряд ли знал кто-либо, включая и самого Роулса.

Нет, дело было в чём-то другом. Его вынудили? Организация освобождения сектора? Или опять-таки… А-17? Со стороны Гения очень умно было бы избавиться от человека, который не давал ему спуску всю его жизнь, руками второго человека, которому он завидовал и которого он нескрываемо не любил.

Эмри впервые задумалась о том, что Джил может быть права. Она наверняка знала что-то такое про Гения, что привело её к мысли о его убийстве. Но всё же, что бы там ни оказалось, Эмри просто не могла этого сделать. Никогда. Это было далеко за гранью допустимого для неё. Поэтому она и не могла понять, что заставило пойти на такой шаг Эс. Эмри так давно и хорошо знала его, что просто не могла представить ни одну причину, по которой он мог бы убить даже самого отъявленного злодея на Земле. Ну, кроме А-17, само собой. Это была причина, которую невозможно сбросить со счетов, несмотря на то, что такое объяснение расходилось с её представлениями о возможностях А-17.

Закончив заправлять кровать, Эмри повернулась к озеркаленной стене. Ночь осталась далеко позади, и вместе с ней закончилось наваждение — она уже не была красива, уже не была молода и соблазнительна. Эмри знала это, как никто другой, и была абсолютно беспощадна к себе. Она поняла это в тот момент, когда её муж стал иначе к ней относиться. Что ж, Эмри была готова к такому повороту событий: он всегда был слишком хорош для неё, и несмотря на то, что он был несколькими годами её старше, возраст нисколько его не портил. Чего нельзя было сказать о ней. Эмри смирилась с этим как с естественным ходом вещей, тем более что почти ничего в их отношениях не изменилось. Практически ничего, кроме того, что теперь они совершенно спокойно переживали разлуку. Они не сходили с ума друг по другу. Но справедливости ради: неужели кто-то ожидает этого от двух людей, проживших вместе чуть ли не два десятка лет? Всё было даже к лучшему, учитывая его постоянное отсутствие.

Но вот что было забавно (и вместе с тем очень цинично): её близость с Гением не оказалась ни смешной, ни извращённой, ни

неприятной. Эмри готова была уже и на более откровенную формулировку: она чувствовала себя, пусть и недолго, но действительно желанной. Она подумала ещё, и ей пришло в голову более точное слово: она чувствовала себя нужной. Да, Гений не был идеальным кандидатом, но такие вещи гораздо больше волновали её восемнадцать лет назад, чем сейчас. Он был, в конце концов, главой одного из крупнейших секторов мира. И возможно — злым психопатом, поставившим всю эту драму на сцене Третьего сектора. И это тоже было забавно.

Эмри отрегулировала зеркала: теперь они практически ничего не отражали, что её вполне устраивало. Ей так надоело быть хорошей, вечно пытаться спасти всех подряд, отстоять собственное мнение, что она, кроме страха перед будущим, испытывала другое, более приятное чувство, и это было чувство реванша.

«Выкуси, Эс, ты думал, только ты можешь мне изменять?» — от этой мысли она тихо рассмеялась.

И хотя она и злилась на него, это ничего не меняло. Эмри по-прежнему была готова очень на многое, чтобы вывезти его из проклятого Третьего сектора.

XIV

Утро было слишком навязчивым. Гений, обычно ожидавший рассвета с болезненным нетерпением, на этот раз готов был многим пожертвовать, чтобы он не наступал как можно дольше.

Эта ложь, которой он был теперь окружён со всех сторон, казалась ему настолько лучше всякой правды, что, будь у него возможность узнать правду, он бы от неё тотчас же отказался.

Он предпочёл бы, если б мог, конечно, остаться стоять в теплице, со всех сторон окружавшей их дом, вглядываясь в грязно-чёрное, замутнённое тепличным стеклом ночное небо, только бы Эмри стояла с ним рядом так же, как той ночью. Он бы не сомневаясь отказался подниматься с ней наверх, потому что он уже был безмерно счастлив и не видел никакой возможности стать ещё более счастливым.

Но утро было к нему беспощадно. Никто: ни Джил, ни Эмри, ни большая часть работающих в корпорации — не догадывался, насколько тяжело ему пришлось в последние дни. Никто, кроме его ближайших подчинённых, и не подозревал о том, что на самом деле происходило в Третьем секторе с момента применения А-17. Они видели красивую картинку: впервые за полвека чистые улицы, практически лишённые машин; опрятных людей, спешащих по своим делам. Может быть, впервые за всю свою жизнь выползая в сектор без страха быть ограбленными и убитыми, резиденты внешнего города могли видеть, как территория за пределами сектора приходит в себя после затянувшегося хаоса, который организация освобождения сектора пафосно называла войной корпорации против собственного народа.

Все эти люди не понимали лишь одного: у корпорации, равно как и у руководства сектора, не было никакого «собственного народа». Гению подобная постановка проблемы и вовсе казалась странной. Ещё более странным ему казалось то, что люди за пределами корпорации постоянно требовали от руководства сектора чего-то, что они совершенно никак не заработали. Они с таким остервенением выступали за уничтожение существующего порядка, как будто совершенно не понимали: рухнет ненавистная корпорация, и их и без того жалкое материальное положение окажется настолько печальным, что значительная часть борцов за справедливость просто умрёт от голода в ближайшие месяцы.

О, как искренне они верили в то, что их бедность — следствие исключительной жадности руководства, а не технологической отсталости корпорации. С каким завидным

упорством они хотели сделать себя ещё более нищими и обиженными.

С момента применения А-17 прошло уже три дня, и это были самые длинные три дня в его жизни. За это время он успел около двадцати семи раз всерьёз задуматься о том, чтобы его отключить. И самый главный урок, который Гений усвоил за это время, можно было сформулировать так: «Ни за что в жизни я никогда больше не буду ничем управлять».

Он был крайне благодарен Мелджену и его предшественникам за ряды колючей проволоки и толстые стены, которыми корпорация была отгорожена от сектора к концу позапрошлого десятилетия. Да, многие с непониманием смотрели на то, что количество обслуживающего персонала, оставленного в корпорации, было сокращено чуть ли не в четыре раза, и особенно на то, что была усилена охрана всех входов и выходов. Но что они видели? Они видели лишь фасад, красивую оболочку.

Тогда как пресса, подконтрольная секторам, хранила гробовое молчание относительно событий в Третьем секторе в напряжённом ожидании визита туда главы Комитета по этике, фондовые рынки демонстрировали необычайное оживление: вопреки всем опасениям Гения, акции MJ за эти три дня продемонстрировали невиданный уже лет десять рост. Впрочем, обольщаться этим совсем не стоило. Корпорации, которые скупали их акции, разумеется, надеялись увеличить свои доходы за счёт спекуляции на новостях из Третьего сектора. И так же, как стоимость акций пошла вверх, она пойдёт вниз, как только эпизод с применением А-17 будет исчерпан.

Утро показалось ему ещё более неудачным, когда он застал Джил сидящей в его кабинете. Вот уж кого он хотел в то утро видеть меньше всего, так это её.

— Я насчёт Эс, — сказала она.

И Гений с досадой подумал, что он вообще ничего знать не хочет про этого Эс, даже если тот вместе с Мелдженом убил ещё полсектора. Ему просто было не до того.

— Что, дай угадаю, теперь ты хочешь, чтоб я его выпустил?

Джил сделала недовольное выражение лица.

— Вообще-то я хотела сказать, что его внешняя память вчера взорвалась, когда наши специалисты пытались изучить записи…

— Тоже мне проблема, Джил, — укоризненно сказал он ей, — это вообще-то постоянно происходит. Сделайте другую копию. Уже можно было давно сделать.

— Ты не понял, оригинал памяти взорвался. Но мы память перед этим вытащили, так что с Эс всё в порядке.

Гений посмотрел на неё исподлобья.

— А зачем вы вытащили оригинал внешней памяти?

— Не могли снять копию. Возникла какая-то техническая проблема. Как я поняла, на памяти была сложная защита.

Он посмотрел на неё с ещё большим недоверием.

— И почему же я только сейчас об этом слышу?

Теперь уже Джил бросила на него взгляд полный упрёка.

— Я вообще-то вчера затем и приходила, но ты был слишком занят, не считаешь это досадным, а? Личная жизнь — это так мило, правда?

Гений покачал головой. Ему ужасно не терпелось отделаться от неё.

— Да к чёрту Эс. И его память. Можешь лично расстрелять его из огнемёта или забить камнями, мне плевать. Доказательств более чем достаточно.

— Чудесно. А что ты скажешь насчёт Эмри? Тебе и на её участие в заговоре плевать?

Он так и знал, что их разговор рано или поздно дойдёт до этого.

— Я сам с ней разберусь, ок?

Джил расхохоталась.

— Да вижу я, вижу, как ты разбираешься. Ты что, специально не замечаешь то, что происходит вокруг? Как ты можешь управлять сектором, если ты даже себя контролировать не можешь?

Гений очень старался сохранять видимость равнодушия, но Джил начала его раздражать.

— Я всё сказал по поводу этого дела. Придумай сама, как избавиться от Эс, пожалуйста. Я не хочу больше ничего слышать про него. Вообще ничего.

«Ну как хочешь», — подумала Джил.

А Гений, разумеется, укрепился в своей уверенности, что Джил его зачем-то обманула. Ему было плевать зачем. Он совершенно не хотел этого знать, так же, как не хотел знать ответ на вопрос, почему Эмри вернулась. Неведение давало ему редкий шанс поверить в невозможное: она любила его, и, возможно, даже всё это время. Умом он понимал, что это не может быть правдой, но это понимание ничего не меняло. Счастье было глупым выбором, который мог его уничтожить, но выбором, который он уже сделал.

Когда Джил, всё так же возмущаясь, наконец ушла, Гений откинулся в кресле, закрыв глаза. Он очень надеялся на то, что его отдел справится сегодня без него, поскольку отправить никого вместо себя на встречу с Роулсом он не мог. Если бы Джил была чуточку старше и умнее, если б он мог ей доверять, он, конечно,

рассмотрел бы её кандидатуру: уж очень тяжёлым был для него этот выбор. Но она, судя по всему, считала себя обиженной и пыталась плести какие-то интриги за его спиной. И разумеется, Роулс захотел бы встретиться с главой сектора, а не с кем-то ещё.

В отделе на него сразу же налетели сотрудники с кучей новостей. «Ещё одно организованное восстание», — сообщили ему. И ещё что-то про жертвы в пятнадцатом, семнадцатом, двадцать первом, двадцать втором, двадцать третьем… Стоп, где?

— Это что? Война с Четвёртым сектором? — Гений чуть не подпрыгнул от удивления, когда до него дошла суть новости.

— И очень успешная, — поспешил заверить его один из его помощников.

«Ну вот, только не это», — подумал Гений.

— Да, за ночь мы взяли под контроль почти всю их территорию, остались последние очаги сопротивления на востоке.

— Вы что, хотите сказать, мы захватили весь Четвёртый сектор? А население? А руководство? Почему я впервые об этом слышу?

Он готов был схватиться за голову. Как это могло произойти? Неужели Джил права и он ничего вокруг себя не замечает? Или того хуже, сходит с ума?

— Мы пытались связаться, но надо было действовать немедленно.

— Вы не могли, я не знаю, прийти ко мне домой?

— Но вы просили не беспокоить ни в коем случае.

— Но это же не коей случай! Это… это… У нас переговоры с комитетом сегодня… сейчас, это вы понимаете?

— Мы исключительно оборонялись.

— Вы исключительно стёрли Четвёртый сектор с лица Земли. Кто поверит, что это была оборона? Нас и так уже все боятся, а что будет после этого?

Он просидел в недоумении ещё какое-то время.

— А как именно это произошло? — спросил он наконец. — То есть почему они напали?

В его голосе прозвучал неподдельный интерес, удовлетворить который ему не дала Эмри, зашедшая в опенспейс.

— Там самолёт с экспертами прилетел, пойдёшь встречать? — спросила она настолько любезно, что отказать ей было просто невозможно.

Но прежде ему предстояло решить ещё одно дело.

Когда они добрались до главного холла корпорации, там их уже дожидалась Джил. Она стояла, скрестив руки на груди, скептически глядя куда-то вдаль, откуда предположительно должна была появиться делегация.

— О, а вот и руководитель года, — выкрикнула она вместо приветствия. — Это правда, что ты всех своих сотрудников арестовал?

— Что?! — Эмри посмотрела сначала на Гения, потом на Джил, потом снова на Гения.

— Не обращай внимания, просто неприятности на работе, — ответил он, как ни в чём не бывало.

Джил в очередной раз за день принялась смеяться.

— Извини меня, — сказал он, на этот раз обращаясь к Джил, — ты была права.

Она не успела ничего ему ответить, потому что наконец в их поле зрения появилась долгожданная делегация: тридцать с лишним экспертов, членов комитета и юристов, которые должны были инспектировать Третий сектор вдоль и поперёк. Уверенным шагом они шли к ожидающим их в главном холле. И никого, наверно, тут не ждали так, как этих людей. Но когда они уже были всего в нескольких метрах, Гений бросил взгляд на стоявшую слева от него Эмри, и ему показалось, что она задыхается.

— Не может быть, — сказала она практически неслышно.

XV

Если б у мирового благополучия были акции, их курс непременно взлетел бы вверх в тот момент, когда правая нога Роулса ступила на трап самолёта, приземлившегося на территории корпорации Третьего сектора.

Вопреки ожиданиям Гения, Роулс абсолютно не выглядел встревоженным, хотя наверняка был уже в курсе того, что произошло с дорогими соседями Третьего сектора на востоке, с самыми уважаемыми партнёрами по единому национальному пространству и так далее. Было непохоже даже на то, что главу Комитета по этике утомил длительный трансатлантический перелёт, настолько отдохнувшим и спокойным он выглядел. Его тёмные с лёгкой проседью короткие волосы, форменный пиджак, отдалённо напоминающий военный мундир, правильные черты лица и внушительная фигура были ровно такими, какими они представлялись по многочисленным трансляциям его выступлений. Гений несколько раз видел этого человека вживую, но, разумеется, никогда — с такого расстояния.

Другие члены делегации озирались по сторонам, словно прямо здесь, в самом парадном из залов корпорации, хотели найти какие-нибудь нарушения.

— Мне нехорошо, — ещё тише сказала Эмри. И настолько быстро направилась в противоположную от делегации сторону, что это можно было бы охарактеризовать одним словом — побежала.

— Эмри! — Гений собирался уже сорваться с места и побежать вслед за ней, но за рукав его схватила очень злая и недовольная Джил.

Гений вспомнил, что минуту назад он перед ней извинился, и остался на месте.

Роулс пожал ему руку и что-то сказал. Гений, конечно, его не понял, поскольку не знал английского, чему больше всех удивилась Джил.

— Почему ты не сказал мне? — ошарашенно спросила она.

— Ну, я думал обойтись автоматическим переводом. Но это вот… слишком неразборчиво.

Джил не знала, чему больше удивляться: его самонадеянности или тому, что она столкнулась с человеком, родившимся в сороковые и не знающим языка до такой степени, чтобы не понять элементарный вопрос.

— Он спрашивает, куда ушла Эмри, — перевела ему Джил.

Гений развёл руками.

Единственная проблема состояла в том, что собственные познания Джил в английском языке были немногим лучше. Это, впрочем, было уже далеко не так удивительно: после шестидесятых английский мог понадобиться разве что корпоративным специалистам по Первому, Второму, Одиннадцатому секторам, ну и, конечно, тем, кто стремился построить карьеру в комитете.

С наступлением эры электронного перевода и фактическим разделением мира на изолированные друг от друга сектора, необходимость в едином языке сохранилась далеко не везде, разве что там, где сектора поглотили слишком большое количество разноязычных государств. Это был совсем не случай Третьего сектора, руководство которого не смогло откусить кусок и в половину территории некогда великой России.

Но кто ожидал, что всё к этому придёт? Джил впервые подумала о том, что её отец, давший ей не национальное имя и международной сокращение, как это практиковалось с начала сороковых годов, а имя, которое являлось одновременно и тем и другим, был жутким, недальновидным оптимистом, верящим в предопределённость мирового единства. И он не мог бы ошибиться ещё больше.

— Они говорят, что у них есть переводчик, — сообщила она Гению, с облегчением констатировав конец собственных страданий.

И Джил очень удивилась, увидев этого переводчика, точнее говоря, переводчицу, которая поздоровалась с ними на отличном русском. Это была очень молодая и миловидная девушка с длинными тёмными волосами и большими карими глазами. Она выглядела настолько молодо, что Джил задумалась даже о том, что, возможно, эта девушка — её ровесница. На ней, помимо обычного костюма, было большое количество металлических украшений, которые Джил рассматривала по дороге в переговорную. Она не могла понять, в чём дело, но переводчица в этой делегации смотрелась совершенно чужеродно. Девушка скорее была похожа на рядовую жительницу Первого или какого-нибудь Одиннадцатого сектора, чем на комитетского сотрудника.

В переговорном зале она села рядом с Роулсом и что-то тихо сказала ему, в ответ на что тот кивнул. Гений и Джил сели напротив. Они тоже переглянулись, словно бы это могло им чем-то помочь.

— Мы очень рады вас приветствовать, — сказала Джил, — и хотим определиться с сегодняшней повесткой.

Девушка немедленно перевела это, даже не взглянув на неё.

Потом переводчица выслушала Роулса, кивнула, не спуская

глаз с сидящего напротив неё Гения, и с крайне сосредоточенным видом приступила к переводу:

— Мы хотеть установить дружба, поэтому нужно говорить о сектор машина присутствующий оружие, мы очень рады.

Джил и Гений снова переглянулись.

— Что это, чёрт подери? — спросила у неё Джил.

— Перевод, — ответила она с лёгким очаровательным волнением в голосе.

— Ну ладно, — согласилась Джил, — Тогда переводи: «у нас в секторе есть замечательная поговорка: „Дома пан, а в людях болван“, — это, между прочим, про тебя».

Гений посмотрел на Джил с непониманием. Он такой поговорки не знал.

— Ты издеваешься, — переводчица обиженно надула губы.

Роулс нахмурился. Девушка встала, зазвенев кольцами и цепями, которыми была увешана.

— Что это? Что происходит? — Гений умоляюще посмотрел на Джил, из реплики которой он понял не больше, чем из неудачного перевода с английского.

Девушка всё так же, практически не отрываясь, смотрела на Гения, отчего ему было очень неловко.

— Может, Эмри позвать? — предложил он.

— Пфф, у нас что, больше некому переводить? — Джил закатила глаза. — Ах да, у нас же большая часть сотрудников задержана, точно ведь.

Она уже вызвала своего советника, который, к счастью, оказался поблизости.

Переводчица вышла из комнаты не попрощавшись. Роулс извинился настолько недвусмысленно, что его понял даже Гений. Несмотря на странный эпизод, глава комитета выглядел всё таким же уверенным и спокойным, как прежде.

— Не спрашивай, я сама без понятия, — ответила Джил на вопрос, который Гений только собирался ей задать.

— Ну и давай без преувеличений про большую часть, — словно опомнившись, невпопад возразил ей он, — я разберусь потом, что там произошло. В чём проблема?

— Проблема в том, что она такая же переводчица, как ты глава сектора, — с усмешкой заметила Джил. — У вас обоих исключительный талант.

Гений сделал такое выражение лица, будто она прищемила ему палец.

— Ну хватит уже, Джил, я же обещал: я передам контрольный пакет тебе, но сектор должен находиться под коллективным руководством хотя бы пока.

— Ага, и из кого ты руководство будешь собирать: уж не из тех ли, кого ты арестовал полчаса назад? Может, Эмри позовёшь? А то ты тут, я вижу, никому больше не доверяешь.

Роулс вежливо игнорировал их разговор, глядя на проекцию чего-то перед собой. Но Гения всё равно смущало его присутствие. Даже если Роулс не понимал, о чём они с Джил разговаривают, и не мог выйти в сеть из переговорной, он вполне мог перевести запись потом. Им нечего было скрывать, но всё же Гению было не очень приятно то, что Джил его отчитывала, хотя он и признавал, что это справедливо.

— Знаешь, я тут хочу рассказать тебе по секрету одну вещь про Эмри, раз уж ты передо мной извинился, — сказала Джил, ещё какое-то время помолчав. Гений с удивлением посмотрел на неё и подумал, что это очень странно — обсуждать Эмри здесь и сейчас.

Она наклонилась к самому его уху.

— Она… — Джил замолчала, наслаждаясь мелодраматичностью паузы, — хотя бы не хочет тебя убить. Но это не точно. Процентов девяносто.

Он отмахнулся от неё, видимо посчитав, что это очередная шутка, смысла которой он не понимает. Так оно, в сущности, и было. Джил упивалась той властью, которую ей дало знание секрета, правда достойного применения этому знанию она пока не нашла. И забавлялась она исключительно потому, что знала теперь гораздо больше не только чем Гений, но и чем Эмри. Она потратила десятки часов на то, чтоб узнать Эс. То есть по-настоящему узнать, просмотрев тысячи эпизодов его внешней памяти. Теперь-то Джил была уверена: так хорошо Эс не знает даже он сам. Особенно в нынешнем своём жалком состоянии.

И стоило Джил подумать обо всём этом, её осенило. Как будто её мозг уже давно знал это, но где-то предательски не проходил нужный сигнал. Она застыла с открытым ртом. Джил вдруг поняла всё: и странный побег Эмри, и то недоразумение, которое они только что наблюдали. Это были части очень странного пазла. Очень странного.

Она уже даже начала думать о том, как всё-таки сказать Гению хотя бы об этом, когда в переговорную вошёл её советник.

Он поздоровался на обоих языках, Джил подвинулась на один стул влево, и он сел между ней и Гением.

— Итак, мы хотели бы обсудить конкретный план действий по инспектированию сектора комитетом. Нам нужен полный план мероприятий, — начал Гений. Но, судя по всему, он что-то упустил, поскольку их новый переводчик довольно продолжительное время сыпал формулами вежливости, прежде

чем перейти к делу.

Роулс кивнул и указал на тяжёлую прошитую папку, которую он положил на стол перед ними.

— Весь план наших действий здесь. Мы также можем передать его в более удобной форме. Несмотря на то, что наш допуск безусловен, мы бы хотели, чтобы вы были в курсе, и ещё мы хотели бы всегда иметь возможность связаться с вами напрямую.

— Отлично, — сказала Джил, — мы обязательно ознакомимся в ближайшие часы. Также мы хотели бы обсудить позицию Комитета по этике в отношении того, кого вы признаете главой сектора, ну и уже поднимавшийся вопрос о выдаче Луиса Д'Эсперадоса. Мы бы хотели получить от вас объяснения о том, как он связан с комитетом.

— Касательно первого вопроса: мы безусловно признаём главой сектора Алексея Меженова.

— Но мой отец погиб, — возразила Джил.

— Я приношу вам свои самые искренние соболезнования. Вам должно быть известно, что комитет в своей правовой оценке подобных событий всегда опирается на два главных критерия: являлась ли передача прав контроля над сектором добровольной, а также соответствовала ли она внутренним законам сектора. В данном случае я должен сказать, что оба критерия выполнены. Более того, с точки зрения законов Третьего сектора, ваш отец и тот Алексей Меженов, который сидит сейчас передо мной, — одно лицо.

— Но это же бред! — воскликнула Джил. — Это совершенно противоречит всякому здравому смыслу. Как это вообще — настолько игнорировать здравый смысл?

— Закон, госпожа Меженова, может быть глупым, но законом он от этого быть не перестаёт. Мы уважаем право Третьего сектора, пока оно не противоречит нормам этики. Противоречить здравому смыслу оно может.

Джил нервно рассмеялась. Её советник прекрасно справлялся со своей задачей.

— Я поняла вашу позицию, — сказала она.

— Что касается задержания Луиса Д'Эсперадоса, мы очень обеспокоены.

— Что, правда? — с нескрываемым сарказмом спросила Джил. — А это вы видели?

Она жестом перетянула видео со своей проекции на огромный экран на стене за спиной.

— Вот, предлагаю к просмотру, и очень интересно, что вы на это скажете.

На самом деле она знала, что скажет Роулс: что на видео не видно лица Эс, поэтому это недостаточное доказательство. Но она уже готовилась сражаться за правду, а именно она подготовила другие видео, где он был одет в ту же самую одежду, где он входил в дом вместе с ней. Собственно говоря, это и был его единственный шанс попасть в их дом, самое защищённое сооружение в Третьем секторе, а возможно, и во всём мире. Оно было защищено настолько, что даже Гений понятия не имел, где оно находится. Её отец, конечно, солгал, когда сказал, что Эмри когда-то много лет назад смогла так просто попасть туда. Хотя Джил и не могла этого помнить, она была уверена: это чистейшая ложь. Ни Гений, ни Эмри просто не могли не то что войти в дом — они и приблизиться к нему бы не смогли. Она понятия не имела, что там между ними и её отцом произошло много лет назад, но уж точно не то, о чём Мелджен так уверенно лгал в своём видеозавещании.

К её удивлению, Роулс сказал совсем не то, на что она рассчитывала.

— Алексей, вы уверены, что на видео он? — спросил он, обращаясь к Гению.

Гений кивнул.

— В таком случае, — Роулс задумчиво почесал бровь, — я считаю необходимым прояснить позицию комитета по данному вопросу. Мы никогда не занимались и впредь не будем заниматься помощью лицам, совершившим тяжёлые уголовные преступления, тем более если эти преступления привели к последствиям такого характера, как в данном случае.

До этого момента Джил была уверена, что её уже ничем не удивить в этот безумный день.

— То есть вы хотите сказать, что не будете требовать его выдачи? Но ведь это было одним из главных требований с вашей стороны.

— Вы всё верно поняли. Мы не обладали всей полнотой информации. Мы отзываем своё требование.

Это слегка удивило даже Гения, но на повестке дня стоял гораздо более важный вопрос, невнимание к которому он считал абсолютно непонятным. Он вмешался в разговор.

— Какова ваша позиция в отношении нашей войны с Четвёртым сектором? — спросил он.

Джил посмотрела на него так, как будто он только что признался в массовых убийствах. Ах да, постойте, именно это он и сделал. Переводчик осторожно поинтересовался, уверен ли он в своих словах.

— Да даже если они не знают, всё равно узнают, — Гений

пожал плечами. — Переводите.

Джил закрыла лицо ладонью. Роулс, как показалось Гению, едва заметно улыбнулся, но тут же ответил ему совершенно серьёзно:

— Мы знаем, что это была агрессия с их стороны. Мы не выступим с осуждением действий Третьего сектора.

Всё это было настолько нереальным, что абсолютно выбило из колеи и Гения, и Джил. Они уставились друг на друга.

— Вы точно всё правильно перевели? — на всякий случай уточнила Джил у советника. — Попросите его переформулировать.

— Я поясню, — любезно согласился Роулс. — Единственное, к чему у нас есть претензия, — это применение оружия типа I-2 в ходе военных действий. Но в ходе срочного совещания с участием почти всего основного состава комитета мы пришли к следующему выводу: применение этого типа оружия в сотни раз сократило количество жертв по сравнению с обычными военными действиями такого масштаба. Мы по-прежнему осуждаем любое применение I-2, но пока не будем концентрироваться на этом моменте с учётом того, что вы приняли решение добровольно отказаться от оружия. Ваше решение в силе?

— Да, — только и смог ответить Гений.

Повисло молчание, которое Роулс решился прервать лишь тогда, когда стало совершенно ясно: на этом комментарий Гения закончился.

— Я очень надеюсь, что мы сможем выстроить долгосрочные отношения с Вами, так же, как мы выстроили их с Вашим предшественником, — произнёс он всё с таким же невозмутимым видом.

Джил встала, Гений посмотрел на неё и тоже поднялся со своего места. Вслед за ними встал Роулс. Он пожал руку им обоим, что было хитро с его стороны, но Джил уже поняла: он вообще ни во что её не ставит, это лишь лицемерная вежливость.

— Будем на связи, — сказал Гений и немедленно вышел из комнаты.

Джил вызвалась проводить Роулса в здание, отведённое комитетским сотрудникам, где его уже дожидались остальные эксперты и члены комитета.

День был ещё более беспощаден к Гению, чем утро. Он практически добежал до опустевшего отдела. Надо было решать вопрос с сотрудниками, но гораздо больше его интересовала текущая ситуация с A-17. Он, не подумав ни об обеде, ни об отдыхе, ни даже об Эмри, уставился сразу в три экрана, стоявших на столе.

Но это не особенно ему помогло. Тогда он сел в первое попавшееся ему кресло и подключил свою внешнюю память к основной системе, выпав из жизни до самого вечера.

Он очнулся только тогда, когда уже окончательно стемнело, и то лишь потому, что ему ужасно хотелось есть.

Управлять всем в одиночестве было ещё более тяжело, чем постоянно трястись над тем, как бы кто-нибудь не сделал что-нибудь не то. Но выбора не осталось: Гений совершенно не мог понять, кому доверять. С учётом того, что его оставили в неведении прошлой ночью, он был склонен не доверять всем и сразу.

Но мгновение спустя, после того, как Гений вышел из отдела и направился в сторону гастрономического квартала корпорации, он вспомнил: Эмри.

Он вернулся к системе, чтобы проверить, где она. И даже слегка удивился, обнаружив Эмри в её собственной спальне, куда он и помчался со всех ног.

Оказавшись дома, Гений постучал в закрытую дверь комнаты, но ответа не получил.

— Эмри, — тихо позвал он, но было всё так же тихо. Он отодвинул дверь и вошёл внутрь.

Сначала ему показалось, что в комнате никого нет. Кровать была заправлена и пуста. Все вещи, похоже, лежали на своих обычных местах.

Он включил ночник, чтобы убедиться, что Эмри здесь нет. И в тот момент, когда бледный свет разлился по комнате, он, наконец, заметил её: она сидела на полу в дальнем углу от входа.

Гений подошёл ближе, и она подняла на него глаза: красные заплаканные глаза. Это до такой степени поразило Гения, что он остановился и с минуту простоял неподвижно, не решаясь к ней подойти. Он никогда не видел, чтобы Эмри плакала. Никогда, даже в ситуации смертельной опасности, она не проявляла подобной слабости, и ему в голову не приходила ни одна причина, по которой это могло происходить теперь.

Но стоять так было слишком странно. Гений сделал ещё один шаг ей навстречу, намереваясь сесть на пол рядом с ней, но Эмри сама внезапно сорвалась с места и, не вставая, обняла руками его ноги.

Это было так неловко, что он долго не мог понять, что ему делать, и поэтому не двигался с места.

— Я умоляю тебя: прости меня. Умоляю, — она захлебнулась в рыданиях, продолжая повторять «умоляю».

Это оказалось ещё более неловко, но Гений смог решить, что ему делать: он сел на кровать, так что голова Эмри, не

пожелавшей его отпускать, легла ему на колени.

— Помоги мне, пожалуйста, я умоляю тебя, — успела сказать она, прежде чем её речь вновь прервалась рыданиями.

Он по-прежнему молчал и гладил её мокрые от слёз волосы.

— Я не понимаю… что происходит… во что я оказалась втянута? — бессвязно продолжила она. — Мне больше не у кого просить.

«Я тоже не понимаю, что происходит», — хотел было сказать Гений, но вовремя подумал о том, что он, наверно, не слишком хорош в утешениях.

XVI

— Хочешь поужинать? — спросила Эмри, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Она по-прежнему сидела на полу, положив голову на ставшие мокрыми от её слёз колени Гения.

Он был уже не так уверен в том, что голоден, настолько его сбило с толку то, что с ней происходило. У него появилось страшное чувство: как будто тот хрупкий иллюзорный мир, который он боялся разрушить, случайно посмотрев не туда или узнав что-то не то, несмотря на все его старания, раскололся. Эмри, ещё вчера такая спокойная и уравновешенная, плакала, и это был конец всему воображаемому им счастью.

Но вместе с тем было во всём этом и какое-то подлинное ощущение, которое он никак не мог понять до конца. Эмри чуть ли не впервые за всю его жизнь казалась ему маленькой и беззащитной, и это было непривычно: прежде он ощущал лишь собственную уязвимость перед ней, а теперь они как будто впервые оказались в равном положении.

— Подожди, — сказал он, заведя короткую прядь волос, закрывавших лицо, ей за ухо, — сначала расскажи мне, что случилось. Я должен знать.

Эмри наконец перестала всхлипывать. Она встала, так ничего и не сказав ему, и Гений тоже встал вслед за ней. Поправляя измявшуюся одежду, она привела его в гостиную, где на столе был накрыт ужин. Не случись это в тот злополучный день, они, наверно, и правда на полном серьёзе сели бы друг напротив друга и по крайней мере ближайшие минут сорок ели бы и обсуждали что-нибудь бесполезное. Точно так это происходило в этой самой комнате совсем недавно, всего восемнадцать лет назад. Двое детей, именно так представлявших себе семейную жизнь, делали вид, что они женаты.

— У меня есть предложение, — сказал Гений, глядя на соблазнительно румяный пирог.

— Какое? — Эмри отрезала кусок и положила ему на тарелку. Они по-прежнему стояли, не садясь за стол.

— Я должен идти в отдел, и я должен быть там всю ночь и сколько понадобится. Хочешь пойти со мной?

Эмри протянула ему тарелку.

— Так ты согласна? — он повторил свой вопрос ещё раз, забрав у неё тарелку.

— После ужина, — Эмри кивнула на кресла.

— Нет, сейчас, — он, не выпуская тарелку из рук, пошёл к выходу.

— Ты серьёзно? — спросила она. — Постой.

Эмри отобрала у него тарелку, вернулась к столу и положила на неё ещё один кусок пирога.

Она взяла тарелку и для себя и вышла из квартиры вслед за Гением.

Август, медленно превращающийся в сентябрь, особенно ощущался в горячем тепличном воздухе. Хотя некоторые стеклянные секции по периметру многокилометровой теплицы были открыты, горячий воздух, накопившийся за день, как будто неохотно покидал её. Гравийные дорожки, вьющиеся вокруг скученно рассаженных деревьев и кустов, вели в сторону корпорации. Там, где они пересекали мелководные искусственные ручьи, они на время превращались в низкие сколоченные из тёмного дерева мосты.

Ночью во внешнем городе могло бы быть совершенно темно, если бы не слабый свет, который давали маленькие фонари у самой земли. В воздухе настолько пахло цитрусами и свежескошенной травой, что даже Эмри, раздавленная свалившимися на неё проблемами, готова была поддаться лживому очарованию Третьего сектора. Сектор, вложивший в уничтожение собственной экологии больше, чем любой другой, на самом западном крае Восточно-Европейской равнины имитировал рай на Земле. Это мнимое благолепие раздражало её прежде, но в тот день Эмри не хотелось думать о том, насколько оно неэтично. Она пролила уже все свои слёзы, и на душе у неё было внезапно пусто.

Они медленно и молча шли по дорожке, не касаясь друг друга, но при этом держась рядом. Гений на ходу ел приготовленный Эмри пирог, а ей кусок в горло не лез. Это было как нельзя более гротескно, зато такой ужин вполне отражал всю суть их отношений. Если могло быть что-то не по-человечески, не так, как это должно быть, то оно обязательно именно так и было между ними.

И как ни странно, теперь, восемнадцать лет спустя, когда у них уже не было необходимости бесконечно оглядываться на эту правильность, достичь которой они всё равно так никогда и не могли, они были ещё большими детьми, чем тогда. Неужели хотя бы одному взрослому человеку могло прийти в голову есть домашний ужин на улице, на ходу, да ещё и с сервизной фарфоровой тарелки девятнадцатого века? Неужели Эмри потакала ему?

Они уже практически подошли к западному входу в корпорацию, когда Гений доел оба своих куска. Эмри протянула ему свою тарелку и забрала пустую.

— Так что всё-таки случилось? — спросил он, остановившись и поставив врученную ему тарелку на высокий борт бассейна, последнего препятствия, которое им оставалось миновать перед входом в корпорацию.

Эмри молчала, но теперь она была спокойна. Она смотрела на него ужасно грустно и внимательно.

— Ты ведь о чём-то хотела попросить меня.

Эмри кивнула и подошла чуть ближе.

— Я обещаю рассказать тебе всё в своё время, хорошо? — спросила она, заглянув ему в глаза.

— Но как я могу помочь тебе, если ты ничего мне не рассказываешь? — удивился Гений.

Эмри сказала ещё тише:

— Я не знаю, просто не знаю, как ты на это отреагируешь. Пожалуйста, просто пойми меня.

Он посмотрел на неё с ещё большим недоумением.

— Это насчёт той девочки, — словно с трудом сказала она, — насчёт Анны.

— И что же? — спросил он, абсолютно не понимая, о какой девочке она говорит.

— Она моя дочь.

Эмри отступила назад, так что её лицо оказалось в тени. Гений по-прежнему не понимал, что происходит.

— Подожди, какая девочка? — спросил он, подосадовав на собственную недогадливость.

— Она была утром вместе с Роулсом.

Он, кажется, начал что-то понимать. Правда, вряд ли Гений назвал бы переводчицу Роулса девочкой. Но он по-прежнему не понимал ни того, почему её появление вызвало у Эмри такую реакцию, ни того, почему её дочь оказалась в делегации, ни даже того, что бы Эмри могла попросить у него в связи с этим. У Гения был стойкое впечатление, что от него что-то скрывают.

— Сколько ей лет? — спросил он, не придумав ничего лучше.

— Семнадцать.

— Ты хочешь сказать… — начал было он, но осёкся.

Эмри, кажется, поняла, что он хотел узнать, но это испугало её настолько, что она немедленно принялась говорить сама:

— Я хочу сказать, что Роулс вывез её из сектора без моего разрешения. Я не знаю зачем, но знаю, что пока она с ним и пока она здесь, она в опасности. Пожалуйста, ты должен срочно заставить его отправить мою дочь домой. Я прошу, я умоляю тебя.

— Эмри, но… — он запнулся, — я сделаю то, о чём ты меня просишь, но я не понимаю, почему ты не можешь сказать Роулсу об этом сама. Она же твоя дочь.

Эмри молчала, но он готов был ждать её ответа.

— Она отказывается говорить со мной, — сказала Эмри наконец, — она обижена на меня. Роулс меня не слушает. Так что её надо заставить. Она несовершеннолетняя.

— Но зачем он привёз её? — от непонимания Гению было абсолютно не по себе.

— Я не знаю, клянусь тебе, мне очень страшно, — ответила она и сделала шаг, на этот раз ему навстречу, практически упав в раскрытые объятия.

Он забыл о том, что ему надо было срочно возвращаться к делам. Они стояли, обнявшись, у самого края внешнего города: две затерявшиеся в зелени маленькие букашки, которых жизнь только и ищет возможности раздавить.

Гений никогда не чувствовал себя таким слабым и потерянным и вместе с тем никогда не чувствовал такой решимости это изменить.

— Позвоним Роулсу прямо сейчас.

— В час ночи? — спросила Эмри.

— Почему бы и нет. Пойдём, — он выпустил Эмри из рук и забрал тарелку с бортика бассейна.

— Но ведь уже поздно для звонков, — слабо возразила она.

Гений доел последний кусок пирога и улыбнулся ей.

— Ты права. Пойдём лучше встретимся с ним лично.

Это показалось Эмри настолько безумным, что и она тоже улыбнулась.

— Знаешь, чего мне хочется? — спросила она, уже менее подавленно.

— Чего?

Вместо ответа она размахнулась и запустила тарелку в стену корпорации. Тонкий прозрачный фарфор, за который она когда-то отдала целое состояние, красиво разлетелся на мелкие кусочки, встретившись на своём пути с непреодолимым препятствием в виде монолитной стены.

XVII

Джил встретила Гения случайно: в четыре часа утра они столкнулись в одном из баров корпорации. Джил только что взяла оттуда кофе, а Гений намеревался смешать что-нибудь более сильное. Для него это была уже вторая ночь без сна, поэтому у него было смутное ощущение нереальности происходящего, лёгкая тошнота и лицо, на котором написано неизвестное простым смертным блаженство.

Джил тоже выглядела уставшей, но гораздо меньше: весь вечер и почти уже всю ночь она провела за очередным просмотром эпизодов не слишком увлекательной жизни Эс. И так и не нашла, несмотря на все свои усилия, того, что её интересовало. Если Джим Роулс не захотел отвечать ей, как Эс связан с комитетом, она была твёрдо намерена узнать это и без него.

— Что ты здесь делаешь? — спросил её Гений, забрасывая в автомат таблетки.

— Готовлюсь сопровождать экспертов, — соврала она.

— По поводу экспертов: где Роулс? И где его переводчица?

— А, ты не знаешь, — сказала Джил, зевнув, — он улетел во Второй сектор до вечера. По поводу переводчицы: не знаю. Вряд ли она ему там понадобится. Вряд ли она ему вообще где-то понадобится. А что?

Джил внимательно посмотрела на него, словно пытаясь понять, к чему он клонит. Неужели он догадался обо всём и без неё?

— Да у меня есть к нему одно дело, очень важное.

— Очень интересно, — Джил поставила свой стакан на стойку, — и прямо за моей спиной. Рассказывай.

— Ну, я не знаю, с чего начать, — сказал он, глотнув мутноватую воду из своего стакана. — В общем, у меня теперь есть дочь.

Джил порадовалась тому, что не успела отпить кофе.

— А я смотрю, твоя личная жизнь развивается с четвёртой космической скоростью.

— Ты можешь хотя бы сейчас не шутить? — попросил он.

— Да я сама серьёзность, — сказала она, подумав, что у Эмри, видимо, нет совсем никакой совести.

— Эта переводчица — моя дочь, — продолжил он.

Джил покачала головой.

— Когда у тебя день рождения? — спросила она задумчиво.

— А что? — Гений нахмурился.

— Да так, хочу подарить тебе зеркало. И ещё: ты знаешь, что такое детская энциклопедия? Вот там есть очень интересная глава про законы Менделя, почитай.

— Очень смешно, — сказал он, хотя шутку абсолютно не оценил. Он не стал говорить Джил, что если её представления об управлении находятся на уровне восемнадцатого века, то познания в генетике застряли на уровне первобытнообщинного строя. — Ты, я так понимаю, намекаешь на то, что она тёмная брюнетка, а мы с Эмри нет. Ну, такое случается. И с довольно высокой вероятностью.

«Я намекаю на то, что ты слепой идиот», — подумала Джил, но вслух говорить этого, конечно, не стала.

— Да в чём дело? — раздражённо спросил он.

Джил сделала такое лицо, как будто только что съела лимон целиком.

— Что даёт тебе основания считать её своей дочерью? Уж не Эмри ли тебе это сказала? Позволь я побуду голосом твоего здравого смысла, раз уж у тебя его нет.

— Вообще-то я не собирался обсуждать это с тобой, — не очень уверенно сказал ей Гений, но тут же продолжил: — Её дочери семнадцать лет. Мы расстались восемнадцать лет назад. Ты, конечно, можешь сказать, что это ещё ничего не доказывает. Но ты её не знаешь. Да и даже если бы на её месте был любой другой человек, другая женщина, что могло бы заставить её завести ребёнка с кем-то ещё, кого она вряд ли успела бы хорошо узнать? Какие причины могут к этому подтолкнуть, а, Джил?

«Да откуда я знаю, какие причины заставляют женщин заводить детей от мужчин, которых они знают от силы пару недель», — устало подумала Джил. Она решила, что её мозг недостаточно извращён и слишком утомлён для таких построений.

— *Какие угодно*, — ответила она, решив не спорить слишком уж яростно.

Джил подумала о том, что, может, лучше и не расстраивать его рассказами о том, что мир жесток, несправедлив и в нём нет почти ничего хорошего. Она уже давно смирилась с тем, что Гений живёт в какой-то параллельной реальности и радовалась только тому, что в своё время догадалась не рассказать ему правду про Эс. Чем больше она узнавала Гения, тем больше убеждалась в том, что ничего хорошего из этого бы не вышло. Под хорошим она, конечно, имела в виду хотя бы разрыв отношений с Эмри и справедливое отношение к Эс. Воображение Джил рисовало ей и более приятные садистские варианты, но она старалась не слишком уж летать в облаках. У Джил было очень

сильное подозрение, что в реальности всё вышло бы куда более досадно: Эмри устроила бы истерику, и Гений очень даже мог пойти у неё на поводу.

Но Джил уже давно всё решила: она понимала, что оттягивать финал этой отвратительной драмы нельзя. Да и честно сказать, её до смерти утомила эта слащавая парочка, словно сошедшая с рекламных баннеров, — Эмри и Эс. Последнее время она как будто смотрела жутко неинтересный сериал про то, как Эс ухаживает за девушкой, женится на ней, они покупают один дом, потом другой, побольше, заводят собаку и выращивают детей, периодически участвуя в бессмысленной болтовне в комитете, споря о том, какой сорт сыра вкуснее и куда поехать на выходных. Джил психовала от нудной бессмысленности их существования: она всё не могла добраться до того куска, в котором Эс становится секретным агентом.

Джил немного даже понимала Гения: неудивительно, что он игнорировал реальную жизнь. Посмотрев зубодробительно скучную историю жизни бывшего любовника, она решила, что тоже по возможности будет её игнорировать. Джил чувствовала себя так, будто случайно подсмотрела фильм с возрастным ограничением 30+ и тем самым сломала себе психику. Душа компании, никогда не унывающий Эс, борец за справедливость, умело притворяющийся кем угодно, оказался таким скучным посредственным буржуа, что Джил подумала: смертным приговором она окажет ему огромную услугу.

— Раз уж мы встретились, — сказала она, решив не упустить своего шанса, — хочу сказать тебе, что, когда все вы будете на похоронах моего отца сегодня, я лично зайду в камеру к Эс и застрелю его. Ты же ничего не имеешь против?

— А что за спешка? — поинтересовался Гений, наливающий себе второй стакан подозрительно выглядящей химической смеси. — Это как-то нецивилизованно. Об этом стоит хотя бы сообщить ему заранее, да и вообще комитет тоже надо поставить в известность. Вдруг это вызовет их недовольство.

— Знаешь что? — всё с прежней задумчивостью в голосе откликнулась Джил. — Ты сам слышал, что комитету плевать на него. И ты сам сказал мне, что я могу сделать с ним всё, что мне угодно. Так что скажи спасибо за то, что я поставила в известность тебя. И за то, что смерть его будет лёгкой и мгновенной.

— Ну, я погорячился, когда это сказал, — Гений пожал плечами. — Пусть пока посидит в камере. Может, когда-нибудь у меня дойдут руки и я восстановлю его внешнюю память…

Джил это привело в ярость. Больше всего ей хотелось как

будто ненароком опрокинуть на него свой стаканчик с кофе. Но она сдержалась, выдавив вместо этого принуждённую улыбку.

— Ты отказываешься от своих обещаний? Я правильно понимаю?

Гений посмотрел на неё с усталостью человека, не спавшего двое суток.

— Да успокойся ты уже, Джил. Что, неужели это так горит?

— Да, горит. Я не хочу, чтоб убийца моего отца избежал правосудия. Я требую, чтобы ты выполнил своё обещание. Что ты за глава сектора, если не держишь своего слова? Это вот так же ты собираешься держать своё слово насчёт передачи прав собственности мне?

Джил начала порядком действовать ему на нервы.

— Да к чёрту твоего Эс. Делай ты что хочешь с ним. Это сейчас наименьшая из всех моих проблем.

— Так-то лучше.

Ему показалось, что Джил посмотрела на него сверху вниз, хотя из-за разницы в росте это, пожалуй, было бы затруднительно.

— И ты бы хоть кого-то из своих сотрудников освободил. Тебе надо поспать хотя бы несколько часов, — сказала она уже мягче, практически заботливо. — Хочешь, я прослежу, чтоб ничего не произошло?

Гений подумал о том, что, несмотря на всё существующее между ними недоверие, рано или поздно он вынужден будет с ней согласиться. Хотя бы потому, что он не может не спать вечно.

— Спасибо, Джил, — сказал он, — но пока я ещё в состоянии работать сам. И есть ещё одна очень серьёзная проблема, которую я тоже должен решить сам.

Расставшись, они пошли в противоположные стороны.

«Какую же наглость надо иметь, — с нескрываемым раздражением думала Джил, — ну ладно бы притащить в сектор его ребёнка, чтобы манипулировать с его помощью. Но это… Это за гранью добра и зла».

— Мы кое-что нашли, Джил, — сказал ей её советник вместо приветствия. Она уже настолько к этому привыкла, что даже не стала ничего комментировать, а молча прошла к монитору.

— Что это? — спросила она, глядя на рябь, бегущую по экрану.

— То, что ты искала, видимо. Зашифрованный сегмент памяти.

— То есть я не могу узнать, что на нём? — она развернулась в кресле на сто восемьдесят градусов и посмотрела на советника и двух других сонных, растерянных сотрудниц.

— Мы сделаем всё возможное. Но тут нужны технические специалисты. Хорошие технические специалисты. А возможно, фрагмент и просто затёрт.

XVIII

«Со всем возможным уважением к территориальной целостности государств, государств больше нет. Мы стыдливо умалчиваем об этой новой реальности, так, как будто она — не то, что мы создали своими руками, а нечто, мало зависевшее от решений обществ и правительств, которые должны были защищать интересы этих обществ. И это малодушие. Или возможно, у уважаемой комиссии найдётся другое слово, которым можно это назвать?

Мы говорим о корпорациях так, как будто это частные лавочки, торгующие фермерскими овощами; так, будто в две тысячи шестьдесят первом году мы можем просто закрыть на них глаза и жить, не замечая их.

Мы говорим о свободе слова, но она становится всё более тяжёлым выбором. Легко и приятно говорить правду, когда за эту правду тебе не придётся расплатиться собственным благополучием.

Мы говорим о корпоративной этике так, будто безнадёжно застряли в две тысячи первом году, когда работа в корпорациях была вопросом выбора. Не выбора между выживанием и сытостью, а тем, что действительно можно было бы считать свободным выбором, основанным на убеждениях.

Только задумайтесь: какой всё это цинизм. Вчерашние выпускники школ сдают экзамен, дающий право получить образование в корпорации. Вчерашние выпускники должны сказать речь о перспективных направлениях развития, о том, где они видят родную корпорацию через двадцать лет. Вы видите здесь свободный выбор? Я — да. Я могу выбрать между MJ, активно пожирающей конкурентов, пока правительство закрывает на это глаза, и теми, кого MJ сожрёт в ближайшее десятилетие. И конечно, со всем уважением к свободе и открытости мира и остальным клише, которыми нас кормят правительства, я могу выбрать для работы любую другую корпорацию в любой точке свободного и открытого мира. И да, сдав этот экзамен, я, со всем уважением к окружающему меня лицемерию, смогу быть делегирована в качестве эксперта в Комитет по этике, если, конечно, когда-либо удостоюсь такой чести.

Что ж, моя речь будет очень лестной для корпорации, потому что будущее им понравится. И не очень лестной для уважаемых представителей комитета, присутствующих здесь сегодня.

Моя речь будет неудобной для всех, но задумайтесь: корпорации тратят миллионы на то, чтобы услышать правду от

экспертов за наглухо закрытыми дверями. От тех самых международных экспертов, которые советуют CEO корпораций, что им покупать, за сколько и как этим распоряжаться. Но правда не должна быть товаром, доступным избранным. Нельзя говорить одно главам корпораций, а другое — всем остальным.

Я начну с того, что же такое государство, что оно должно обеспечивать своим гражданам и чего оно должно требовать от каждого из них.

Если не играть словами, чем должен, наверно, был бы заняться Комитет по этике, а никак не я, государства должны представлять интересы общества, должны самостоятельно обеспечивать порядок на своей территории, обеспечивать поддержкой тех, кто сам не в состоянии это сделать, должны охранять границы и собирать налоги.

Вероятно, если бы комитет рискнул дать определение государству, мы не были бы сейчас там, где мы находимся, мы бы не стали отрицать очевидного. Нам не было бы никакой нужды повторять без конца, снова и снова: «Со всем уважением…» У меня нет никакого уважения к территориальной целостности государств, потому что самих государств уже давно нет.

Я вижу, как вы в очередной раз меняетесь в лице, услышав это. Но послушайте, разве свободный мир может существовать без свободы говорить глупости?

Разве не должно у государства быть границ? Тогда почему нынешние наши границы с другими государствами либо открыты, либо охраняются частными компаниями? И мы все знаем, что это за компании. Вы даже не сможете списать это на национальную специфику, поскольку то же самое мы наблюдаем по всему миру за редкими исключениями.

Разве не должно государство собирать налоги? Так почему нашему правительству не пришло в голову вместо того, чтоб давать MJ очередные льготы, сделать налог с её деятельности действительно разумным. Предвосхищая вопросы: ноль целых пять десятых процента с прибыли — это не просто неразумно, это убийственно. Я знаю, прекрасно знаю, чем прикрываются сторонники низкого налогообложения для технологических компаний: нашим вечным отставанием. Но и это неправда. MJ — одна из ведущих технологических компаний мира. Ещё несколько лет, и во всех новостях мы услышим о необходимости поддержания лидерства на рынке. Никто давно не стесняется никаких оправданий. Нам впаривают любую чушь, а мы с радостью в неё верим.

Разве не должно государство самостоятельно заботиться о том, чтобы пожилые люди были обеспечены всем необходимым?

Никого из нас не должно интересовать, где государства берут на это деньги. Перекладывать эту заботу на плечи частных компаний безответственно, и неважно, сколько процентов от всего населения составляют пенсионеры. И пусть пока правительства радуются столь остроумному выходу из сложившейся ситуации, платить за их ошибки придётся гражданам, которые их выбрали и которых они, может быть сами о том не догадываясь, предали. Не до смеха политикам станет в тот момент, когда корпорации с молчаливого согласия обществ и государств избавятся от менее удачливых конкурентов. Они смогут делать с социальными гарантиями всё что захотят. И я думаю, у уважаемых представителей корпорации MJ есть далекоидущие планы на этот счёт, не так ли?

Разве не должны государства следить за опасными разработками? Почему же они так беспечно поверили в то, что Комитет по этике и другие международные организации могут сделать для этого больше, чем они сами? Почему они закрывают глаза на опасности, связанные с внешней памятью? Не то чтоб я верила в возможность создания технологии, позволяющей управлять людьми на расстоянии, которой нас пугают всю мою сознательную жизнь, но есть, в конце концов, множество других опасностей интеграции внешней и биологической памяти. Мы лишены выбора, использовать внешнюю память или нет, поскольку, отказавшись от её использования, мы окажемся не только менее конкурентоспособны, чем люди, её использующие, — мы окажемся отрезаны от взаимодействия с другими. Окажемся в одиночестве. Можно ли это назвать свободой выбора? Разве что в каком-то очень неправильном, извращённом смысле.

Можно сказать, что государства просто ещё не представляют себе, как справляться с такими новыми и неясными угрозами, как интегрированная память. Но постойте, что вы скажете о вполне привычном нам ядерном оружии? Со всем уважением, мы делаем вид, что ничего не изменилось, но скажите мне, кто как следует контролирует территории, свободные от ядерного оружия? Кто в две тысячи шестьдесят первом году обслуживает спутники и другие космические объекты?

Мы упиваемся миром, не нарушавшимся последние девять лет. Но не преждевременно ли? Что такое Комитет по этике, не имеющий фактически никаких полномочий? Что это за мировой арбитр, который полагается исключительно на милость корпораций, делегирующих туда своих лучших лжецов? Кто послушает комитет, начнись где-нибудь война? Я не говорю про ООН, я даже не упоминаю правительства: они больше ничего не

решают.

Если вы думаете, что я клоню к тому, что все мы обречены… Что ж, к этому я и клоню. И всё же я считаю нужным обратиться в первую очередь к комитету: у вас не только есть редкая возможность, вы просто обязаны призвать корпорации к ответственности. Вы обязаны использовать все средства, имеющиеся в вашем арсенале. Вы обязаны хитрить, угрожать, а иногда даже исполнять свои угрозы, чтобы заставить корпорации не вести себя так, как будто всё, что им принадлежит — их безусловная частная собственность. Это больше не так. И вы, уважаемый комитет, должны сделать так, чтобы корпорации управляли миром, а не эксплуатировали его.

Странно? Нелогично? Сегодня я бросила столько камней в корпорации, я демонизировала их, я вылила на них всё порицание, накопившееся у меня за мою сознательную жизнь, что теперь вы сидите и думаете, что я, должно быть, начисто лишена логики. Что ж, не я создавала этот мир. Лично я бы предпочла вернуться в начало двадцать первого века. Да, я хотела бы жить в мире несовершенных, коррумпированных, но сильных государств. Но ведь я, как и вы все отдельно взятые, лишена выбора. Мы имеем то, что имеем, и мы не можем это игнорировать. Мы не можем повернуть историю вспять, но можем изменить мир так, чтобы жизнь в нём не превратилась в ад.

Корпорации должны полномасштабно осуществлять все те функции, от которых государства отказались, а не только те, которые им выгодно осуществлять. У нас нет никакой иной возможности улучшить ситуацию.

Я не виню корпорации в их жадности: они созданы для того, чтобы получать прибыль. Я также не виню правительства в их слабости: их падение — следствие изменений в общественном мнении, происходивших последние два десятилетия. Всё в мире происходит по какой-то причине. И по той причине, что мир — на грани краха, мы и должны теперь действовать.

Мы не должны покупаться на сказки о том, что корпорациям невыгодно друг с другом воевать, потому что они заинтересованы в поддержании стабильных торговых отношений друг с другом. Что, в конце концов, может быть глупее? Отдельным корпорациям, напротив, выгодны маленькие войны. И все вы прекрасно знаете, что любая корпорация, рассматривающая себя как частное предприятие, будет в первую очередь думать не о мире во всём мире, совсем нет.

И, зная обо всех нависших над нами угрозах, разве не становимся все мы преступниками, осознанно бездействующими? Я поясню, кого я имею в виду: я имею в виду каждого, кто хоть

как-то связан с корпорацией. Да, я готова назвать преступником каждого сотрудника каждой корпорации мира. И то же самое я могу сказать про каждого, кто работает в комитете: пока вы бездействуете, вы совершаете преступление против человечества.

Может возникнуть вопрос: почему я обо всём этом говорю? Я просто не могла упустить уникального шанса: редко на вступительной речи присутствуют сразу трое экспертов комитета, да ещё и представитель корпорации по фамилии Меженов. Вероятно, я злоупотребила вашим временем, многократно превысив лимит на выступление и совершенно отклонившись от темы, но, поскольку никто меня не остановил, я сказала всё, что думала, выступая здесь и сейчас, в одном из залов нового здания корпорации. Я сказала это, поскольку нет больше никакой корпоративной этики. Есть только свобода и несвобода. И я сделала свой выбор между тем и другим».

Её «спасибо за внимание» никто как будто не услышал. Эмри, откинув со лба волосы и не дождавшись ни вопросов, ни разрешения покинуть зал, вышла сама.

Молчание висело ещё секунд десять.

— Каково, а? — Мелджен обвёл взглядом остальных членов комиссии. — Не каждый день нас называют преступниками люди, которые претендуют на работу в корпорации.

— Да уж, — Роулс не смог сдержать улыбку, — всё бывает в первый раз, а, Мел?

Мелджен рассмеялся.

— Ну, я готов проголосовать. Не дожидаясь обсуждения, — сказал он.

Многие из тех, кто сидел в комиссии, подняли глаза впервые за долгое время.

— Да что вы все так на меня смотрите? У нас в стране, напоминаю, полная свобода слова, а выступление было феерическим. Нам нужны такие люди в отделе маркетинга. У девушки богатое воображение. Ну, может быть, самую чуточку она хватила через край, это да. Но мне понравилась идея передать всю власть корпорациям, отличная идея.

На этот раз ему не пришлось смеяться в одиночестве. Мелджен сидел рядом со своим близким приятелем Джимом Роулсом и отпускал шутки на сколь угодно скользкие темы, не догадываясь о том, что через какие-нибудь семь лет Джим станет главой Комитета по этике, а сам он совсем скоро, гораздо скорее, чем можно было предположить, возглавит Третий сектор, который к тому времени перестанет быть тайной. Как перестанут быть тайной и другие сектора. И если бы в тот день им сказали, что границы крупнейших секторов захлопнутся спустя пару

месяцев, они бы решили, что над ними пытаются глупо пошутить. Этого, конечно, не ожидали ни они, ни Эмри, так смело и безрассудно лишившая себя шанса построить карьеру в MJ.

Стоял февраль 2061 года. До ядерного инцидента оставалось двадцать три дня.

XIX

Она сидела посреди того же самого кажущегося ей теперь маленьким зала рядом с другими экспертами комитета и слушала монотонную речь одного из заместителей Мелджена. Ночь, проведённая в кресле, не лучшим образом отразилась на самочувствии Эмри: она чувствовала себя абсолютно разбитой, но даже это было лучше, чем лежать одной в спальне, опасаясь будущего, думая о том, где теперь её дочь и что на уме у Роулса. В кабинете Гения она смогла хотя бы ненадолго сомкнуть глаза.

Во что она превратилась с того момента, когда выступила в этом зале с речью? Точнее говоря, что от неё осталось? Иногда Эмри казалось, что она столь многому пошла на уступки, лишь бы соответствовать той себе, которую она представляла, выступая здесь в тот февральский день. Другая, семнадцатилетняя Эмри, готовая на всё для защиты свободного мира, с какой глупой искренностью она верила в то, что это «всё» ограничится только годами работы в комитете. Жертва, которую она принесла, оказалась несоизмеримо больше, и Эмри уже не была уверена в том, что, знай она своё будущее, она сказала бы тогда всё то же самое.

Теперь, когда её близкие были в опасности, она практически лишилась страха и вместе с ним боялась утратить осторожность, необходимую для их спасения. Она уже знала, что её дочери нет в секторе, но всё же без конца оглядывалась, надеясь увидеть её в толпе. Время от времени она бросала взгляд на Гения, сидящего в первом ряду. Десяток мест слева и справа от него пустовали, и Эмри не могла понять, какие чувства у неё это вызывает. Мелджен, в друзьях у которого были чуть ли не все богатейшие люди мира, не удостоился даже того, чтоб его единственная дочь пришла с ним попрощаться. Эмри, конечно, понимала, что людей в зале было бы гораздо больше, если б не иррациональный страх перед А-17, но всё же. Это были точно не похороны её мечты.

Но всё это было совершенно неважно. Эмри не понимала, в чём заключается план Роулса по спасению Эс, она даже начала сомневаться в том, что у него вообще есть план. Джим отказался обсуждать с ней эту тему, но зачем-то привёз в сектор Анну, как будто не догадываясь о том, в каком свете та увидит происходящее. Последнее и причиняло Эмри невыносимую боль: её дочь, с которой она всегда была всегда так близка, считала своего отца героем, а её…

Эмри даже не знала наверняка, что думает о ней её дочь. Но по тому, что та категорически отказалась с ней говорить, она

примерно догадывалась: Анна уверена, что Эс в тюрьме из-за её предательства. Джим не смог её переубедить или… он даже не пытался?

В любом случае для Эмри это было почти так же тяжело, как то, что оба они находились в опасности. И возможно, Анна, втянутая во всю эту историю, была даже в большей опасности, чем Эс.

В последнем, впрочем, Эмри ошибалась. В тот самый момент, когда она сидела в зале, предаваясь мрачным мыслям, Джил, как следует подготовившись, направлялась в камеру Эс, чтобы привести приговор в исполнение. Точнее говоря, никакого приговора не было, но Джил совсем не намеревалась ждать очередного перепада настроения Гения, чтобы воспользоваться данным ей правом. Кроме того, она не доверяла Роулсу и подозревала, что он придумал что-то, чтобы освободить Эс, при этом оказавшись как бы ни при чём.

— Доброе утро, — сказала Джил, не сумев скрыть торжества в голосе.

Эс даже не посмотрел на неё. Он сидел, уставившись в одну точку перед собой и что-то повторяя шёпотом. Она не была уверена в том, что он вообще её заметил.

Джил в отличие от своего отца не была жестока, но созерцание того ничтожества, в которое Эс превратился за несколько дней без внешней памяти, не могло её не радовать.

Джил вздохнула и потянулась к кобуре. В этот момент он, конечно, перестал её игнорировать.

— Последнее желание, — сказал он по-английски. Потом ещё помолчал и повторил то же самое.

— А ты разве не слышал, что в Третьем секторе не практикуется последнее желание? — спросила его Джил. — Ты же был специалистом по региону, дорогой мой.

— Последнее желание, — сказал он всё с той же ровной интонацией. — Я заплачу.

Джил рассмеялась. Она понимала, что он забыл большую часть слов даже на родном языке, но это предложение её заинтриговало.

— Так чего тебе надо-то? Ты вечно у меня чего-то просишь, мне это уже надоело.

— Память и семья.

— В смысле ты хочешь, чтоб я вернула тебе твою внешнюю память?

Она продолжила смеяться.

— Семья, — упрямо повторил он.

— Ты что, ещё и с семьёй хочешь увидеться? Серьёзно? Ой, я

не могу больше смеяться. Может, вы пикничок ещё устроите все вместе во внешнем городе? Знаю там отличные места. Вы такие милые ребята, все до одного.

Но чем больше она над ним издевалась, тем меньше у неё оставалось решимости в него стрелять.

— Ты узнаешь, что хочешь. Клянусь.

Джил придвинулась к нему настолько близко, что если б она высунула язык, то могла бы облизнуть его ухо. Не то чтобы она собиралась это делать.

— А что именно я узнаю?

— Эмри и Роулс. Я сдам их. Приведи мою дочь.

«Ого», — подумала Джил, удивившись и тому, что он способен на такие сложные высказывания, и тому, что он вдруг решил оговорить свою жену.

— Память. Верни.

Это была последняя осмысленная фраза, произнесённая им. Дальше Джил, как ни силилась, не смогла разобрать ни слова. Она бесцеремонно потрясла Эс за плечи, так, словно это могло бы помочь ему собраться с мыслями. Он как будто даже не обратил на это внимания, продолжая повторять себе под нос какие-то бессмысленные комбинации звуков.

Она повернулась к телохранителям и советнику.

— Сделайте все распоряжения, пожалуйста. И переведите его уже куда-нибудь отсюда, а то он, не ровён час, и правда встретится с родственничками. А я заинтересована разве что в том, чтоб он скорее уже встретился с покойными членами своей семьи.

— Он виделся с дочерью вчера, — подсказал ей кто-то из охранников.

— Что?! — Джил выглянула из камеры. — Надеюсь, вы шутите? Вы еще скажите, что Эмри тоже здесь была.

— Нет, больше никто не приходил. Только девушка, представившаяся его дочерью.

— Вы идиоты, — Джил махнула рукой. — Ну вас. Закройте его подальше так, чтоб к нему ни одна муха больше не пролетела без моего ведома.

«Представилась его дочерью». Джил могла только в очередной раз возмутиться поразительной наглостью этих людей. Видимо, это наследственное. Причём в случае дочери — с обеих сторон.

В тот момент, когда Эс увели в технический отдел, а Джил отправилась обедать в одиночестве, демонстративно проигнорировав общий банкет, Эмри стало настолько не по себе, что она решила поступиться осторожностью и хотя бы одним

глазом посмотреть на Эс.

И когда она обнаружила, что его нет в камере, она на время лишилась дара речи.

— Где он? Где Эс? — спросила она у группы проходивших мимо неё охранников, чувствуя, как у неё медленно темнеет в глазах.

— Не можем сказать. Не имеем права, — пожав плечами, ответил ей один из них, выглядевший самым молодым.

— Да как… Да вы знаете, кто я? — она практически бросилась на него, мешая пройти.

— Понятия не имею, — ответил ей всё тот же охранник, мягко оттолкнув её. — А кто?

— Я жена главы сектора, — солгала она.

— Джил что ли? А мы думали она это, мужчинами интересуется.

Они принялись отвратительно хохотать. Ей казалось, что это продолжается целую вечность.

— Кто распорядился и что с ним сделали, я вас спрашиваю? Он вообще жив?

— Да жив, отвали только уже. Ненормальная, — охранникам наконец удалось убрать её с пути и пойти дальше по своим делам.

Эмри чувствовала, что каждая минута на счету. У неё не осталось никакого другого выхода. И не осталось права ни на малейшую ошибку.

У неё ушли рекордные четыре минуты на то, чтобы добраться до корпуса, в котором Гений пил коньяк с членами правления. Он, видимо, уже готовился рыдать от каких-то нахлынувших на них воспоминаний о бывшем начальнике, но Эмри не дала ему этого сделать, оттащив его в сторону.

— Ты очень нужен мне сейчас, — сказала она так раздельно, как только могла. — Ты меня понимаешь?

— Не совсем, — честно признался он. Ему показалось, что и Эмри тоже выпила лишнего.

— Пожалуйста, помоги мне, — она ещё более умоляюще посмотрела на него, — мне очень нужно знать, где сейчас Эс. Ты меня понимаешь? Я потом тебе всё объясню.

Гений посмотрел на неё так, как будто она его разыгрывала. Он сел на край одного из столов, порадовавшись тому, что всё ещё может держать равновесие. Мешать алкоголь с таблетками, не спав перед этим две ночи подряд, оказалось очень плохой идеей.

— Да не знаю я, Эмри, — сказал он, глядя на неё с нескрываемым подозрением, — наверно, Джил его застрелила.

— Ты в своём уме? — Эмри практически закричала. — Ты не

знаешь, что происходит у тебя в корпорации? Тебя что, это не волнует?

Гений чувствовал, как быстро проходит его опьянение.

— А ты назови мне хотя бы одну причину, по которой меня это должно волновать, — ответил он.

— Пожалуйста, помоги мне, я всё объясню тебе, я обещаю, — она продолжила давить на него.

— Ну нет уж, — возразил ей Гений со всем возможным упрямством пьяного человека, — сначала скажи, потом я тебе помогу.

— Ты не понимаешь, он до сих пор в заговоре с Джил. Она хочет избавиться от него как можно скорее, потому что ей не нужен свидетель. Пожалуйста, допроси его сам.

Гений подумал о том, что звучит всё это не слишком логично и слишком уж отчаянно даже для пьяного.

Эмри лгала как в последний раз. Но на то, чтобы продумать как следует свою ложь, у неё просто не было времени.

— Ну пойдём, — сказал он, нахмурившись.

XX

Гений был слишком пьян, чтобы бороться с собой. Впрочем, даже если бы он был в тот момент абсолютно трезвым, это вряд ли бы что-то принципиально изменило. Возможно, Эмри постаралась бы выдумать для него ложь получше.

Пока она вела его по коридорам корпорации, он всё думал, как заставить её хоть раз сказать ему правду. Мысли и без того путались, а Эмри очень способствовала этому, пытаясь его заговорить.

Когда она под предлогом того, что Гений не в состоянии допрашивать Эс сам, объявила, что пойдёт к нему одна, он всё же нашёл в себе силы ей помешать, загородив собой дверь.

— Говори сейчас же или я узнаю всё сам, — сказал он, слегка пошатнувшись, но не уступив её отчаянным попыткам проскользнуть мимо него. — Зачем тебе нужно с ним говорить? Я всё равно узнаю.

— Ты мне угрожаешь? — она отошла на шаг назад и зло прищурившись заглянула ему в глаза.

— Ну, только если ты считаешь это угрозой, — он замолчал, потеряв мысль. — Я думаю, я имею право знать, о чём ты будешь с ним говорить.

— Послушай меня, ладно? — Эмри продолжила смотреть на него так, как будто пыталась загипнотизировать. — Я готова всё тебе рассказать прямо… сейчас. Но пожалуйста, сходи проветрись. Это очень серьёзно. Очень. Правда. Я больше никогда тебя не обману. Ты просто очень не вовремя напился, поэтому я… не решилась сказать правду.

— Да я в порядке, говори, — он не очень удачно переступил с ноги на ногу, по-прежнему защищая дверь.

— Ну я же говорю, — Эмри, смирившись с тем, что просто так ей не проскользнуть, сконцентрировалась на убеждении. — Я очень не хочу, чтоб это было так. Пожалуйста, ты поймёшь, почему я так не хочу говорить. Я скажу тебе всё через десять минут. Я никуда не уйду, ты можешь запереть меня, если хочешь.

— Запереть тебя с Эс? — в его голосе прозвучало удивление. — А вдруг он нападёт на тебя? Я ему не доверяю.

— Нет, не переживай, пожалуйста. Можешь не запирать. Мне всё равно не к кому больше идти. У меня никого, кроме тебя, не осталось. Пожалуйста. Поверь мне в самый последний раз.

— Ну, ты всё равно можешь открыть любую дверь здесь, Эмри, так что запирать тебя я бы не стал. Я жду тебя на этом месте через десять минут. И если ты не скажешь мне правду через

десять минут, я узнаю её иначе. Это займёт не намного больше времени.

И хотя теперь у неё не осталось сомнений в том, что он ей угрожает, она облегчённо вздохнула, когда Гений отошёл от двери. Она уже начала было всерьёз сомневаться в том, что ей удастся войти, и готовилась сдаваться, так что, когда этого делать не пришлось, она едва поверила собственному счастью.

— Спасибо, — сказала она, открыв дверь.

Гений, не желая все десять минут торчать в холле и испытывать соблазн подслушать, немедленно направился в сторону балконов двадцать седьмого этажа. До этого у него был альтернативный план по отрезвлению, заключавшийся в прыжке в бассейн в маленьком спортзале этажом выше, но он вовремя вспомнил, что вообще не очень умеет плавать, а сейчас это было бы и того больше похоже на самоубийство.

Но если Гений решил не подслушивать этот разговор, Джил, которую ещё двадцать минут назад известили о происходящем, придерживалась совершенно другого мнения. Отчаянное состояние Эмри давало надежду на то, что сейчас она проговорится о чём-нибудь важном, забыв об осторожности.

Человек, до этого сидевший с Эс в комнате, вышел, сказав, что будет за дверью. Это была уже не специально предназначенная для содержания подозреваемых камера, а одно из пустующих помещений в дебрях корпорации, где Эс спрятали от тех, кто мог бы его искать. Выбор комнаты был обусловлен тем, что она в силу технических характеристик позволяла изолировать внешнюю память Эс от основной системы, сделав её ненаходимой для Гения на тот случай, если бы ему вдруг пришло в голову проверить. Но он нашёл куда более простой способ разыскать Эс: спросил у Джил, а Джил ему ответила. Она рассчитывала на шоу.

В комнате не было ничего, кроме двух стульев, на одном из которых отвернувшись к глухой стене сидел Эс.

— Эй, — Эмри осторожно подошла ближе, — ты как?

— А ты как думаешь? — хрипло спросил он, всё так же не оборачиваясь.

Она молчала, никак не решаясь приблизиться.

— Знаешь, что я повторял себе всё то время, пока я сидел один, когда у меня вытащили внешнюю память? Ты просто не можешь представить себе, насколько это ужасная пытка: ты забываешь всё, совершенно всё: слова, имена, события. И чувствуешь, как медленно сходишь с ума, стараясь запомнить, не упустить хотя бы самое главное. Ты знаешь, что я повторял себе?

— Нет, — Эмри подошла к пустому стулу и обхватила его

спинку ладонями. — Что же?

Эс обернулся, и в этот момент ей стало не по себе оттого, как осунулось его лицо за эти дни. Она пыталась сохранять невозмутимый вид, но по рукам у неё побежали мурашки. Это было жуткое зрелище.

— «*Ты маленькое лживое чудовище, Эмри. Ты лживая беспринципная дрянь*». Это последнее, что я хотел бы забыть в этой жизни.

Она посмотрела на него непонимающе и пронзительно грустно.

— Ты не представляешь, на что мне пришлось пойти, чтобы тебя увидеть.

— Уверен, что представляю слишком хорошо, — сказал он, поморщившись. — Ну и как тебе? Это, должно быть, очень приятно — иметь такой благовидный предлог для измены. Замечательное моральное оправдание, не так ли? А то, что ты ни разу не попыталась меня вытащить отсюда, даже зная о том, что наша дочь в курсе того, что со мной произошло, каково это? Как ты будешь жить с этим, а, любимая? Я радуюсь только тому, что мне с этим жить уже не придётся.

Эмри чувствовала, как земля уходит из-под её ног. Она очень старалась не злиться, понимая, что ему пришлось гораздо тяжелее, чем ей, но он был к ней откровенно несправедлив.

— Я вытащу тебя, я обещаю, — тихо сказала она, поборов свою ярость.

Но Эс её ответ не устроил. Он вскочил со своего места и гневным шёпотом продолжил её отчитывать.

— Ты понимаешь, что сегодня вечером или завтра утром меня расстреляют? Ты можешь хотя бы сейчас не лгать мне, а, Эмри? Ты ведь никогда и не собиралась меня вытаскивать. Это всё одна сплошная, бесконечная ложь, от которой я дико устал. Я жалею теперь только об одном: что прожил с тобой почти двадцать лет и даже не догадывался о том, какая ты дрянь. Ты не просто бросила и предала меня, нет, ты готова отправить меня умереть только потому, что ты никогда меня не любила. Вся наша жизнь вместе ничего для тебя не значит. Я — пустое место для тебя.

Эмри от удивления открыла рот, долго не решаясь ничего ему возразить.

— Ну, ты ведь не хочешь сказать, что из-за меня ты здесь? — спросила она наконец.

— Ха! Ну разумеется. Ты вмешалась в мои планы. И почему? Потому что ты ещё и тупая дрянь. Ты так хотела спасти своего бывшего, что не подумала ни о чём больше. Без тебя я бы тут не

оказался. Ты же всегда любила его, а не меня, правда, Эмри? И прекрати уже моргать, я всё давно понял, не ломай комедию, ради бога.

— Кого любила? Гения? — она всё так же стояла, вцепившись в спинку стула, не в силах пошевелиться. — Ты в своём уме?

— Разумеется, я в своём уме, в отличие от тебя. Что за больная у тебя фантазия, как тебе вообще пришло в голову сказать мне, что он тебе изнасиловал? Или ты тогда рассчитывала на то, что я никогда с ним не встречусь? Так вот, Эмри, я не верю ни единому твоему слову. Ни про это, ни про всё остальное. Ты хоть раз говорила мне правду?

— Я всегда говорила тебе только правду, — тихо сказала она, но он лишь рассмеялся в ответ.

— Ну прекрати, я же тебя попросил. Я не понимаю только одного: что ты нашла в нём такого? Он ведь просто жалок, он самое настоящее ничтожество. У тебя дурной вкус, дорогая, очень дурной.

— Пожалуйста, прекрати. Я понимаю, что тебе больно, плохо и страшно. Но перестань уже унижать меня, это правда… какая-то глупость. Всё это не так. Успокойся.

Эс ещё раз рассмеялся.

— Мне страшно? Мне страшно было сойти с ума, вот что страшно. Теперь я умру как честный человек. Я сделал всё, что должен. Я попрощался с дочерью. И я даже не сдам тебя и Роулса, Эмри. Я знаю, что вы сговорились, я знаю, что он тоже сдал меня. Но я не сдам вас, потому что мне это уже не поможет. Я пошёл на хитрость, чтобы вернуть себе память, но я ничего не расскажу.

— В каком смысле он тебя сдал? — Эмри стало совсем не по себе. Ей начало казаться, что она сходит с ума.

— Вы оба решили не спасать меня. И так бывает, да, я понимаю. Я выполнил своё задание, как мог. Моя совесть чиста. А вот что ты будешь делать со своей совестью, Эмри?

— Какое задание, Эс? — Эмри почувствовала, что у неё подкашиваются ноги. Она обошла стул и села на него.

— Перестань. Мне. Лгать. Ты ведь в курсе всего дела, и Роулс не случайно отправил тебя в Третий сектор, теперь я в этом уверен. Это ты спровоцировала применение оружия. И у меня была чёткая инструкция на этот счёт, на случай таких ситуаций. Не ври мне, что ты не знала. Вы намеренно подставили меня.

— Но я и правда не знала, Эс. Я не могла об этом знать, — растерянно возразила она.

— Ты будешь отличным председателем комитета, любимая. О, какой праведный гнев я вижу сейчас в твоих лживых глазах. Ты и Роулс друг друга стоите.

Эмри начала выходить из себя.

— Погоди-погоди, так с кем я сговорилась, я так и не поняла? С Роулсом или с Гением? Ты понимаешь, что ты бредишь, Эс? Зачем ты обвиняешь меня во всём возможном и невозможном? Знаешь, в день ядерного инцидента я как раз была в корпорации, можешь ещё в этом меня обвинить заодно.

— Я бы, может, и поверил тебе, но, к сожалению для тебя, я давно уже убедился в своей правоте. Я понял, что ты любишь Гения, в тот момент, когда на границе ты предложила остаться. Но он же не идиот. Он мог не выпускать никого из нас, и он это и сделал. Я начал догадываться и раньше, когда ты нашла у меня его маркер и начала дёргаться. Но как я хотел верить, что ты переживала не за него, а за меня. И знаешь, Эмри, я долго старался думать о тебе хорошо, надеялся, что ты под контролем, когда слышал от Джил про то, как весело вы проводите время с ним вместе. Но ведь всё это было добровольно, не так ли? Он никогда не применял к тебе А-17. Знаешь, как я понял это, Эмри? А-17 имеет один существенный недостаток. Оно не может заставить человека сделать что-то, что совершенно противоречило бы его убеждениям. Именно поэтому я в тот день, когда мы пытались пересечь границу, попросил Анну приехать в сектор. Я надеялся, что ты любишь хотя бы её и ради неё поможешь мне.

— Что?! Так это всё из-за тебя?

В дверь постучали.

— Всё в порядке, — громко ответила Эмри.

— Как ты мог? — спросила она гораздо тише. — Как ты вообще додумался до такого? Ты правда готов был подвергнуть опасности жизнь нашей дочери, чтобы спасти жизнь себе? Я не верю в это, это не может быть правдой.

Она уронила лицо в ладони. Эс непонятно ухмыльнулся.

— С ней всё будет хорошо, Эмри. А вот с тобой — не уверен. Наша дочь увидит, как меня расстреляют, — как ты будешь с этим жить? Кем ты будешь для неё после этого?

— А, я поняла, — сказала она холодно, вновь подняв на него глаза, — ты шантажируешь меня дочерью. Но как ты можешь? Как я могла быть настолько слепой и связать свою жизнь с таким человеком, как ты?

— Я не устаю задавать себе тот же вопрос. Так скажи мне, Эмри, если я не прав, почему же ты не попыталась меня спасти? Я даю тебе последний шанс. Хотя не обещаю, что поверю. Зачем ты изменяла мне, если даже не думала меня отсюда вытащить?

Эмри слегка пришла в себя от пережитого потрясения. Она поняла: что бы она теперь ни сказала, он всё равно её не

услышит. Но она попыталась.

— Во-первых, Эс, ты убил человека. Во-вторых, этот человек оказался главой сектора и единственным близким Гения. В-третьих, ты сам испортил с Гением отношения, и я даже не хочу знать, как именно. О вашем конфликте знали все. Как думаешь, что я должна была ему сказать, чтоб он выпустил тебя? Что я должна была ему предложить? Может, мне надо было сказать ему, что ты мой муж, вот бы он этому обрадовался, правда? И сразу выпустил бы, ты так себе это представляешь? Может, надо было сказать, что Анна — твоя дочь? Я боюсь, ужасно боюсь, что из этого выйдет, но я решилась уже и на это, поскольку других способов тебе помочь у меня просто нет. А ты только обвиняешь меня и ничего больше.

— Чего ты боишься, Эмри? Что он не сделает этого ради тебя? Не смеши меня, ты ведь просто хочешь от меня избавиться.

— Да ты не знаешь его, Эс. Ты и понятия не имеешь, что он за человек, — возразила она зло и отчаянно.

Она несколько раз пыталась начать новую фразу, но язык её совершенно не слушался, ей как будто не хватало воздуха и она задыхалась на первом же слоге.

Она вновь закрыла лицо руками, слегка качнулась назад вместе со стулом, после чего резко вернулась в прежнее положение.

— Да мне плевать на твою жизнь, вот что. Катись ты ко всем чертям. Я не желаю иметь ничего общего с шантажистом и убийцей. Я боюсь за жизнь Анны, я боюсь за свою жизнь, в конце концов. А ты… ты больше для меня не существуешь. Это ты жалок, Эс, ты подставил свою дочь, которую ты не видел последние шесть лет. Это я вырастила наших детей, Эс, а ты не имеешь к ним никакого отношения. Они ничего не значат для тебя, и ты пользуешься тем, что причиняешь мне боль, манипулируя с их помощью. Ты не мог найти более больного места. Но ты знаешь…

Она встала со стула и, кажется, даже не заметила, что он опрокинулся.

— Нет такой лжи, которая со временем не раскроется. Вот и Анна когда-нибудь простит меня, узнав правду. И даже если не узнает, это не важно. Моя совесть будет перед ней чиста.

— Да нет у тебя никакой совести, Эмри. А если она всё же есть, ты поможешь мне, несмотря на всё, что мы друг другу сказали.

Эмри окончательно перестала себя контролировать.

— Ты не смеешь ставить мне условия, — практически закричала она, — и ты не смеешь оскорблять меня! Я готова была

на всё, чтобы вытащить тебя отсюда, а тут ты оказался по своей вине. Исключительно по своей. Я бы никогда не согласилась на убийство, ни в каких интересах, ни при каких условиях, слышишь, Эс? А ты согласился. Всё это втайне от меня. И ты ещё смеешь мне что-то говорить? Ты сам изменял мне с девочкой, которая едва ли старше нашей дочери. Чем ты оправдаешь это, Эс, я даже боюсь подумать. Как ты не отвратителен себе, я не могу этого понять. Ты единственный человек, которому я никогда не лгала, и ты обвиняешь меня во лжи? Ты единственный человек, которого я любила, и ты сказал мне такие ужасные слова? Да, Эс, ты всё правильно услышал, всё это в прошлом. Ты больше никто для меня. Я и глазом не моргну, когда тебя расстреляют. Я не буду вспоминать тебя и скучать по тебе. Ты этого не заслужил. Прощай, Эс.

Оказавшись за дверью, она попыталась зарыдать, но слёз не было. Ей казалось, что закрыв эту дверь, она навсегда закрыла что-то такое в себе, что ей сложно было назвать одним словом. Она не предала его, но она чувствовала себя предательницей, она не обманула его, но чувствовала себя обманщицей. Она как будто перестала быть человеком, настолько тяжёлым оказалось для неё это потрясение.

Гений смотрел на неё и не мог понять, что такого могло произойти в той комнате, почему она вернулась оттуда в таком состоянии. Эмри хотелось уйти, спрятаться, сидеть где-нибудь в одиночестве, но она не могла себе этого позволить. «Моя дочь снова в секторе, — думала она, — он ни за что не простит меня, и тогда Анна тоже окажется в опасности. Он просто уничтожит нас. Нас расстреляют вместе с Эс». Она побледнела, и он подхватил её за локоть, опасаясь, что иначе она упадёт. Гений заметно протрезвел с момента их расставания. К её облегчению, он не стал её тут же допрашивать, как будто почувствовав, насколько ей плохо. Эмри не помнила, как они добрались до дома.

Не включая свет, он положил её на кровать в своей комнате и лёг рядом.

— Я хочу, чтоб ты кое-что знала, — сказал он слегка заплетающимся языком. — Я знаю, что ты обманываешь меня. Я давно это понял. И я был неправ, когда заставлял тебя сказать. Ты можешь вообще ничего мне не рассказывать. Пожалуйста, делай всё, что тебе угодно, только не уходи больше, ты понимаешь меня? Пожалуйста, не оставляй меня больше одного.

Эмри закрыла глаза, чувствуя, как медленно к ней возвращается способность ощущать. Она лежала, давясь слезами и задыхаясь, но стараясь делать это как можно тише. Она долго не могла восстановить дыхание.

— Я обещала рассказать, и я расскажу, — она открыла глаза.

Он спал.

Мир за окнами перестал для них существовать. На следующее утро, когда Эс получил свою пулю в лоб, они всё ещё спали. Они не видели ни того, как Джил, хорошо спланировавшая это мрачное предупреждение, собрала в заранее намеченном ею зале весь задержанный персонал технического отдела, ни того, как она встретила и проводила к их местам Роулса и Анну, ни того, как Анна рыдала, ни даже того, как у границ с внешним городом начали гореть дома и кривые, жалкие деревья.

Они безмятежно спали, и Эмри во сне обнимала Гения так, как будто несчастий, войн, смерти и корпораций вовсе не существовало на этом свете. Так, как будто всей их предыдущей печальной жизни тоже никогда не было.

XXI

— Именно по той самой причине, что у нас демократия, я и голосую против, — сказала молодая женщина из отдела непрофильных активов. — Это не тот формат, который мы могли бы поощрить. У нас есть вполне конкретные критерии оценки выступлений участников, и было бы нечестным по отношению к другим одобрять подобное отступление от правил.

— Полностью согласен, — вмешался сидящий слева от неё представитель образовательного отдела, — мы, конечно, приветствуем кандидатов с любыми политическими взглядами, но как вы себе представляете эту девушку работающей в нашей компании? Она же считает всех, имеющих хоть какое-то отношение к корпорации, преступниками. Я предлагаю не соблазнять её карьерными перспективами, которые идут вразрез с её представлениями о добре и зле. Что скажете?

— Можно я выскажусь? — робко вклинилась в разговор пожилая женщина, также представляющая образовательный отдел. — Я думаю, что всё, сказанное ею сегодня, нужно поделить на три. Мария очень молода, и думаю, что именно поэтому она ещё не вполне понимает, что и где уместным будет сказать. Но стоит ли её за это наказывать? Просто вспомните: кому из вас в семнадцать лет не хотелось свернуть горы и изменить мир? Кому он казался правильным и справедливым? За свою жизнь я столкнулась с таким количеством блестящих молодых людей, что я смело могу заявить: она — один из них. Решительность и убеждённость в том, что мир возможно и нужно изменить к лучшему, — разве этих качеств не должно быть у молодого специалиста? Так давайте поможем ей убедиться в том, что наша корпорация — вовсе не такое абсолютное зло, каким она себе нас воображает. Мы всеми способами укрепляем сотрудничество с государством, комитетом и другими корпорациями для решения проблем, которые являются для нас общими, — так почему же вы так хотите, чтоб она ещё больше укоренилась в своих убеждениях, что всё, что нас заботит, — жажда наживы? Я голосую за и призываю всех вас последовать моему примеру.

— Следую вашему примеру, — улыбнулась ей темнокожая женщина средних лет из комитета. — Голосую за.

— Но позвольте, — взял слово симпатичный молодой человек из технического отдела, — у меня есть только один вопрос в связи с этим: а что, так можно было? Чтобы попасть в корпорацию, мы ночами не спали, корпели над разработками, которые могут принести MJ реальную пользу, мы старались

предложить что-то такое, что могло бы выделить нас среди других кандидатов. А она вышла, сказала «вы все уроды, спасибо за внимание» и ушла. Это, по-моему, просто очень наглый способ привлечь к себе внимание. Что меня удивляет гораздо больше, со всем уважением к более опытным членам комиссии: этот её способ, по всей видимости, действует. Но я голосую против. Меня это не впечатлило.

Мелджен с любопытством смотрел на схватку, разворачивающуюся перед его глазами, время от времени поглядывая и на Роулса, который вовсе не спешил высказываться.

— Три «за», три «против», — констатировал Мелджен, — вот это накал страстей. И три человека ещё не проголосовало. Любопытно.

— Где мои вещи? — спросила Эмри, не обнаружив сумку на мраморном подоконнике, где она её оставила перед тем, как зайти в зал.

— Её кто-то забрал, — равнодушно ответил один из бывших одноклассников.

— В смысле «кто-то её забрал»?

— Да не переживай ты так, это вроде та твоя подруга, Шэда, которая всё околачивалась тут. Она тебя внизу, наверно, ждёт.

Эмри вздохнула и поспешила на её поиски.

Шэда, как и предполагалось, тут же была обнаружена под куполом стеклянной курилки. Дым от её сигареты, вместо того чтобы, как положено, лениво подниматься вверх и рассеиваться в воздухе, втягивался потолочными вентиляторами с такой скоростью, что Шэда каждый раз, когда ей приходилось пользоваться курилками в корпорации, сокрушалась по поводу того, что её лишают одного из неотъемлемых, по её мнению, прав: курить по-человечески. Она, как, впрочем, и всегда, была увешана антиглобалистской символикой и одета в свою любимую металлического цвета косоворотку с не то оккультным, не то славянским узором. На её до дыр затёртом рюкзаке красовалась такая же потрескавшаяся, как и сам рюкзак, надпись «No to corporations», а на груди, само собой, была электронная карта, позволяющая издалека опознать в ней стажёра отдела маркетинга.

— Ну, как всё прошло? — спросила она, в очередной раз затянувшись.

— Ты не поверишь, — сказала Эмри, опустившись на хромированную поверхность скамьи, — один из экспертов комитета прислал мне контакты сразу после моего выступления. Думаю, он предложит мне с ним встретиться.

Шэда присвистнула.

— Да ты, я смотрю, пользуешься успехом у мужчин. Ты же, я надеюсь, не будешь с ним встречаться?

— Почему бы и нет? Вдруг меня возьмут в комитет.

— Какая же ты маленькая наивная дурочка, — Шэда рассмеялась и затушила окурок, после чего продолжила: — Да и что это ты будешь встречаться с каким-то непонятным экспертом, когда ты у нас скоро, оказывается, выходишь замуж.

Эмри непонимающе уставилась на неё. У неё ушло несколько секунд на то, чтобы осознать очевидное.

— Ты что, рылась в моей сумке?

— Да не то чтобы я рылась. Просто она была открыта — и вот. Так почему ты не сказала мне?

Эмри сделала недовольное лицо. Шэда протянула ей её сумку и конверт.

— Ты всё неправильно поняла. Это, в общем, долгая история.

— Насколько долгая? У меня много времени в запасе. Босс всё равно занят. Так что я могу себе позволить немного расслабиться. Ну что, я слушаю.

Она села рядом с Эмри и смерила её выжидающим взглядом.

— Ну, это немного странная история. Мы переписываемся с одним парнем, который живёт в корпорации…

— Ты хотела сказать, во внешнем городе? — Шэда широко открыла глаза.

— Нет, в самой корпорации.

— Да ну, — недоверчиво откликнулась Шэда, — в корпорации никто не живёт, тут просто нет жилых кварталов в принципе. Этот твой знакомый, похоже, тебя разводит.

— Да нет, в том-то и дело, что он живёт здесь и не может выйти за территорию корпорации. То есть когда-то один раз он вышел и больше его не выпускают. Поэтому мы несколько раз уже встречались здесь. И как понимаешь, законных способов попасть в корпорацию для меня не так уж много. Так что то, что ты нашла — это не предложение выйти замуж. Это… Ну то есть это не серьёзно, просто так я имею право сюда приходить. Не знаю, правда, как долго эта уловка будет работать.

— Погоди-погоди, — остановила её Шэда, — я ничего не понимаю. Как ты вообще с ним познакомилась?

— Случайно. Я помогала ему найти его родителей. Он потерялся в городе, а его мать жила рядом с моим домом. Потом он отправил мне письмо.

— Сообщение? — уточнила Шэда, переставшая вообще что-либо понимать.

— Нет, бумажное письмо.

— Да как он вообще это сделал? — Шэда случайно раздавила

рукой сигаретную пачку и тихо выругалась.

— Ну, Киберпочта России теперь отправляет бумажную корреспонденцию не только за границу. Не знаю, зачем конкретно это придумали, но мне кажется, что это как-то связано с безопасностью.

— Да погоди ты с безопасностью; он ведь, наверно, ужасно старый, да?

— Ну, нет: он, может быть, на полгода меня старше, не больше.

Шэда от удивления не знала, что и сказать.

— Да это всё лажа какая-то. Такого не бывает. Мне очень не нравится эта история, Эмри. Я прямо чувствую, что тут что-то неладно с этим твоим знакомым. Ты что-то недоговариваешь, дорогая моя. Если его удерживают в корпорации силой, то почему? И может, ему как-то надо помочь? Можем устроить митинг там, голодовку…

Эмри тяжело вздохнула. Ей очень не хотелось говорить об этом Шэде, но она уже начала этот рассказ. Всё-таки Шэда была её лучшей подругой, и, несмотря на то, что Эмри часто посмеивалась над её двуличностью по отношению к корпорациям, Шэде, с которой она практически выросла вместе, она хотя бы могла доверять.

— Он приёмный сын Алексея Меженова, — сказала Эмри наконец.

— Погоди, кого? — Шэда приложила ладонь ко рту. — Моего начальника, что ли? Но у него нет вообще никакого сына, он никогда о нём не упоминал даже. У него жена беременна, это да, но… это всё какая-то ерунда, Эмри. Да и на твоём приглашении и на карточке другая фамилия, я видела.

— Ты можешь мне не верить, это твоё право, — Эмри пожала плечами, — я понимаю, что многое в этой истории звучит абсурдно.

— Но слушай, если это правда, — Шэда задумчиво поправила свои тёмно-лиловые волосы, — это всё равно мне очень не нравится. Он, наверно, какой-нибудь извращенец, да? Ну, можешь не говорить, хотя бы намекни. Что у вас было?

Эмри сделала недовольное выражение лица. Ей стало неприятно, что Шэда решила спросить её об этом.

— Да ничего у нас не было. Он показывал мне, чем он занимается здесь. Мне просто было это интересно, вот и всё. Это, понимаешь, такие штуки, которых нет больше нигде в мире.

— Да как ты это делаешь! — Шэда всплеснула руками. — Ну ты же не собираешься, я надеюсь, серьёзно выходить за него замуж? Он вообще тебе нравится?

Она встала со скамейки, немного походила по курилке туда-сюда и продолжила:

— Ты же понимаешь, что все, кто работает здесь, — либо психи, либо извращенцы? Я говорю тебе это как человек, который уже год пытается себе тут кого-нибудь найти. Они же просто свихнулись все со своими деньгами, меня достали уже все эти их шутки про продажность и желание женить на себе. Может, я просто хочу нормально отдохнуть, а? Да и сами они кто такие вообще? Все сплошь вчерашние выскочки! Так что ведь и он наверняка такой же, ты должна это понимать.

Эмри, одолеваемая лёгким раздражением от непонятливости подруги, не смогла сразу ответить ей. Она сидела, глядя на носки собственных туфель и пытаясь собраться с мыслями.

— Можешь не переживать, Шэда: я не собираюсь выходить замуж, тем более за сотрудника корпорации. Да и он не очень мне нравится для этого, наверно, хоть он и забавный. Я думаю, ему просто скучно сидеть одному вечером, поэтому он мне и пишет. Он вообще немного, ну, как бы тебе объяснить… не из этой вселенной. Не думаю, что я нравлюсь ему в том смысле, в котором ты предположила.

Эмри в очередной раз поморщилась от неудовольствия затронутой темой. У неё было неловкое чувство того, что подруга пытается пройтись в грязных сапогах по чему-то слишком тонкому и сокровенному, чтобы быть названным. Эмри понимала, что Шэда желает ей только самого лучшего, но при этом была уверена: Шэда ни за что не сможет смириться с тем фактом, что между мужчиной из корпорации и женщиной из сектора могут быть какие-то другие отношения, кроме принимающей разные формы классовой борьбы.

— Будь осторожнее, пожалуйста, — Шэда вновь села на скамейку и обняла Эмри за плечи, — я очень за тебя волнуюсь. Хорошо, что ты хотя бы сейчас мне это рассказала. Я вот что хочу тебе сказать, дорогая… Тебя ждёт блестящее будущее, не связывайся с ним, ну пожалуйста. Тем более, если он вдруг и правда сын Мелджена. Знаешь какие слухи ходят про моего начальника? Ох, не хотела бы я с ним остаться наедине.

Шэда сделала жуткое лицо и уже готовилась поделиться последними сплетнями, когда в курилку заглянула одна из одноклассниц Эмри.

— Плохие новости, — с глубоким сожалением в голосе сказала она. — Тебе отказали.

— Ничего страшного, спасибо, — спокойно ответила ей Эмри.

XXII

Убедившись, что её дочь выслали из сектора, Эмри совершенно потеряла интерес ко всему, что её окружало. Весь день она просидела в рассеянности, периодически отвлекаясь от разглядывания выжженного пейзажа за границей внешнего города лишь на чтение новостей. Заголовки кричали о встрече Роулса с мировыми лидерами и успехах в принуждении Третьего сектора к отказу от информационного оружия. Всё это могло оказаться правдой, а могло — абсурдом, но Эмри была безразлична к этому. Впервые за многие годы она чувствовала себя совершенно одинокой, запертой, беспомощной и, что ещё хуже, — безвольной.

Эмри думала о предыдущей жизни так, как будто все эти события произошли с кем-то другим. Как будто не она когда-то выбирала цвет камня для облицовки этой комнаты и не она согласилась, несмотря на боль и разочарование в людях, бороться за другое будущее вместе с Эс, который был лучше, намного лучше всех её представлений об идеальном спутнике жизни. Теперь она пребывала в настолько глубокой печали, что, если б её спросили, хочет ли она вообще жить дальше, она бы даже не ответила, до такой степени ей было всё равно.

Она перестала мечтать о том, как переступит вновь порог своего дома и как её встретит младшая дочь, которой её отсутствие должно было, наверно, показаться вечностью. Маленький, заросший зеленью сад на заднем дворе расплывался в памяти, как странное наваждение, как сон, который блекнет и распадается на части в первые же минуты после пробуждения. Это была чья-то чужая жизнь, даже счастье в которой оказалось призрачным, а её настоящая жизнь вдруг снова оказалась здесь, на маленьком клочке земли, в ненавидимой ею MJ, где Эмри как будто снова исполнилось восемнадцать лет. Правда, теперь всё это было похоже скорее на жизнь после смерти: ошибки, сделанные много лет назад, было уже не исправить, можно было только видеть их последствия и предаваться безграничному унынию, чем Эмри и занималась, сидя в одиночестве на старомодной панорамно остеклённой кухне.

Этому занятию она бы и посвятила весь остаток дня, если б не была выведена из своего меланхолически созерцательного состояния звонком Сонцев. Эмри этот звонок удивил, поскольку она особенно не контактировала ни с ней, ни с кем-либо ещё из комитета с их приезда в сектор. Да и коллеги не слишком надоедали ей рабочими вопросами, понимая, видимо, всю неловкость и двусмысленность её положения.

Она пригласила Сонцев зайти, отправив координаты. Эмри окинула взглядом безукоризненно чистую кухню и прошлась вдоль шкафчиков, на которых не было не только пыли, но и вообще каких-либо следов использования. Спустя практически два десятилетия с момента их покупки они выглядели как новые. Эмри понимала, что ничего удивительного в этом нет, учитывая, что когда-то это была очень дорогая мебель, да и Гений наверняка вообще не пользовался кухней. Но всё же чувство машины времени её не покидало. И уж лучше б эта машина времени перенесла её в какую-нибудь другую эпоху.

Сонцев пришла к ней не одна, а вместе с другим членом комитета, Эженом Моррваном, также входившим в комиссию по информационным нарушениям. Эмри пригласила их войти, и пока Моррван с любопытством осматривал прихожую, Сонцев практически шёпотом, несколько опасливо поглядывая на Эмри, спросила её о самочувствии.

— Я в порядке, спасибо, — ответила она, попытавшись улыбнуться.

— Так что, вот так и выглядит квартира главы Третьего сектора, одного из самых богатых людей в мире? — Моррван недоверчиво покачал головой. — У меня дома всё же поприятнее будет, да и места побольше.

— Ну, Мор, мы же не на экскурсию пришли, — недовольно прервала его Сонцев.

Они прошли дальше, сели за стол, и Эмри предложила им чай.

— А кофе есть? — спросил Моррван, всё так же бесцеремонно озираясь. — Интересно, какой сорт кофе предпочитают диктаторы.

Сонцев недовольно посмотрела на него, видимо жалея, что вообще притащила его с собой. Эмри же, несмотря на подавленное состояние, его поведение даже слегка забавляло: он-то, наверно, ожидал увидеть тут антиквариат или какие-нибудь потрясающие воображение технологии, а оказался в квартирке, в которой вполне мог бы жить совершенно рядовой сотрудник среднего звена. Разумеется, Моррван не верил собственным глазам и отчаянно пытался определить настоящее благосостояние главы сектора по сорту кофе, который он пьёт. Но и тут ему не повезло.

— Не уверена, что есть, — Эмри по очереди открыла все шкафчики и, не обнаружив там совершенно никаких продуктов, кроме заказанных ею накануне для приготовления ужина, развела руками. — Извини.

— Видимо, у MJ дела совсем плохи, — с нескрываемым

сарказмом заключил он. — У вас… Ну то есть… в смысле у Меженова есть ведь ещё хотя бы пара домов?

— Если тебе интересно, Мор, — с мрачной усмешкой ответила ему Эмри, мысленно возмутившись его оговорке, — MJ вообще выдаёт жильё только в пользование, так что ты можешь считать, что и эта квартира принадлежит корпорации и ни за кем лично не закреплена. С другой стороны, раз уж Гений — глава корпорации, то ты можешь сделать из этого другой закономерный вывод: что формально всё движимое и недвижимое имущество в границах внешнего города принадлежит ему.

— Мы вообще, кажется, не чай пить и дом обсуждать пришли, — Сонцев ещё более недовольно посмотрела на своего спутника, который, как ей казалось, вёл себя нетактично. — У нас на самом деле к тебе очень важный вопрос. И честно говоря, Эмри, если б была хоть какая-то возможность решить этот вопрос без тебя, мы бы обязательно ею воспользовались, потому что я даже не представляю, что ты должна сейчас чувствовать. Я думаю, тебе понадобится долгий отпуск после того, как мы все вернёмся домой.

— Это правда, — согласилась с ней Эмри, — я думаю сейчас о том, чтобы совсем уйти из комитета. Не знаю, как после всего, что произошло здесь, я смогу спокойно работать…

— Нам ужасно жаль. У вас ведь осталось двое детей? — всё с тем же сочувственным выражением лица спросила её Сонцев.

— Не нужно жалости, — отрезала Эмри, — давайте закроем эту тему. О чём вы хотели поговорить?

Сонцев придвинулась ближе к столу.

— Видишь ли, Эмри, ты нам, наверно, так сразу и не поверишь, но то, что мы хотим сказать, это… мы довольно долго взвешивали все «за» и «против» прежде, чем пришли к некоторым выводам. И мы должны быть уверены, что ты сможешь отнестись к ним непредвзято, как член комитета, — издалека начала она.

— Вы сомневаетесь в моём профессионализме? — равнодушно поинтересовалась Эмри.

— Ну, это не так. Но мы хотим знать несколько вещей прежде, чем поделимся с тобой некоторыми нашими опасениями.

— Короче, — прервал её Моррван, — насколько ты в курсе того, что происходит в секторе? Я имею в виду, насчёт того, чем занимается Меженов? Насколько часто вы… видитесь?

— Ну, вчера и позавчера мы практически всё время были вместе, в том числе и ночью. Он почти всё это время работал, его больше ничего не интересует. Прошлой ночью я спала в его кабинете, но спала я плохо и знаю, что он никуда надолго не

отлучался. Насчёт того, чем именно он занимается: это, думаю, и для вас не секрет — он отлаживает какие-то алгоритмы А-17. Сегодня в одиннадцать утра он по моей просьбе встречался с Роулсом, чтобы Анну отправили домой. Потом… я даже не знаю… я немного приболела, вот и сижу здесь.

— Нет, ты не совсем поняла вопрос, — сказал Моррван. — Можешь ли ты сказать более точно, чем он занимается? Нас интересуют технические подробности. Что ты вообще знаешь об А-17?

— Ну, вряд ли я знаю намного больше, чем вы, — ответила Эмри после небольшого раздумья. — Как я понимаю принцип работы А-17, оно меняет некоторые воспоминания на внешней памяти или даже, я бы сказала, восприятие этих воспоминаний, что позволяет поменять не только поведение человека, но и установки, которые это поведение определяют. А-17 делает их в целом, м… менее эгоистическими. Ну и, как я понимаю, возможность этого связана с тем, что внешняя память, которую теперь стали устанавливать чуть ли не с рождения, резко сократила объём данных, хранящихся в нашей биологической памяти. И конечно, с тем, что MJ обладает самой подробной в мире базой данных по всем возможным поведенческим аспектам, по которым только можно было собирать статистику, что и делалось с начала широкого внедрения внешней памяти. Конечно, в нарушение всех межсекторальных договорённостей. Первые доказательства этого, помимо всего прочего, привезла в комитет восемнадцать лет тому назад я. И я была уверена, что Эс занимался в секторе тем же самым, чем и я когда-то: собирал информацию…

— Минутку, — вновь не дал ей договорить Моррван, — это всё мы и так знаем, нас больше интересует индивидуальная настройка А-17.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, какие детали, — Эмри посмотрела на них по очереди, но Моррван и Сонцев молчали, поэтому она продолжила: — Ну, А-17 понимает, что именно надо поменять во внешней памяти конкретного человека или группы людей, чтоб достичь нужного результата. Результат можно выбрать. Без выбора конкретной задачи она настраивается на достижение оптимума, правда, я не очень пока понимаю, какой именно оптимум, но, думаю, это не Парето.

— Понятно. Видимо, ты не знаешь, — разочарованно резюмировал Моррван.

— Да чего я не знаю? — нетерпеливо возмутилась Эмри. — Могу узнать, если нужно.

— Да, мы хотим узнать, — тут же согласилась Сонцев, — но есть один нюанс: ты не должна спрашивать об этом Меженова.

— Почему? Вы думаете, он соврёт мне? Я могу вас заверить, что он вообще не очень умеет лгать.

— Дело в том, что у нас есть очень серьёзные основания подозревать его и Роулса в сговоре. И цели этого сговора…

— Вы ошибаетесь, — отрезала Эмри.

— Вот я же говорил тебе! — воскликнул Моррван. — Она не будет нас слушать.

— Почему же, я вас слушаю, — Эмри словно очнулась от овладевшего ей в тот день оцепенения. — Извините, не буду больше перебивать, говорите.

— Ну, как скажешь, Эмри. Мы начнём с главного, — сказал Моррван, скептически покачав головой. — Во-первых, от рядовых членов и экспертов комитета скрывают действительное положение дел в секторе, таская нас по явно специально для это вылизанным достопримечательностям. Ты знаешь, почему ночью был пожар?

— При чём здесь это? — удивилась Эмри. — Думаю, какой-то очередной сбой в А-17, тем более Гений спал в это время. Наверняка в системе что-то вышло из-под контроля, а исправить всё это было некому, потому что до сегодняшнего дня весь его отдел был арестован.

— Сбой, вот как, — Моррван на какое-то время замолчал. — Ну, можешь считать и так. Это действительно результат того, что А-17, как мы считаем, не на всех людей действует с одинаковой силой.

— То есть в секторе есть люди, на которых оно не действует? — ещё больше удивилась Эмри.

— Это всего лишь гипотеза, — осторожно заметила Сонцев.

— Если б эксперименты с внешней памятью были разрешены, мы бы знали точнее, — согласился с ней Моррван.

— В общем, мы предполагаем, что значительная часть населения старше определённого возраста вообще не подвержена действию А-17, несмотря на то, что внешняя память у них установлена уже давно. Наверно, должны быть и какие-то индивидуальные особенности, но мы считаем, что возраст важнее.

— И какой же это возраст?

Моррван пожал плечами.

— Сорок пять по меньшей мере, но это пока просто предположение. Возможно, что планка гораздо выше, мы действительно этого не знаем. Мы строим своё предположение лишь на дате, с которой начали более-менее повсеместно устанавливать внешнюю память в возрасте до пяти лет. Но даже

по этому вопросу у комитета нет точных данных: мы думаем, что сектора не делились с нами достоверной информацией, — всё же решилась ответить ей Сонцев.

— И что из этого должно, по-вашему, следовать? — несколько растерянно спросила Эмри.

— Гипотеза такова, — уже более уверенно продолжил Моррван, — люди, на которых А-17 не действует, в идеальном мире математических моделей должны спокойно жить себе, как прежде, а люди, на которых А-17 действует, должны не мешать им жить. Таким ведь примерно должен быть алгоритм оружия, правда?

— Звучит разумно, — согласилась Эмри.

— Ну да, но ты случайно никогда не пробовала ткнуть палкой в улей? — поинтересовался он.

Эмри даже слегка рассмеялась абсурдности предположения.

— Он хочет сказать, что люди, не подверженные действию оружия, вполне могут сделать какую-нибудь глупость, которая будет воспринята программой как агрессия, — пояснила Сонцев. — Впрочем, я не думаю, что программа так глупа и настолько низко оценивает человеческую жизнь даже за пределами условного улья, чтобы убивать каждого, кто, например, попытается вытащить внешнюю память у человека под контролем. Я склонна думать, что всё немного сложнее, хотя в целом Мор прав. Мне кажется, в секторе сложилось организованное сопротивление оружию. Но это скорее нехорошо, потому что максимум, чего повстанцы смогут добиться, — всем умереть.

— Мы выдвинули и ещё одну гипотезу, — сказал Моррван. — То, что произошло этой ночью у границ с внешним городом, — не просто какой-то там пожар, это похоже на результат подавления организованного восстания. Наверняка в алгоритме А-17 у защиты внешнего города должен быть очень высокий приоритет, поэтому, когда возникла угроза для него, система и начала по своей воле небольшую гражданскую войну.

— То, что вы рассказываете, звучит жутко, — признала Эмри, — но я не понимаю, почему Роулс до сих пор не настоял на том, чтобы немедленно прекратить использование оружия? Ведь этого от него ждут и другие сектора, и все мы, конечно. И Гений согласен отказаться от оружия, я знаю это.

— А вот это самое интересное, — заметил Моррван. — И мы, честно говоря, видим пока только то, что Роулс всячески пытается держать нас в неведении. Это очень странно. Но соображения здесь могут быть вот какие: Джим наверняка пообещал Меженову, что поможет ему сохранить власть в секторе, а теперь не знает,

как это сделать. Да и мы считаем, что сделать это невозможно: Меженов ведь наверняка станет самым ненавидимым человеком в секторе после того, как оружие придётся отключить.

— Не думаю, что Гения могло бы это заботить, — возразила Эмри. — Но как бы там ни было, вы правы, мы должны узнать всё сами. И у меня есть несколько идей на этот счёт.

Джил, как всегда без стука, заглянула в кабинет Гения и с нескрываемой радостью обнаружила, что он наконец один.

— Какое счастье застать тебя без Эмри, — сказала она вместо приветствия. — Я тут как раз решила устроить вечер откровений.

Он оторвался от электронных чертежей, которые до этого рассматривал, и пристально посмотрел на неё.

— Что именно ты имеешь в виду под откровениями?

— Я хочу предложить тебе союз вместо нейтралитета, — заявила она.

— А конкретнее?

Она без приглашения села в кресло Эмри и закинула ногу на ногу.

— Теперь я могу поделиться с тобой всеми тайнами, которые до этого вынуждена была охранять, чтобы ты не наделал глупостей.

— Ну, спасибо за заботливость, — мрачно ответил Гений, — но я о ней не просил.

— Во-первых, хочу сказать тебе, что мой отец, судя по всему, знал, что Эс предатель, и именно из-за отношений с ним лишил меня права наследовать. Это Эс был связан с организацией освобождения сектора, я общалась с ними через него. Но мой отец не выгонял его, а наоборот, держал на высоких должностях — так почему? Может быть, ты знаешь почему?

— Так себе откровение получилось, — заметил Гений, — я и так всё это знал. И почему Эс не увольняли, тоже знаю. Он был шпионом комитета, но настолько технически безграмотным шпионом, что мы с Мелдженом все шесть лет вели всё те же исследования у него под носом, а он начал об этом догадываться лишь недавно. Эс полностью устраивал нас: и позволял сохранять хорошие отношения с комитетом, и не мешал работать над А-17.

— Ну подожди, это ещё не всё, — с лёгкой досадой в голосе сказала Джил. — Я ещё удивлю тебя. Я хочу передать тебе его внешнюю память. Она цела и невредима.

— И снова не удивила. Я знал, что ты меня обманула. К твоему счастью, я никогда не считал память Эс особенно важной, потому что и так по большому счёту всё про него знал. Короче, отдай её мне и иди. Я вообще-то не очень люблю, когда меня обманывают, так что можешь считать свой вечер откровений

законченным.

— Не так быстро, — возразила Джил. — Я хочу сказать и ещё кое-что. Там есть один зашифрованный фрагмент, и я очень надеюсь, что ты сможешь найти способ его расшифровать. Но помимо этого, там есть и вещи, которые будут для тебя неприятны. Это касается Эмри.

— Ну и? — спросил он, не выдержав сделанной ею мелодраматичной паузы.

Джил демонстративно кашлянула и продолжила:

— В общем, эти вещи могут тебя расстроить, но не воспринимай всё слишком близко к сердцу: ты ещё молод, и в нашем секторе много женщин, которые захотят…

— Ты можешь говорить по делу? — прервал он её душеспасительную речь.

— Ну, в общем, ты ведь знаешь, что она всегда что-то плела за твоей спиной? То Эс пыталась вывезти, то украла коммерческие разработки? Понимаешь, ты только не делай поспешных выводов. Совсем не все женщины такие. Подумай только, зачем тебе женщина, которая оклеветала тебя, сказав Эс, что ты её изнасиловал?

— А почему ты решила, что это неправда?

— Ну нет, ты же не хочешь сказать… — Джил от удивления не смогла придумать никакую, даже самую посредственную колкость.

— Я хочу сказать, что если это всё, что ты хотела сообщить мне, ты можешь идти, — холодно ответил ей он.

Но Джил отошла от потрясения.

— Почему я впервые об этом слышу? Как? Почему?

Казалось, её было невозможно остановить.

— Как будто это что-то, чем я мог бы гордиться, — сказал он, после чего встал и демонстративно открыл перед ней дверь. — Я достаточно поддержал твой вечер откровений? Можешь идти со спокойной душой?

— Ты слишком вредный, — сказала она, положив внешнюю память Эс на ручку кресла, после чего всё-таки соизволила встать и выйти.

— А ты слишком наглая, — ответил он и закрыл за ней дверь.

XXIII

Эмри посмотрела вверх и обнаружила, что дождь, нещадно ливший последние сутки, прекратился. Небо всё ещё было затянуто хмурыми тучами, но прожекторы под крышей теплиц светили уже не так ярко, и постепенно их свет становился всё бледнее, пока совсем не померк, уступив место слабым вечерним лучам солнца.

Она не знала почему, но всё это казалось ей чуть ли не божественным благословением. Последние полгода, поднимая глаза на небо, она не могла думать ни о чём больше, кроме как о том, что она, как и прочие живущие на Земле, получила второй шанс. Тем августовским вечером она шла босиком по траве к лимонной роще, в ста метрах от которой пролегала граница сада и внешнего города с остальной частью сектора. Эмри смотрела на крупные капли дождя, стекающие по оранжерейным стёклам, и ей казалось, что тогда, шесть месяцев назад, чья-то невидимая рука остановила людей, которые, по всем расчётам, должны были в тот день нажать на красные кнопки. И она была настолько ошеломлена этим внезапно обрушившимся на неё правом на жизнь, что её даже не ужасали вялотекущие военные действия между правительственными войсками и вооружёнными силами корпораций, раскаты которых время от времени долетали до маленького корпоративного Эдема на западе Восточно-Европейской равнины. Если прежде она восприняла бы своё заточение в корпорации без каких-либо перспектив и возможности её покинуть как проклятье, теперь весь прошлый мир вдруг оказался перевёрнут, а она чувствовала себя спасённой и укрытой в границах ненавистной ей когда-то MJ. Это чувство было настолько глубоким, что ей казалось неприличным жаловаться на судьбу, винить кого-то и уж тем более винить себя в том, к чему она не имела совершенно никакого отношения. Ступая по сочно-зелёной скошенной траве, Эмри чувствовала себя прощённой за всё совершённое ею и совершённое другими людьми до неё.

— Мы могли бы расположиться здесь, — предложила она и тут же села на траву, спиной прислонившись к тоненькому ветвящемуся лимонному дереву с маленькими глянцевыми плодами. Широкая крона была такой низкой, что дерево из-за этого казалось приплюснутым и неуклюжим. Гений огляделся и сел на траву рядом с Эмри.

Они были далеко от дома, на противоположном краю внешнего города, куда пришли в ту субботу просто оттого, что им

не хотелось весь день просидеть взаперти.

Эмри задумчиво улыбалась, глядя куда-то в глубину рощи, за которой начинался край их света. Лучи закатного солнца, просачивающиеся сквозь крону дерева, падали Эмри на лицо, заставляя её зелёные глаза казаться более светлыми, чем они были на самом деле. Её длинные волосы, в беспорядке разметавшиеся по плечам, переливались в последних солнечных лучах оттенками медового. Она обратила внимание на то, что Гений её рассматривает, и медленно развернулась к нему.

Она встретила его взгляд и не отвела глаза. Его это, по всей видимости, смутило, и он сделал вид, что пытается разглядеть что-то на траве рядом с собственными ладонями. Эмри подумала, что понятия не имеет, о чём он думает, когда разглядывает её с таким серьёзным видом. Всё, что происходило между ними, было настолько за гранью общечеловеческих представлений о браке, что она затруднялась дать ответ на этот вопрос.

Когда в самом начале знакомства они не замолкая говорили каждую свободную минуту, она очень хорошо понимала, почему им хорошо вместе. Или, возможно, ей казалось, что она это понимала. Теперь же, когда она об этом задумывалась, ей становилось неловко.

Если б Эмри могла проникнуть тогда в его мысли, она бы узнала, что он этой неловкости был совершенно лишён, потому что в отличие от неё имел вообще очень смутные представления о том, как должны развиваться отношения между мужчиной и женщиной. Все примеры, которые он видел перед собой за годы, проведённые им в корпорации, были, как ему казалось, совершенно неприменимы к тому, что сложилось между ним и Эмри. Всё, что происходило между ними, было для него чудом, потому что прежде он и представить себе не мог, что кто-то может проявлять столько искреннего интереса к жизни другого человека и уж тем более к его жизни. По крайней мере, он никогда не встречал этого в других людях и никогда не наблюдал этого даже со стороны, в других отношениях.

Эмри была единственным человеком, с которым он мог делиться своими мыслями, не опасаясь быть непонятым. Она любила задавать ему вопросы, и её любопытство всегда было настолько неподдельным, что он впервые в жизни чувствовал себя нужным. Если б его тогда заставили наклеить на Эмри какой-нибудь ярлык, он бы назвал её своим первым и единственным другом. Но даже Гений понимал, что это будет несколько нелепо, учитывая, что они уже три месяца были женаты.

В общем, если б Эмри могла знать его мысли тогда, она бы поверила, что он действительно безоблачно счастлив с ней.

Разумеется, она могла спросить его об этом напрямую, что она периодически и делала, а он всегда честно отвечал на этот вопрос, вот только она никогда не верила такому его ответу. Ей казалось, что он должен был страдать от того, что между ними нет никакой физической близости даже на уровне объятий, но на самом деле тогда он просто особенно не думал об этом.

Если б она могла вдруг отказаться от всех убеждений, которые она, наверно, даже не смогла бы перечислить, — возможно, она приблизилась бы к тому чувству, которое он испытывал, находясь рядом с ней. Вместо этого она переживала постоянную тревогу, гадая, какому именно психическому отклонению он подвержен и почему он не делает ничего из того, что делал бы на его месте любой другой нормальный мужчина.

И если б она, наконец, могла заглянуть ещё глубже, туда, где мысли теряют свою важность, она бы удивилась, обнаружив, что он был куда нормальнее, чем она сама, и, если б ей вдруг пришло в голову его соблазнить, она бы потерпела сокрушительную неудачу. Правда, не потому, что, как она думала, он относился к ней нездорово, а исключительно потому, что он бы никогда не расценил это как соблазн, настолько естественно было для него всё, что могло между ними произойти.

— Ты правда собираешься есть эту гадость? — он не отрываясь смотрел на то, как Эмри ногтями дочищает лимон.

Строго говоря, это был не совсем лимон, но во всех гибридах внешнего города не разбирался даже Гений. Да и вообще у него, как и у любого, кто много лет провёл в корпорации, выработалось естественное отвращение к цитрусам. И уж в последнее время, когда начались проблемы с поставками продовольствия, он видел (и, к сожалению, не только видел) уже всё, что можно из них приготовить: лимонный пирог, лимонный хлеб, лимонный джем, салат с лимоном и даже тушёные лимоны с зеленью.

Поэтому его забавляло то, с каким энтузиазмом Эмри пробовала всякую цитрусовую дрянь, щедро рассаженную по внешнему городу и бережно культивируемую сотнями садовников. Но её любопытство ко всему новому не могло оставить его равнодушным. Это, как и её неприятие любой несправедливости, постоянная готовность бороться со всем, что казалось ей злым и неправильным, делали Эмри совершенно исключительной, совершенно отличной от других людей. Только Эмри могла есть отвратительные, кислые лимоны с таким видом, как будто они не были частной собственностью корпорации, так, как будто всё на территории внешнего города безоговорочно принадлежало ей, и главное, так, будто они не были совершенно несъедобными.

— Хочешь? — спросила она и даже не поморщилась, съев дольку. — У меня есть сахар.

Его передёрнуло, когда он представил себе вкус гадкого фрукта. Как будто это можно было перебить каким-то там сахаром. Он посмеялся.

— Знаешь что, Эмри? Если б древо познания в райском саду было лимоном, грехопадение бы просто не состоялось. Только ты можешь есть эту гадость.

Она тоже засмеялась.

— Да не так уж и кисло, — сказала она сквозь смех, — попробуй.

Он наклонился и неожиданно облизнул её липкие, залитые лимонным соком пальцы.

— Ну я же говорил, — сказал он, отплёвываясь, — это действительно нельзя есть.

Эмри подняла глаза и внимательно посмотрела на него, силясь понять, насколько неприлично было то, что только что произошло.

Гений посмотрел на неё в ответ, и в этот момент и у него тоже появилось смутное чувство того, что что-то было не так. Но он по-прежнему не понимал, что именно.

Она доела лимон и вытерла руки салфеткой.

— Может, хватит на меня так смотреть? — спросила она, заметив, что он снова не отрывает от неё взгляда. — Мне неудобно от этого.

Он ничего ей не ответил. Эмри, изо всех сил стараясь справиться с охватившей её неловкостью, поменяла позу: легла на спину и положила голову ему на колени.

— Ты не против? — запоздало спросила она.

— Нет, — ответил он.

Но неловкость никуда не исчезла. Эмри протянула руку в сторону и, проведя ею по траве, нашла пальцами его ладонь. Её несколько удивило то, что Гения это не испугало: он покорно переложил свою руку так, как она того хотела. Он провёл рукой по её щеке и остановился на волосах.

Эмри закрыла глаза, и он продолжил рассматривать её мягкие скулы и широкие тёмные губы, выхваченные из темноты последними солнечными лучами. Его счастье было таким сильным, что тогда ему казалось: с ними никогда не произойдёт ничего плохого. Оно было настолько сильным, что в какой-то степени это ощущение передалось и Эмри, и все её тревожные мысли на время отступили, сменившись умиротворением.

В тот момент уже и она готова была поверить, что они всесильны и неуязвимы в своём счастье, что они наделены правом

свободного выбора и что они смогут, откинув все мрачные истории, придуманные человечеством, воспользоваться этим своим правом, чтобы исправить ошибки, совершённые до них.

XXIV

— *Люди вообще отвратительны*, — афористически заметил Роулс, разглядывая основной блок, управляющий А-17. — Но к счастью, в наших силах это исправить.

Гений внимательно посмотрел на переводчика, чей пустой взгляд, как и скверная неудачная интонация, не выражал абсолютно ничего. Работать с сотрудниками под А-17 было тем ещё удовольствием. Но люди и правда были отвратительны, и по той самой причине доверять никому он не мог. К сожалению.

— Иногда мне кажется, — он выдержал небольшую паузу и встретился взглядом с Роулсом, — что вы меня попросту шантажируете. И «мне кажется» я добавил из вежливости.

Роулс рассмеялся.

— Ну, я бы не стал выражаться так грубо. Мы всё-таки много в чём похожи. Я просто не даю вам возможности совершить ошибку, вот и всё. Разве не тем же самым вы здесь занимаетесь? Всё-таки А-17 — самое совершенное, что было придумано в деле недопущения человеческих ошибок.

Роулс провёл рукой по корпусу системного блока, от чего Гений испытал лёгкий укол ревности.

— Я должен признать, что вы очень ловко спровоцировали Четвёртый сектор на нас напасть, — сказал он, глядя, как широкая ладонь главы Комитета по этике бесстыдно ползёт по его любимому изобретению. — Понятия не имею, как это можно провернуть, используя одни лишь слова. И знаете… это было не слишком любезно с вашей стороны, но это не значит, что я не оценил масштаба.

— Вот видите, мы отлично сработаемся, — с иронией в голосе ответил ему Роулс, по-прежнему не сводя глаз с собеседника. — Вряд ли кто-то ещё поймёт вас так же, как я. Мы занимаемся одним делом.

Выражение лица Гения сменилось на недоумевающее.

— Поймите же, — пояснил Роулс, — искусству заставлять людей делать то, чего они не хотят, куда больше тысячи лет. Наивно полагать, что А-17 — первый шаг на этом длинном и тернистом пути, — тут он не удержался от улыбки. — Но это не значит, что я не оценил масштаба. Напротив — я всегда предпочитаю смотреть на вещи здраво. И я, пожалуй, единственный во всём нашем несчастном, обречённом мире, кто действительно может понять ваше изобретение.

Он убрал руку с А-17 и без всякого приглашения сел в синее кресло Эмри. Гений не знал почему, но поведение Роулса вовсе не

показалось ему развязным. Наверно, он был слишком хорошим собеседником.

— Когда все эти комитетские психи бегают вокруг меня с криками о том, насколько ужасно ваше изобретение, потому что оно позволяет манипулировать сознанием людей, мне хочется сказать им: «Помилуйте, не тем ли всю историю занимались государства, ну а теперь не тем ли занимаются абсолютно все корпорации мира? Не этим ли самым занимается комитет?» Вот что видят другие. Таков уровень понимания большинства. Но я вижу больше, гораздо больше. Всю свою жизнь, с самого детства я наблюдаю спектакль, нелепое цирковое шоу на тему непроходимой человеческой глупости — и вот за окнами уже две тысячи восьмидесятый год, где наши космические путешествия? Где наша цветущая, благоденствующая планета? Где, в конце концов, торжество прогресса и разума? И чем больше я задаюсь этими вопросами, тем больше моя уверенность: главное и единственное препятствие этому — порочная человеческая сущность. И ведь идея, лежащая в основе А-17, так проста — уничтожить это препятствие.

Гений, казалось, пропустил его слова мимо ушей. Он сидел вполоборота к Роулсу, глядя на лимонный сад за окнами. Роулс откинулся на мягкую спинку старого кресла и обхватил руками узкие деревянные подлокотники.

— Я даже догадываюсь, что вас беспокоит, и, кстати, совершенно напрасно, — вкрадчиво продолжил он. — Я знаю, что вы не прислушались к моей просьбе и до сих пор не применили А-17 к Эмри. И я отнюдь не настаиваю, совсем нет. Но послушайте, я говорю это не из опасения, что она может как-то помешать нашим планам. Им уже, я уверен, ничего не сможет помешать.

Гений кивнул и впервые за тот день улыбнулся, подумав о том, что в последние дни они действительно предприняли все возможные меры безопасности для защиты системы. Он ничего не ответил, и Роулс продолжил:

— Так вот. Я говорю вам это как человек, который давно её знает. Эмри запуталась, и она несчастна. И подумайте: кто, как не вы, можете ей помочь? Разве не был ошибкой её брак с нашим старым другом Эс, про который вы, разумеется, не можете не знать?

— Угу, — Гений отвернулся от окна, — целый час уже знаю. И то только потому, что Джил наконец соизволила отдать мне его внешнюю память. Непередаваемые ощущения. И что это вы помогли ей сбежать и познакомили с ним, тоже знаю. *Спасибо*.

Роулс усмехнулся и пожал плечами.

— Надеюсь, вы на меня за это не в обиде, — сказал он с прежней лёгкой иронией в голосе. — Так уж тогда сложились обстоятельства. Но теперь подумайте: вы ведь не хотите, чтоб она совершила какую-нибудь ошибку? До сих пор ничего непоправимого не случилось, но ведь может, не так ли? И могу я спросить, что вас останавливает?

— Да ничего, — ответил Гений. — Вы абсолютно правы. Но я хотел бы сказать ей о применении А-17 лично.

— Зачем? — удивлённо и с плохо скрытой досадой спросил его Роулс. — Да в этом нет никакого смысла, если только вы не хотите, чтоб она вас переубедила.

— Хочу послушать, как она будет объяснять мне, почему она меня обманывала.

Роулсу это совсем не понравилось.

— Да какой, скажите мне, в этом смысл? Какое всё это будет иметь значение? У вас будет совершенно новая жизнь. Чего вы хотите? Её взаимности? Да она и так только о вас и думала всё это время, это же очевидно. Просто подтолкните её в нужную сторону. Мы можем и обязаны сделать этот мир счастливым, не так ли? И что может быть лучше для неё теперь, чем просто забыть всю прежнюю жизнь? — он сделал небольшую передышку. — Чего вы хотите?

— На самом деле я больше всего хотел бы сам забыть свою прежнюю жизнь, — ответил Гений, — но, к сожалению, не могу сделать это так же просто, как другие.

— Нет, всё это не то, — Роулс встал с кресла и сделал шаг в направлении собеседника. — Послушайте, так чего вы хотите на самом деле? Вы ведь не хотите, чтоб она уезжала? Хотите, чтобы всё было, как прежде? И что, в конце концов, может быть проще? Можете даже детей завести. Если вас беспокоят дочери Эс, я обещаю вам о них позаботиться. Они не появятся в вашей жизни.

По непередаваемо возмущённому выражению лица Гения Роулс немедленно понял, что в своих попытках надавить на него перестарался. Вообще-то с Роулсом это происходило крайне редко, но когда он уже после, оказавшись в одиночестве, думал о причинах, по которым потерпел в тот день одно из немногочисленных в своей карьере фиаско, он вынужден был признать, что его ввела в заблуждение заторможенная реакция главы Третьего сектора, которую он по ошибке принимал за эмоциональную ограниченность.

Роулс испытывал досаду, думая о том, что, подбери он в тот момент другие слова, прояви он больше деликатности, всё обернулось бы совсем иначе.

И хотя Роулс никогда не ошибался, в этот раз он был прав

ровно наполовину. Если бы Гений не промучился весь остаток того дня, тщетно ожидая услышать от Эмри правду про её отношения с Эс, если бы он избавил от этих никому не нужных страданий и её и себя, — разумеется, никогда бы не произошло ничего настолько нелепого и вместе с тем ужасающего, как события следующего дня. Ничто не прервало бы их с Роулсом ужин, и никто не помешал бы их тайному отъезду во Второй сектор.

Вот только дело едва ли было в неверно выбранных словах убеждения. Роулсу просто никак не могло прийти в голову, что самое грязное тайное желание главы Третьего сектора в отношении Эмри заключалось в том, чтобы та хоть раз в жизни по доброй воле сказала ему правду. И желание это было сколь практически бесполезным, столь же и несбыточным.

XXV

— Слушай, Эмри, почему ты вообще его бросила? — Моррван догнал её на входе в очередную панельную многоэтажку недалеко от границы с внешним городом.

— Тебе что, совсем нечем заняться? — она остановилась, чтобы отдышаться.

В секторе стояла невыносимая жара, и она не один раз пожалела, что не надела что-нибудь на голову. Втроём с Сонцев и Моррваном они обошли уже две издевательски цветастые шестнадцатиэтажки и заглянули практически в каждую квартиру за исключением тех, что не были оборудованы электронной системой. Таких, впрочем, оказалось очень немного.

Эмри не знала точно, что они вообще рассчитывали здесь найти. Сонцев предложила для начала посчитать всех встреченных ими людей, посмотреть, сколько процентов из них окажутся старше сорока пяти, шестидесяти, восьмидесяти лет. Моррван внёс другое предложение: пообщаться с теми, кто старше интересующего их возраста, чтобы понять, действует ли на них А-17 и если действует, то до какой степени. У него даже были идеи о том, как проверить степень воздействия, которые хоть и возмутили Эмри, но в итоге она вынуждена была согласиться с тем, что способ, придуманный им, достаточно надёжен.

Вот только им не удалось реализовать ни тот, ни другой план. Они заглядывали в квартиры и с удивлением обнаруживали, что людей в доме практически нет, при том что вид у всего достаточно жилой: в квартирах оказалось, пожалуй, даже слишком чисто с учётом ветхости обстановки. В холодильниках они нашли свежие продукты, а кое-где работала кухонная техника, видимо готовя что-то для ужина.

Дома они застали лишь молодую женщину со сломанной ногой, с благожелательным видом открывшую им дверь и пригласившую с ней пообедать, и мужчину, который дверь не открыл, сославшись на то, что подхватил какую-то инфекцию. Они не стали настаивать и продолжили вместо этого заглядывать в пустые квартиры. Со временем члены комитета стали замечать и ещё кое-что: порядок во всех посещённых ими комнатах был действительно уж слишком однообразным, квартиры напоминали казармы, построенные с претензией на уют, но от этого не выглядящие менее казёнными. Ровно заправленные кровати, ни пылинки. Эмри решила проверить и ещё одну гипотезу: она переписала содержимое нескольких холодильников и убедилась,

что оно не просто схоже, а совпадает на сто процентов.

Когда они вышли из третьего дома, уже стало понятно, что ничего интересного найти им тут не удастся.

— Видимо, мы были неправы, — заключила Сонцев, рассматривая абсолютно пустую детскую площадку перед домом. — Оружие действует на всех.

— А ты не торопишься с выводами? — Моррван сел на длинную металлическую скамью в тени, и спутницы последовали его примеру.

— Ну, если ты был достаточно наблюдателен, то мог примерно определить возраст людей, живущих в квартирах, — пояснила свою мысль Сонцев.

— Это каким же образом? Ты хочешь сказать, по возрасту ремонта?

— В первую очередь, — согласилась она, — и по предметам обихода.

— Ну, как по мне, возраст ремонта говорит только о том, сколько лет назад был сделан ремонт. Тем более в данном случае.

— Вас не удивляет, что так мало людей оказалось дома? — вклинилась в их разговор Эмри.

— Меня не очень, — ответил ей Моррван. — Для них всех наверняка нашлась какая-нибудь работа во благо сектора.

— Но ведь должны быть ещё дети, должны быть люди, которые не могут работать просто в силу возраста. Где они все? — Эмри встала со своего места и обошла скамейку кругом.

— Ну, Эм, ты лучше у Меженова об этом спроси. Вот я почему-то уверен: он думает, что люди должны работать, пока не умрут. Или работай, или умри. Во имя корпорации и всё такое, — Моррван, как показалось Эмри, в очередной раз посмотрел на неё с издёвкой.

Эмри очень не хотелось оставаться у него в долгу.

— И это ты час назад спрашивал меня, почему я его бросила? А ты как думаешь?

— Да я всегда думал, что ты просто стерва, — Моррван усмехнулся. — Если б за мной когда-нибудь кто-то так ухаживал, даже я бы задумался. Даже я.

— Затрудняюсь предположить: тебя умиляет нарушение прав человека вообще или применение информационного оружия в частности?

Моррван, которого забавлял этот обмен колкостями, вовсе не думал останавливаться.

— Ну ты же прекрасно понимаешь, о чём я, Эм. Ты же тут вроде местного божества. Легенды о твоих суперспособностях дошли даже до твоих жалких коллег по комитету. Заходи куда

хочешь, делай что хочешь, бери что хочешь. Тебе разве что в ноги никто ещё не падал, всё остальное мы уже видели. Ну скажи, разве это не мило?

Он видел, что Эмри начинает злиться, и это забавляло его ещё больше.

— Может, немного поработаем? — прервала их упражнения в остроумии Сонцев.

— А какие будут предложения? — спросил он. — Я бы предложил дождаться вечера, когда все будут возвращаться по домам, чтобы более точно оценить возрастной состав населения и там уже решать, что делать дальше.

— А до этого времени что нам делать? Или ты предлагаешь ничего не делать? — Сонцев смерила его недовольным взглядом.

— Можем пойти пообедать вместе, — сказал Моррван.

Но Сонцев его предложение не слишком понравилось.

— Вернуться в корпорацию? Ну, не знаю. Мне кажется, можно проинспектировать что-нибудь ещё.

— Да нет же, мы могли бы пообедать прямо здесь, в секторе, — он встал со скамейки и подал руку Сонцев. — Учитывая, в какой мы компании, думаю, нам окажут отличный приём. Всегда мечтал попробовать лучшие деликатесы Третьего сектора. В MJ всё-таки несколько специфичная кухня на мой вкус.

— Попробуешь какие-нибудь сушёные листья с овощами, — предупредила его Эмри. — У Третьего сектора много лет уже проблемы с продовольствием. Спасибо корпорациям и корпоративным войнам.

— Это мы как раз и посмотрим, — сказал он с неизменной ухмылкой, — да и по сектору прогуляемся.

Поскольку этот план устроил всех, они быстрым шагом направились в сторону старого города. Прогулку сложно было назвать приятной: в глаза летела пыль, а дорога из-под ног временами загадочно исчезала, сменяясь камнями и песком. На пути им не встретилось ни машин, ни людей, что казалось Эмри жутковатым и вызывало у неё странное предчувствие чего-то нехорошего. К счастью, идти было недалеко. Спустя двадцать минут на горизонте показались крепостные стены. И если их вид поражал воображение других членов комитета, Эмри он оставлял равнодушной: она-то знала, что большая часть стен возведена в конце прошлого века, а выглядят они настолько плохо разве что потому, что для их возведения, которое громко называлось тогда реконструкцией, использовались далеко не самые подходящие материалы. С тех пор, как корпорации окончательно переделили мир, никому и вовсе не было никакого дела до того, что происходило на территории секторов, вот и этот фальшивый

памятник старины тоже разрушился за последние пятьдесят лет так, будто и правда стоял тут с шестнадцатого века.

Ускорив шаг, они вышли на центральную площадь, на которой оказалось достаточно многолюдно: но все встреченные ими куда-то спешили. При том что шли все в разные стороны, никто ни в кого не врезался, и движение выглядело строго упорядоченным, пусть и происходящим по какой-то странной схеме. По мере их продвижения через площадь Моррвана всё больше веселило то, как все перед ними расступаются.

— На экскурсии нам таких фокусов не показывали, — всё ещё удивлённо прокомментировал явленное Эмри чудо он.

Сонцев тревожно вглядывалась в толпу, пытаясь заметить, есть ли среди пересекающих площадь люди пожилого возраста. Результат её неизменно не устраивал: она видела среди них мужчин и женщин явно старше сорока пяти, но что касается тех, кого можно было бы назвать пожилыми бескомпромиссно, таких она не замечала. И разумеется, ни ей, ни Моррвану, ни Эмри не удавалось на глаз определить возрастную пропорцию, поскольку потоки, сменявшие друг друга, в значительной степени состояли из людей близких возрастов, и наблюдение невозможно было считать показательным.

— Здесь есть какая-нибудь возвышенность, откуда можно было бы сделать съёмку? — спросила Сонцев, обращаясь к Эмри и по-прежнему не отрывая взгляда от толпы.

— Кажется, я знаю парочку, — ответила ей Эмри и указала рукой направление движения.

Они пересекли площадь и свернули на одну из узких улиц, достаточно отвесно поднимающуюся вверх для того, чтобы с неё открывался хороший вид на старый город.

— А что насчёт местных забегаловок? — спросил её Моррван. — Ну, чтоб было аутентично и…

Он не успел договорить. Слева и справа от них вдруг распахнулись окна первого этажа. Сонцев от неожиданности приложила руку к груди, Эмри отшатнулась назад, а Моррван просто резко затормозил.

— Руки вверх, вы задержаны, — сообщил им голос из-за одного из наставленных на них автоматов. Эмри отметила, что оружие выглядело ужасно старым.

Она машинально перевела приказ на английский, в чём, впрочем, не было никакой необходимости. Её коллеги и без того прекрасно поняли, чего от них хотят.

— Мы члены Комитета по этике, — громко заявила она, поднимая руки вверх, — наше задержание является международным преступлением.

В ответ на это Эмри услышала смех и ругательства с обеих сторон.

— Чего-чего вы там члены? Какой организации? — издевательски поинтересовались у неё справа.

— Где ж вы были до этого-то, родимые? — сквозь смех ответили ей слева.

Эмри тревожно оглянулась, и это оказалось очень своевременным: со стороны площади вылетел молодой парень, сбивший её с ног и бросившийся на один из автоматов.

— Хватит, не надо! — закричала она, опасаясь того, что их всех, и в том числе её, тут либо раздавят, либо случайно застрелят. Защитник отшатнулся и пошёл назад, словно ни в чём не бывало.

Она поднялась с земли, по-прежнему держа руки над головой, обернулась и увидела, что со стороны площади к ним движется целая толпа.

— Уходите! — закричала она ещё громче. — Я добровольно здесь нахожусь. Я пришла в сектор, чтобы встретиться с этими людьми.

— Мудрое решение, — один из мужчин в окне рассмеялся, — только ты всё равно арестована. А они, — он указал на спутников Эмри, — могут идти.

Эмри перевела им приказ. Моррван и Сонцев переглянулись.

— Я никуда не пойду, — громко возразил Моррван.

— Да как хочешь, — по-английски ответил ему всё тот же голос.

Сонцев ещё раз посмотрела на них обоих, кивнула и быстрым шагом пошла в сторону площади.

Когда переулок опустел, люди, целившиеся в них из окон, спрыгнули на землю. Их было всего четверо: трое мужчин и одна женщина. Поскольку они были в масках, точно определить их возраст было невозможно.

— Идите, — сказала женщина, обращаясь к Эмри и Моррвану, и подтолкнула их в противоположную сторону от площади.

Они прошли всего метров сто, пока их не втолкнули в ветхий двухэтажный дом, где их, несмотря на все протесты Эмри, обыскали, стащили по лестнице вниз в какой-то тёмный подвал и заперли, удалившись.

Моррван посмеялся, но прозвучал этот смех достаточно вымученно.

— Я тут вот что хочу сказать, Эм. В Третьем секторе постоянно встречаешься с чем-то новым. У меня, как бы тебе сказать, ну… культурный шок. Тебя вот никогда нигде не запирали?

Она тоже рассмеялась, и у неё это получилось куда более естественно, чем у него.

— О, меня запирали, — сказала она, щёлкнув найденным ею наконец доисторическим выключателем.

— Неужели Меженов?

— Ага, — ответила Эмри.

XXVI

Время в заточении шло медленнее, чем можно было предположить. Энтузиазм Моррвана расспрашивать Эмри про её отношения с Гением иссяк, и последние тридцать минут они провели в полном молчании. Эмри, которая весь день до этого мечтала, чтоб он отстал от неё с чересчур личными вопросами, теперь, как ни странно, была этим недовольна. Она слишком хорошо понимала, почему замолчал Моррван: он, конечно же, решил, что Эмри была ужасно эмоционально травмирована в этих отношениях, и пытался проявлять запоздалую тактичность.

И её это оскорбляло. Сидя в сыром подвале без представления о том, когда их оттуда выпустят, она злилась вовсе не из-за этого, а из-за того, что Моррван, как и другие, никогда на самом деле не относился к ней как к нормальному эксперту комитета. Из-за изъянов в биографии на неё смотрели как на человека, который незаслуженно получил своё место. И вот теперь Эмри мучилась от злости, пытаясь понять, в чём заключается разница между тем, чтобы подтрунивать над её несуществующими чувствами к главе Третьего сектора, и тем, чтобы шутить по поводу его жестокого обращения с ней. Первое казалось ей даже более неприятным, потому что само допущение, пусть и выраженное в несерьёзной форме, о том, что у неё могут быть какие-то чувства к Гению, полностью дискредитировало её как члена комитета. Она старалась не подавать вида, но шутки на этот счёт её действительно задевали. И уж надо представлять, насколько её задело то, что сказал ей в их последнюю встречу Эс. Он как будто специально выбрал из своего арсенала оскорблений всё, что делало ей больно: обвинения в равнодушии к детям, подозрения во лжи и предательстве ради карьеры, — наконец, упрёк в том, что она до сих пор любит Гения. Эмри подумала, что сама формулировка «до сих пор», случайным образом пришедшая ей в голову, была ей отвратительна: она никогда не любила его. Этого просто не могло быть, потому что никогда не могло быть.

Она была экспертом комитета, была, если угодно, лучшим шпионом комитета. Она всегда была гораздо большим профессионалом своего дела, чем Моррван, и, уж конечно, чем Эс, которого, несмотря на шесть лет, проведённых им в секторе, блестящее знание языка и лучшее в мире техническое образование, её бывший муж без труда обвёл вокруг пальца. Эс был слишком уверен в том, что держит всё под контролем, и эта уверенность его и сгубила. Эмри же была подвержена противоположной крайности: она не любила контролировать и

принимать тяжёлые решения. Вот это и было главной причиной, по которой она так тяжело восприняла падение Эс и подозрения в нечистоплотности Роулса. Это они всегда знали, что делать. Она не знала, но искренне верила в то, что может на них положиться.

Вот что было для неё тяжело. Это заставляло её страдать. А то, что произошло между ней и Гением восемнадцать с лишним лет назад, нет. И когда Эмри, обманом вывезенная из сектора Роулсом, по его настойчивой просьбе встретилась с комитетским психологом, на лице её была улыбка. И когда ей пришлось рассказывать обо всём этом, в некоторые моменты она едва удерживалась от того, чтобы начать смеяться. Удерживало Эмри лишь то, что никакого доверия к психологии и уж особенно комитетским психологам у неё не было, и она опасалась, что её вполне здоровый смех над ситуацией может быть расценён как признак психологической травмы или ещё бог весть каких отклонений.

Эмри скрывала это, как могла, но она испытывала даже своего рода удовольствие, рассказывая о деталях произошедшего. Она смотрела на учтивое бледное лицо молодой женщины перед ней и поражалась тому, насколько серьёзно та воспринимает всё, что Эмри говорит ей с самой ровной, самой выхолощенной своей интонацией.

Вот она делает глоток из маленькой чашки, оставив на ней широкий бордово-коричневый отпечаток губ. Вместе с тем Эмри делает вид, что думает над вопросом. На самом деле она вспоминает себя раздетой и лежащей на кровати в собственной комнате в окружении десятка зеркал. Её глаза широко раскрыты, её руки обнимают талию. Несколько минут назад он пообещал никогда её отсюда не выпускать (ха). Вовсе незачем было давать невыполнимые обещания. Это его обещание было практически так же жалко, как и его рыдания за закрытой дверью. Нет, второе было всё-таки более жалко.

«Да, — наконец отвечает она, делая ещё один маленький глоток, — это был фиктивный брак. Я собирала информацию для комитета. И сам бы он об этом не догадался, если бы его начальник не узнал, что я периодически бываю в техническом отделе, и не сложил два и два».

«Конечно я помню, что именно он сказал, — Эмри ставит чашку на столик справа от себя и потягивается, пытаясь более удобно устроиться в кресле. — Он сказал: «Так ты считаешь всех, кто имеет отношение к корпорации, преступниками? А что ты скажешь обо мне?» Она довольно удачно передразнила его тон.

«Что ещё? Ну, он пообещал сделать так, чтоб у меня были хоть какие-то реальные причины его ненавидеть».

Эмри не может удержаться от улыбки. Это она была жертвой? Ей не было никакой нужды ему мстить, он сам сделал себе настолько плохо, что ей пришлось бы очень постараться, чтобы повторить его успех.

«Что я испытывала? — задумчиво переспрашивает она. — Ну, мне было больно. Страшно было в самом начале, когда я думала, что он хочет меня убить. Потом уже нет».

«А, мои чувства? — Эмри молчит и смотрит на маленькие руки женщины напротив. — Удивление, пожалуй. Я была удивлена».

Она хотела сказать и про отвращение, но передумала, поскольку эта линия могла привести к нежелательным для неё вопросам. Но именно с этим чувством она вспоминала: он умоляет её остаться, он пишет ей каждые пять минут, пока она не блокирует его. И (она очень живо себе это представляла) когда ему в руки легло бумажное письмо от неё, как он, должно быть, надеялся обнаружить там хоть что-то, говорящее о прощении. Она скачала и распечатала самое шаблонное и бездушное письмо, какое только смогла отыскать, и положила его в конверт, даже не подписав. Она объявила о том, что расторгает свой брак с ним. Эмри понимала, что это было абсолютнейшей блажью, ей совсем не обязательно было вообще что-либо ему писать, у неё были совершенно новые документы и совершенно новая жизнь. Но всё же она не удержалась.

Ей вовсе не хотелось объяснять сидящей напротив женщине, почему, получив ответное письмо, она не выбросила его, а внимательно прочитала. Это было не её дело. Это было вообще ничьё дело, кроме самой Эмри. Глаз спотыкался, цепляясь за корявые, нелепые, откровенно истерические обвинения в адрес корпораций, комитета и чуть ли не злого рока в том, что между ними произошло, перемешанные с признаниями в любви и подспудными обвинениями её самой не то в испорченности, не то в нечестности, но Эмри читала весь этот бред до самого конца.

Так, одно за другим, он отправит ей ещё восемь писем, пока не отчается получить от неё хоть строчку в ответ.

Их отношения закончились предсказуемо, так, как только и могли закончиться такого рода отношения. Финал истории был, увы, с самого начала известен всем, кроме её участников: Шэда и правда знала лучше, к чему может привести связь с сотрудником корпорации. Принадлежность к MJ была клеймом, и только Эмри в своей слепоте не замечала того, что Гений ничем, кроме неуверенности в себе, не отличается от других сотрудников корпорации. Он точно так же ощущал свою безнаказанность, он точно так же подозревал её в корыстных мотивах, как любой

другой в MJ, с кем бы ей могло не посчастливиться вступить в брак. Все её взгляды, всё её вызывающее поведение свидетельствовали теперь против неё, и Гений готов был верить кому угодно, только не ей.

Он просил о прощении, но тут было нечего прощать. Он был уверен, что нанёс ей непоправимое оскорбление и что она теперь переживает из-за того, что он и так давно мог с ней сделать. Отказала бы она ему? Эмри вовсе не была в этом уверена ни тогда, ни сейчас. Но Гений не слишком хорошо её понимал, и поэтому невольно переносил собственные чувства на неё: а он-то, конечно, страдал, испытывая крайнюю степень стыда за потерю самообладания и угрызения совести за то, что, как ему казалось, сделал ей больно.

Но разве в этом было дело? Тут нечего было прощать, потому что произошедшее практически никак не отразилось на Эмри. Гению было далеко до её психической устойчивости, кому угодно было до неё далеко. Эта её устойчивость была настолько выдающейся, что Эмри порой считала нужной скрывать её от окружающих, в том числе и от комитетского психолога, с которым ей пришлось общаться перед приёмом на работу.

Тут нечего было прощать, потому что это глупое и жалкое проявление бессилия с его стороны, ничего не сломав в Эмри, перечеркнуло всякую возможность продолжения отношений. Эмри даже не очень понимала, как он представляет себе её возвращение: он больше не верил ей, считая, что Эмри не просто его обманывала — она его предала. Гений в этом не разуверился, что было очевидно по его письмам. Впрочем, как бы он мог в этом разувериться? Она, не имея другого выбора, отомстила ему, сделав его обвинения в предательстве справедливыми. Что ж, если бы она могла попасть в комитет, не передавая никаких известных ей секретов, она бы и мстить не стала, настолько ровно она воспринимала произошедшее.

Этот срыв масок был, пожалуй, самым отрезвляющим, что когда-либо случалось с Эмри: в тот день она поняла, что мир, отношения, мотивы поступков гораздо прозаичнее, проще, чем ей прежде представлялось. За любым благородством и бескорыстием всегда стоит что-то ещё, и, конечно, все эти мнимые чувства, безразличные к разности взглядов и социального положения, которые она вообразила себе, — не более чем иллюзия. Эмри вдруг впервые со всей ясностью поняла, что Гений — не тот зажатый и потерянный мальчик, каким она видела его прежде, он — в первую очередь представитель корпорации, приёмный сын одиозного Мелджена, он, наконец, мужчина, — чьё самолюбие она так долго и старательно уязвляла. И с той же ясностью Эмри

поняла, кто она: не жена Гения, не одна из многих женщин, так рвущихся в пределы внешнего города, и, уж само собой, не жертва насилия. Всё, что было в ней настоящего, неотделимого от неё, заключалось в её убеждениях.

— Мне иногда кажется, — оторвал её от мыслей гуляющий по подвалу туда-сюда Моррван, — что тебе совсем жить надоело. Скажи мне, какого чёрта мы вообще сюда полезли?

— Мы же хотели узнать, что не так в Третьем секторе, — ну, вот и узнаем, — Эмри, сидящая на груде каких-то кирпичей и досок, пожала плечами.

— А ты не думаешь, что нас тут застрелят и тут же и закопают? И я не понимаю, почему ты сразу не связалась с Меженовым, когда всё это произошло.

— Да что ты так волнуешься? Если б нас хотели убить, сразу же и убили бы. Но это было бы самым глупым, что с нами вообще можно сделать.

— Да кто его знает, — Моррван перестал нарезать круги и остановился рядом с ней, — что у них на уме. Положение у них, думаю, не очень.

— Тем более, — она подвинулась, приглашая его сесть рядом. — Комитет по этике создан, чтобы защищать права человека. Эти люди в отчаянно плохом положении, и мы должны понять, как им можно помочь. Это наша обязанность и весь смысл существования комитета.

— Знаешь, Эм, вряд ли кому-то станет лучше, если комитет так бездарно лишится сразу двоих из тринадцати членов. Хочу сказать, что ты просто отмороженная.

— Спорим, мы вернёмся в корпорацию сегодня до восьми вечера? — она протянула ему руку, предлагая заключить пари.

В этот момент люк наверху открылся и их окликнули.

Преодолев шаткую деревянную лестницу, они вновь оказались на первом этаже. Там и на этот раз не оказалось почти ничего примечательного: всё та же многослойная пыль, длинный стол с треснувшей столешницей и несколько разномастных стульев. Правда, теперь в доме было настолько много людей, что казалось, ветхая деревянная постройка обрушится, если хоть кто-то из них сделает неосторожное движение, заденет стену или неудачно наступит на одну из досок пола.

Не дожидаясь специального приглашения, Эмри и Моррван сели за стол.

— Снимите маску, пожалуйста, — попросила Эмри у мужчины, оказавшегося за столом напротив неё, который, судя по всему, и собирался с ними разговаривать.

Но он не торопился выполнить её просьбу. Как ни странно,

Эмри почувствовала себя даже уютно оттого, что кто-то наконец отказывался её слушаться. Она уже отвыкла от этого чувства.

— Вы же понимаете, что в этом нет никакого практического смысла, — продолжила она. — Корпорации не нужны ваши лица, чтобы вас идентифицировать. Если вы скрываете свои лица от нас, это тоже совершенно бессмысленно, потому что мы пришли помочь вам. Мы хотим знать, с кем говорим.

Присутствующие по-прежнему молчали. Спустя несколько секунд сидящий напротив них снял маску. Его примеру последовали и все остальные.

— Моё имя Кирилл Самойлов, — представился он.

На вид ему было лет около пятидесяти, у него были слегка заострённые черты лица, смуглая кожа и короткая квадратная борода, которая, в отличие от тёмных волос на голове, была практически седой.

— Я командовал одной из ячеек организации освобождения Третьего сектора, — сообщил он с горечью в голосе, затем обвёл собравшихся рукой, — и это всё, что осталось от нашей организации, наших людей. Семьдесят пять человек. А было нас только в западной части сектора двадцать тысяч.

— Очень приятно, — ответила ему Эмри, — вы, наверно, уже знаете, что мы — члены Комитета по этике. Наши имена…

Он не дал ей договорить.

— Нет никакого Комитета по этике. Мы не признаём эту организацию, как никогда не признаем право корпорации на наши территории. Мы не признаём комитет, поскольку он был создан корпорациями для защиты собственных интересов.

— Ну и замечательно, — менее уверенно ответила ему Эмри. — Вы не могли бы, пожалуйста, говорить по-английски, чтобы мой коллега тоже мог участвовать в разговоре?

Кирилл усмехнулся.

— Я мог бы, но не буду. Должны же у нас оставаться хоть какие-то принципы. А на твоём месте, принцесса, я бы вообще из корпорации носа не высовывал. А ты явилась в сектор со своими фокусами. Очень неосмотрительно. Ну, кому-то придётся за это заплатить.

Он и другие, стоящие прямо за его спиной, расхохотались.

— Послушайте, Кирилл, — сказала Эмри уже более жёстко, — я не знаю, что вы там навыдумывали себе про меня, но я пришла сюда, чтобы помочь вам. Вы серьёзно думаете, что я пошла с вашими людьми не по своей воле? Правда, да? В таком случае вы просто глупы. И несмотря на то, что со мной и моим другом не слишком хорошо обошлись, я всё ещё намерена вам помочь.

— Единственное, чем ты можешь нам помочь, дорогуша, это стать предметом торга с руководством корпорации.

Эмри глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, но результат этого оказался противоположным.

— Я вот что вам скажу, Кирилл: вы просто кретин, — сказала она, окончательно выйдя из себя, — это же надо было ещё догадаться собрать всех, как вы говорите, своих людей в одном сарае. Я не удивлена, что с таким бездарным командованием ваша организация распалась. Но я вам ещё раз говорю, хоть вы меня и не слышите: я могу решить все ваши проблемы. Более того, я хочу это сделать, но я хочу понимать, что происходит в секторе. Почему оружие действует не на всех и где все те, на кого оно не действует?

— Да честно, — Кирилл растерянно почесал затылок, — я без понятия, на кого оно не действует. Ну, так, сама можешь посмотреть, — он вновь обвёл рукой собравшихся, — слишком молодых у нас не осталось. Никого не осталось, хотя по большей части все были младше меня и в моём отряде, и в других. Но и сильно старше семидесяти у нас тоже никого нет, просто потому что мы всё-таки организация освобождения, а не клуб по вязанию варежек. Ну, и это, могу ещё вот что сказать: на многих моих ровесников оружие отлично действует, так что… Не знаю я, короче.

— Не хотите же вы сказать, что это — все люди в секторе, на которых оружие не действует? И все они совершенно случайно состояли в организации освобождения?

Она искоса бросила взгляд на Моррвана, который, видимо, усиленно переводил. По крайней мере вид у него был сосредоточенный.

— А, конечно, нет, — Кирилл замолчал, и в доме стало подозрительно тихо, — но если вы и правда из Комитета по этике, уж про наши образцовые концлагеря вы не можете не знать.

— Про ваши что? — Эмри готова была поклясться, что она ослышалась.

— Ну, когда всё это началось, в первый день было много всяких несчастных случаев. А потом всё население, не подверженное действию оружия, собрали в этих… как они их называют?

— Кластеры, — подсказала ему женщина, стоявшая за его спиной.

— Ну да, как-то так.

— И извините… О каких масштабах идёт речь?

Кирилл пожал плечами.

— Про это вам лучше узнать в корпорации. Но это много, очень много людей. Только в окрестностях этих кластеров минимум пять. А дальше на восток, где организация всегда была слабее, там у нас вообще никого не осталось. И мы не знаем.

— Так погодите, и что же? Что там происходит, в этих кластерах?

— Да мы как-то не очень хотим проверить на себе, — Кирилл вновь мрачно усмехнулся, — но выходят оттуда исключительно зомби.

Эмри не знала, что и сказать на это. Ей было стыдно за то, что эта новость застигла её врасплох. Она, конечно, должна, просто обязана была догадываться, ведь это самый логичный способ изолировать одних людей от других. Теперь она испытывала жгучее чувство собственной некомпетентности, и ей, как никогда прежде, захотелось тотчас же сложить с себя все полномочия, которыми её так щедро наделил комитет. Да, она считала Гения лицемером и вообще не очень хорошим человеком, и всё же его манера поведения в её отношении заставила её потерять бдительность.

— А теперь послушайте меня, — сказала Эмри, и голос её прозвучал более низко, чем обычно, — если вы сделаете всё, как я скажу, уже к вечеру от А-17 ничего не останется.

— Да ну, — недоверчиво и даже презрительно бросил Кирилл, — а гарантии?

Эмри скрестила руки на груди и слегка отодвинулась от стола.

— А гарантий не будет. Я просто приглашаю вас совершить маленькое путешествие в дебри корпорации.

Он пристально посмотрел на неё, и Эмри подумала, что никогда ещё ни в чьих глазах она не видела такого недоверия.

XXVII

— Я не понимаю, чего вообще вы тогда хотите, раз мой план вас не устраивает.

Теперь уже Эмри ходила по скрипящему полу, заложив руки в карманы форменных защитного цвета штанов. Периодически она останавливалась, бросая взгляд на старую карту корпорации, которую час назад перетащила со своей внешней памяти на одну из тоже не слишком новых электронных досок, имевшихся в распоряжении организации освобождения. Моррван с любопытством приближал и отдалял разные сооружения, будто это имело какой-то смысл, Самойлов просто сидел с недовольным видом, не интересуясь, по всей видимости, ни картой, ни многословным изложением плана действий в исполнении Эмри.

— Это слишком рискованно, нас осталось слишком мало для этого, — сказал он на плохом английском, после чего резонно добавил: — Нужен другой план.

Эмри всплеснула руками.

— Нет, вы только себя послушайте, вы и правда хотите план, в котором не было бы ну совсем-совсем никакого риска? Чтоб мы мирно потрепались с руководством корпорации и они бы сразу сдались и отключили оружие? Может, и стены уговорим снести заодно?

— Кирилл прав, — Моррван прекратил мучить карту и встретился взглядом с Эмри, — есть риск, а есть безумие чистой воды. Даже предложение «мирно потрепаться» мне нравится больше, чем твой план. Я уж не знаю, что у вас там с Меженовым, но вдруг он тебя послушает. Ты ведь получила тот допуск для инспекции…

Эмри закатила глаза.

— Мор, я в последний раз тебе говорю: прекрати думать, что он в меня влюблён. Он же просто больной на всю голову. А-17 — его любимая игрушка; ты считаешь, он откажется от неё, чтоб меня порадовать? Ну да. Кроме того, он, конечно, не может не понимать, что как только не станет оружия, то и я не премину воспользоваться шансом и сбежать так быстро, как только смогу. И неужели не ясно, что я только потому наслаждаюсь ещё свободой воли, что и так делаю всё, чего он хочет? Надеюсь, я доходчиво объяснила, почему моя просьба не поможет, а скорее всего, она вообще заставит его задуматься о моей лояльности, и тогда прощай, моя любимая свобода, ты была мне так дорога.

— И тем не менее нет, — Кирилл в очередной раз отрицательно покачал головой. — Если хотя бы одна часть плана

сорвётся, — а что-то уж наверняка пойдёт не так, как мы запланировали, — то мы ничего этим не добьёмся, а от организации не останется и мокрого места. Мы, получается, сами добровольно придём в корпорацию, останется только закрыть все выходы и выловить нас. Это уж задачка попроще, чем найти нас в секторе.

— Ну а что вы предлагаете? Поменять меня на отключение А-17? Вы сами разве не видите, как это смешно? — Эмри, утомлённая бессмысленным хождением, вновь села на свой стул. — Ну, предположим, вы выдвигаете требование. Даже если базу данных уничтожат при вас… Ну, хорошо. Они копируют базу данных, отключают оружие, вы возвращаете меня, что дальше? Если вы будете иметь глупость отправиться в сектор с целью удостовериться, что договорённости соблюдены, после этого вас задержат, поверьте мне. И даже если, предположим, вы скроетесь… Короче, как вы сможете убедиться, что А-17 уничтожено?

— Знаешь, что мне больше всего не нравится в твоём плане, Эм? — прервал повисшее вдруг молчание Моррван. — Я уже даже привык к тому, что ты постоянно придумываешь новые и новые способы самоубийства, ладно. И я даже не хочу сказать, что сам хочу ещё хоть немного пожить, это тоже, наверно, очевидно. Ну нет, больше всего мне не нравится то, что этот твой план основан на данных, которым сколько? Лет двадцать, наверно, не меньше?

— Я же объяснила, почему считаю, что ничего с тех пор не изменилось. И я не просто так это сказала. Да, я могу ошибаться, но вероятность этого не так велика, как вам кажется. К тому же, если мы сможем отключить центральный блок, управляющий системой, это уже даст нам какую-то отсрочку. Начнётся хаос. И уж хотя бы местоположение центрального блока мне известно точно. Потом найдём и остальные копии баз данных, если в этом смысле что-то изменилось, было бы время.

— Но взять и войти в корпорацию — просто невообразимая наглость. А охрана? Нас тут же перестреляют или закроют где-нибудь, — хмуро возразил Самойлов, но Эмри радовали его возражения: само обсуждение её плана дало ей понять, что его согласие — лишь вопрос времени.

— Охрана корпорации под А-17. Не знаю, вся ли, но с интересующей нас стороны точно, — она приблизила карту, словно на ней можно было разглядеть охранников, — если мы всё сделаем быстро, никто нам и слова не скажет и тревогу поднять никто не успеет. И чем меньше нас будет при этом, тем меньше внимания мы привлечём. Как я уже сказала, за десять минут мы должны успеть преодолеть расстояние от восточного края

внешнего города до зданий технических отделов, что вполне реально, если у вас есть достаточно быстрые машины. Ещё примерно минут десять я потрачу на обесточивание ваших корпусов, чтобы не возникло проблем с дверями, и на путь до моей точки назначения.

— Ну, предположим, — в первый раз осторожно согласился с ней Моррван, — предположим даже, что мы успеем и сможем попасть внутрь… Но как мы уничтожим жёсткие диски? Очень сомневаюсь, что нам удастся сделать это быстро.

— А, вот что вас беспокоит, — Эмри прищурилась. — Ну что ж, подумайте об этом так: ваша основная задача — не уничтожить данные, а вытащить диски, и если вам это удастся, у вас наверняка будет время и на то, чтобы их уничтожить.

Самойлов посмотрел на неё с прежним недоверием, но голос у него был заинтересованный.

— Но что конкретно? Кислота? Взрывчатка? Я думаю, мы должны договориться об этом на берегу, — сказал он.

— Конечно нет, забудьте, — Эмри даже улыбнулась его глупым предложениям, — мы договоримся о месте общего сбора, и там вас будет ждать Сонцев. У комитета есть устройства для уничтожения данных. До этого можете попробовать чем-нибудь повредить диски: например, из автомата расстреляйте, чтобы их невозможно было вернуть на место сразу же, если вдруг вас перехватят.

— И всё равно мне не нравится этот план, — резюмировал Моррван. — Ты сама-то пробовала разобрать корпус этой гм… машины, из которой нам надо извлечь жёсткий диск? Да и к тому же, он наверняка просто огромный, учитывая количество данных, которое на него записано.

— О, конечно, я пробовала, — сказала Эмри, и по лицу её вновь проскользнула тень улыбки, будто она вспомнила что-то приятное. — Если вы обратили внимание на логику расположения комнат с резервными копиями, одна из них находится рядом с кабинетом главы корпорации, другая, — м, честно говоря, не знаю, рядом с чем, но там установлено точно такое же устройство. Вы не догадываетесь, зачем они нужны?

— Вот оно что, — Моррван посмотрел на неё так, как будто впервые её услышал. — Ты хочешь сказать, это придумано специально, чтобы можно было в случае форс-мажора скрыться с данными?

— Бинго, — Эмри слегка ударила ладонью по столу. — Одним из людей, имеющих возможность, как ты говоришь, скрыться с данными и где-нибудь пересидеть тяжёлые времена, был Мелджен, кто второй — не знаю, но он, конечно, должен

быть. Может быть, это Гений, но я так не думаю. Слишком далеко от его отдела. Вытащить диски — дело нескольких минут. Я всё объясню. И как вы, наверно, уже догадались, они большие, но не настолько, чтоб их нельзя было унести в одиночку.

— Хорошо, — задумчиво сказал Моррван, — но всё равно в твоём плане осталась очень серьёзная брешь: где в это время должны быть все сотрудники? На них-то ведь А-17 не действует. И главное: где в это время будут Меженов и Роулс? Они уж точно не обрадуются нашему маленькому заговору.

— А не знаю, — честно призналась Эмри, — вот я и не понимаю, чего вы от меня хотите. Программы действий, в которой всё понятно, а успех гарантирован? В ваших точках назначения часов в восемь вечера должно быть уже пусто. В моей… ну, едва ли меня кто-то остановит. Я уже попросила Сонцев разузнать про планы Роулса, ну а что касается планов на вечер Гения, — она усмехнулась, — это я спрошу прямо сейчас.

— Эмри, — Самойлов посмотрел на неё со всей возможной серьёзностью, — какова вероятность… успеха?

Она тяжело вздохнула.

— Скажу так: незначительно больше пятидесяти процентов. Но все прочие варианты ещё хуже. Это, разумеется, если под успехом вы подразумеваете вариант с уничтожением оружия и выживанием всех участников… заговора. Но это всего лишь моя оценка.

— В таком случае мы обязаны рискнуть, — наконец согласился Самойлов. — Нам нужно обсудить какие-то ещё детали?

— Пока нет, — ответила Эмри.

Он встал с места.

— Ээ… ну вы извините, что пришлось держать вас в подвале, — сказал он уже по-русски.

— Не стоит извинений, — со сдержанной улыбкой ответила она, про себя подумав, что ждала их раньше.

Самойлов вышел, пообещав, что будет беседовать с кем-то из организации снаружи. На некоторое время воцарилось молчание.

— Ты же понимаешь, — заговорил наконец Моррван, — что если наш план провалится, даже если мы выживем, нашей карьере конец?

— Только хотела спросить это у тебя, — Эмри поставила локти на стол и запустила пальцы в волосы, прижав ладони к вискам. Моррван поймал себя на мысли о том, что в этот момент у неё было даже более обречённо-безразличное выражение лица, чем то, что можно было наблюдать в последние дни.

— У меня хотя бы детей нет, — заметил он, — а что будет с

твоими, если ты не вернёшься из сектора, Эм? Это не моё дело, но, Эм, — он сказал это тише, как будто опасался, что кто-то может их подслушивать, что кому-то есть до них дело, — раз уж мы рискуем всем, что у нас есть, я хочу спросить, почему ты… Почему ты не помогла Эс выбраться из сектора? Ведь вы…

Она не дала ему договорить.

— *Мы так любили друг друга? Ты это хотел сказать?* — её голос прозвучал так холодно, что Моррвана это испугало, и он даже слегка подался назад.

Он словно впервые открыл глаза. Нет, перед ним была не давно знакомая ему Эмри, жена его старого друга, обожавшая принимать у себя гостей, совсем не та Эмри, которая с умилительной педантичностью выбирала книги для чтения своим дочерям, вечно страдала от каких-то только ей заметных признаков её несуществующей старости и очень смешно злилась, когда он подкалывал её на этот счёт. Он видел в ней что-то новое, и это новое внушало ему страх. Ему подумалось вдруг, что она в эту самую минуту, должно быть, находится под действием А-17, и Меженов или кто-то ещё, управляющий оружием, просто издевается над ним и Самойловым, предлагая совершенно убийственный для них план. И как только эта простая мысль пришла ему в голову, он уже никак не мог от неё отделаться, хотя смысла в таком сложном введении себя в заблуждение не видел никакого. Но уж слишком мало сидящая перед ним женщина напоминала ему Эмри.

— Ты хочешь знать, почему он меня предал? Почему он подверг опасности жизнь нашей дочери, пытаясь шантажировать меня с её помощью? А я не знаю, Мор, — холодная нотка в её голосе дрогнула, и ему на мгновение показалось, что Эмри, такая знакомая и понятная ему, просто очень огорчена, — ну правда не знаю. Честное слово. Наверно, потому что люди вообще по самой сути своей отвратительны.

Иллюзия рассыпалась. Перед ним был совершенно незнакомый ему человек. Человек, которому он, несмотря на всё, доверит свою судьбу.

XXVIII

Ужин, накрытый в лучшем из переговорных залов корпорации, отличался разнообразием блюд, а также отсутствием цитрусов и крепкого алкоголя. Из всех залов Гений всегда предпочитал именно его, поскольку из окон здесь открывался лучший вид на центральную площадь корпорации, мрачное очарование которой лучше всего можно было оценить как раз в сумерках. Чёрный мрамор, покрывавший все поверхности площади MJ, выглядел так строго и торжественно, что Гений, глядя на площадь сверху, и сам начинал верить в то, что это он теперь глава MJ, что это не ночной кошмар, а самое реальное, что с ним когда-либо происходило.

— Я знал, что мы найдём общий язык, — Роулс поднял бокал и улыбнулся Гению.

Гений сделал то же самое. По случаю совместного ужина он даже надел новый костюм и даже перестал чувствовать себя в нём так, как будто украл его.

— Да, всё это замечательно, — согласился он, — но, я полагаю, мы должны ещё обсудить некоторые детали.

— Что-то не так с A-17? — участливо поинтересовался Роулс.

— Я хотел бы сказать, что на данный момент мне удалось решить большую часть задачи, — уклончиво ответил Гений, — но я боюсь, что увеличить радиус поражения оружия до ста процентов едва ли возможно. Да, при нынешней настройке это уже практически девяносто процентов, а не семьдесят три, как было в самом начале, но это, я думаю, всё, чего возможно достичь.

Роулс внимательно дослушал переводчика, доел свой кусок стейка и вытер губы салфеткой.

— Я должен сказать, что это выдающийся результат. Ничего лучшего нельзя было и желать. Знаете, мне представляли вас как безумца, а я приятно удивлён тому, что вы выслушали все мои соображения и сочли их разумными, несмотря на то, что у вас, конечно, есть все причины меня ненавидеть.

— Я не способен ненавидеть, — Гений сделал небольшую паузу, — но если б был способен, то да, я бы вас ненавидел. И всё же я не могу не признать, что вы оказались правы во всём.

Гений с самым светским видом отставил бокал в сторону и встал из-за стола.

— Извините, я вынужден прервать наш ужин, — сказал он с улыбкой. — Возникла маленькая неприятность в отделе. Увидимся завтра утром.

Роулс с удивлением посмотрел на него, но обычного своего самообладания не утратил, попрощавшись и продолжив ужинать, словно не произошло ничего странного.

XXIX

Джил проводила очередной скучный вечер в одном из баров гастрономического квартала. В отличие от Гения личная жизнь у неё не клеилась, все потенциальные партнёры от неё попрятались, и у Джил было смутное подозрение, что это всё оттого, какая незавидная участь постигла Эс. К тому же вполне возможно, что на её привлекательность для противоположного пола как-то повлияла бдительная охрана, со всех сторон обступившая её стол. Да и вообще Джил, несмотря на неприязнь к отцу, начала понимать его маниакальную подозрительность в отношении вешавшихся на него женщин. Она, как без пяти минут новый глава Третьего сектора, чувствовала примерно то же самое: недоверие ко всем своим, даже старым, поклонникам. Но несмотря на это, несмотря на то, что свежа ещё была в её памяти история с Эс, она морально не готова была проводить вечера в доме, который при всём своём продуманном дизайне гораздо больше напоминал ей бомбоубежище, чем жилое помещение. Да, её отец понимал выражение «мой дом — моя крепость» слишком буквально.

Но пока Джил, в лучших своих бриллиантах и со сложной причёской, изо всех сил старалась делать вид, что отдыхает, нехорошее предчувствие, преследовавшее её с самого утра, всё никак её не покидало. Больше всего Джил раздражало то, что, несмотря на освобождение Гением его отдела в полном составе, он совершенно не находил времени на нормальную встречу с ней. Она ожидала от него хоть какой-то реакции на содержимое внешней памяти Эс, ожидала, что он займётся расшифровкой того фрагмента, который не удалось вскрыть её специалистам, но он то ли абсолютно не торопился этим заняться, то ли (что было гораздо хуже) что-то от неё скрывал. Когда ей удалось застать его утром в отделе, их разговор свёлся к решению назначить первое совещание совета, принимающего на себя управление MJ, на один из следующих дней. Гений так спешил от неё отделаться, что это просто не могло не внушать подозрений.

Что ж, предчувствие Джил не подводило, хотя, конечно, оно и не простиралось настолько далеко, чтоб отразить всю печальную действительность ситуации, в которой она находилась. В те самые минуты, когда Джил пила вино, задумчиво разглядывая чёрную площадь, залитую светом сотен прожекторов, против неё и против благополучия её корпорации плелись сразу два параллельных заговора, ни одному из которых она в тот момент при всём желании уже не смогла бы помешать.

В этот самый момент в доброй половине зданий корпорации погас свет, а Эмри рассмеялась тому, насколько она перестаралась. Вот только Джил не могла всего этого заметить, поскольку с первого этажа ей была видна лишь главная площадь.

Зато это тут же заметил Роулс, ужинавший с другой стороны площади, правда, на высоте третьего этажа. «Неприятности в отделе? — подумал он. — Вот вам и неприятности».

Он почувствовал себя крайне неуютно, потому что Гений, покинувший его пять минут назад, явно догадывался о том, что происходит, но не счёл нужным поставить его в известность. Он почувствовал себя ещё более неуютно оттого, что не мог выйти на связь с большей частью членов комитета, находившихся в секторе. У него было слишком мало времени на принятие верного решения. Но (это знали все) Роулс, во-первых, никогда не ошибался и, во-вторых, всегда имел план Б. Так что если что-то и могло вывести его из привычного расположения духа, то уж точно не маленький и крайне непродуманный корпоративный переворот в исполнении Эмри и товарищей.

Роулс просидел ещё ровно четыре минуты, ожидая сообщений и звонков от коллег или Гения, и, когда никто из них так ему и не ответил, спокойно встал со своего места и в полном одиночестве проследовал к лестнице, которая спускалась на одну из мелких улочек, выходящих на центральную площадь. И уже отойдя от лестницы на приличное расстояние, он в полной мере оценил свою проницательность, боковым зрением заметив группу вооружённых людей, судя по всему разыскивающих вход в только что покинутый им зал.

Что ж, помогать им было вовсе не в его планах. Если до этого момента у него вообще было некоторое сомнение относительно этих самых планов, то тут всё окончательно встало на свои места.

В этот же самый момент Моррван, сам не верящий в то, что всё прошло успешно, вырвал жёсткий диск с копией А-17 из разобранного устройства и бросил на пол, приготовившись в него стрелять. С ним были ещё двое из организации освобождения, но даже это оказалось излишней мерой предосторожности. Эмри блестяще всё спланировала.

И в этот же самый момент Самойлов и двое его ближайших подчинённых, распугивая предусмотрительно опускающихся на пол и разбегающихся в разные стороны сотрудников, также практически добрались до точки назначения, обозначенной на карте. Двери были открыты, и препятствием к выполнению плана стало лишь то, что они все, несмотря на подробные объяснения Эмри, были не вполне уверены в том, как разбирать устройство. Но поскольку само оно оказалось не слишком большим, они

просто вырвали его из креплений, планируя забрать с собой.

Эмри почти добралась до здания технического отдела. Несмотря на то, как активно она подбадривала своих сообщников, сама успокоиться и поверить в успех плана она так и не могла. И хотя Эмри прекрасно понимала, что Гений проницателен лишь в неразрывной связи с А-17, а сейчас он должен ужинать с Роулсом и, уж конечно, никак не должен успеть добраться в отдел быстрее неё, ей всё равно было страшно. Да, она делала именно то, что должна была делать в сложившихся обстоятельствах, но Моррван заблуждался в её отношении: Эмри была отнюдь не лишена страха. И всё же Эмри не просто рисковала собой, она рисковала жизнями других членов комитета и остатками организации освобождения, потому что другого выхода у неё не было. У неё в голове уже были контуры плана Роулса, который он так старательно от них скрывал, и этот план внушал Эмри гораздо больший страх, чем всё остальное, что могло или не могло с ней произойти.

Но все её страхи имели значение лишь в той степени, в какой она позволяла им контролировать себя. Улыбаясь и не теряя своей обычной наглости, она вошла в отдел и даже поздоровалась с узнавшими её сотрудниками. Улыбалась она в том числе и той мысли, что ей не нужен был ни автомат, ни сопровождение, ни А-17, ни даже маленькое выключение света, чтобы просто взять и войти в кабинет Гения. Какая всё-таки неосмотрительность с его стороны настолько доверять ей.

Она открыла дверь и села за его стол, ища глазами пульт управления системой. В кабинете всё, кажется, было на своих местах, а в ящиках, в которые, видимо, никто, кроме Гения, не заглядывал, она обнаружила ужасно много старых микросхем вперемешку с другим, в том числе и ей когда-то принадлежавшим, барахлом.

«Ну что ж, к чёрту пульт», — подумала она, поднимаясь из-за стола. Она не имела права терять ни минуты.

Эмри наклонилась перед корпусом А-17, пытаясь максимально быстро решить инженерную задачу века: разбирать или бить. Второе, учитывая плохо слушающиеся её руки и отсутствие сообщений о задержании Гения, который мог объявиться здесь в любой момент, было бы предпочтительнее, но материал корпуса выглядел уж слишком необнадёживающе прочным.

Честно говоря, Эмри надеялась просто воспользоваться хорошо известными ей алгоритмами уничтожения системы и теперь, когда она поняла, что ей это не удастся, с трудом сохраняла самообладание.

В очередной раз перестаравшись с электричеством и обесточив по меньшей мере весь технический отдел, она при бледном свете фонаря вновь наклонилась к корпусу А-17, выбирая место, с которого удобнее всего будет скрутить крышку.

Джил, один из охранников которой лаконично сообщил об угрозе её безопасности, даже не услышала его, поскольку её взгляду предстала совершенно нереальная картина: мимо витрин бара прошёл, тревожно озираясь, сам глава Комитета по этике. Заметив Джил, он тут же отвернулся и ускорил шаг. Джил от изумления открыла рот, но её замешательство продлилось недостаточно долго для того, чтоб Роулс успел далеко уйти.

— *Тебе помочь*? — спросил Гений, глядя на тщетные попытки Эмри разобрать А-17.

Она предсказуемо дёрнулась и отступила назад, слишком поздно заметив его в дверном проёме.

— Может быть, ты это ищешь? — спросил он, демонстративно уронив на пол пульт управления. — Или, может, тебе помочь отвёртку подобрать? А то, ты знаешь, мне, конечно, интересно наблюдать за тем, как ты тут копаешься, но уже даже жаль тебя становится.

С не менее демонстративным видом он снял крышку со стаканчика кофе и вылил его содержимое на пульт, разумеется забрызгав всё вокруг, в том числе собственные брюки.

— Долго репетировал? — поинтересовалась Эмри.

И хотя она усиленно делала вид, что всё происходящее её не слишком волнует, это, конечно, было не так. Она всё поняла: Гений давно уже был в курсе заговора и просто развлекался, наблюдая за их тщетными попытками уничтожить систему управления А-17. Он был в отделе настолько раньше её, что даже успел придумать и разыграть этот маленький бессмысленный спектакль.

— Чистая импровизация, — ответил он и, отшвырнув пустой стаканчик ногой, сделал несколько широких шагов в направлении Эмри.

И если прежде она стояла и наблюдала за происходящим с самым невозмутимым видом, то это её испугало, и она шагнула, точнее даже будет сказать, отшатнулась, в сторону от него. Впрочем, такое решение было далеко не лучшим с её стороны, потому что в итоге Эмри оказалась в углу кабинета, находившемся дальше всего от двери.

Гений рассмеялся.

— Мне льстит, что ты так меня боишься, но послушай, я всего лишь хочу тебе помочь, — сказал он тем же безумным тоном. — Тебе, наверно, тяжело было сделать это самой, правда, дорогая?

Эмри показалось на какое-то мгновение, что она спит, настолько всё происходящее было похоже на один из её ночных кошмаров. Она, приложив ладонь ко рту, наблюдала, как он отрывает корпус А-17 от пола, размахивается и выбрасывает его в окно. Предвидя дальнейшее, Эмри закрыла голову руками, но стёкла разбитого окна каскадом ссыпались вниз, не задев ни его, ни её. Впрочем, глядя на Гения, Эмри подумала, что, даже если бы осколок стекла впился ему в ногу или руку, он бы вряд ли это заметил, настолько безумный вид у него был в этот момент.

— Я всё сделал из твоей программы? Можем теперь пойти домой?

Эмри, которой уже начало казаться, что она сама сходит с ума, всё никак не удавалось понять, что только что произошло. Но всё же она была ещё достаточно адекватна для понимания того, что в мире есть гораздо более приятные места для рассуждений на эту тему. Не отлипая от стенки, к которой она сама же и отошла, Эмри с самым миролюбивым своим видом направилась к двери.

— Увидимся дома, — сказала она, нервно улыбнувшись.

— Ага, конечно, — ответил он ей вполне серьёзно. — Хватит шуток на сегодня.

— У тебя, если честно, так себе с чувством юмора, — не менее серьёзно ответила она, всё сокращая расстояние до двери.

— Уж не думаешь же ты от меня убежать? — с нескрываемым любопытством поинтересовался Гений.

Эмри подумала, что это, пожалуй, и правда будет ещё глупее, чем пытаться у него под носом разобрать А-17, и остановилась.

— Сядь в кресло, — сказал он, но Эмри его не послушала, потому что, хотя он, несомненно, мог бы достать её и из-под земли, самой приближаться к нему ей не слишком хотелось.

— Ты не поняла меня? — спросил он таким тоном, что Эмри тут же забыла своё предыдущее опасение и села, несмотря на то, что теперь он оказался прямо за её спиной.

— Так чего ты от меня хочешь? — спросила она с вернувшимся к ней безразличием в голосе.

— Мне тут твой друг Роулс предлагал применить к тебе А-17, снова жениться на тебе и жить с тобой долго и счастливо.

Эмри рассмеялась тому, насколько безумно было это предложение.

— Да, ты права, это смешно, и это совершенно не то, чего я от тебя, как ты говоришь, хочу.

«Ну конечно не то, — подумала Эмри, — ты же лицемер».

— Так что тогда тебе нужно? Чтоб я оставалась с тобой из-за того, что ты меня запугиваешь? О, ну это полностью меняет дело.

— Да что ты, — сказал он даже как-то грустно, — я всего лишь хочу, чтобы ты хоть раз в жизни сказала мне правду. Я хочу знать, что такого плохого я тебе сделал, что ты согласилась выйти за меня замуж. Хочу знать, чем я заслужил то, что ты продала все наши секреты комитету. Мне, конечно, совершенно непонятно, что подвигло тебя спустя неделю с момента нашего не слишком приятного расставания завести роман с таким болваном, как Эс. И мне не менее интересно, почему ты постоянно была милой и флиртовала со всеми, буквально со всеми, кроме меня? Неужели ты совсем никогда меня не любила? Почему ты продолжала это делать, видя, как я страдаю от ревности? Почему тебе не жилось спокойно, когда ты приехала в сектор? Зачем тебе понадобилось лезть ко мне? И самое мне непонятное: почему ты не сказала мне про Эс? Уж неужели потому, что так боялась меня разозлить? И почему, наконец, ты пыталась, хоть и довольно бесполезно, спасти меня в тот день, когда твой Эс застрелил Мелджена?

«Правда? — подумала Эмри. — Что вообще такое правда в данном случае?»

Она прекрасно понимала, что он ждёт вполне конкретную правду. Он всё это и так знает, но хочет услышать от неё. И скажи она хоть слово, не соответствующее его ожиданиям, кто знает, что из этого выйдет.

— И что же ты сделаешь после того, как узнаешь… правду? — спросила она, хотя, наверно, в этом вопросе не было особенного смысла. Эмри просто оттягивала момент начала исповеди.

— Применю к тебе А-17, разумеется, — спокойно ответил он. — Теперь это неизбежно, что бы ты ни сказала. Так что, пожалуйста, хоть сейчас меня не обманывай. Да и как ты понимаешь, правду я всё равно скоро узнаю.

Она ещё некоторое время собиралась с мыслями.

— Ну что ж, вот тебе твоя правда. Если я почему-то её скрывала, то лишь из соображений сострадания по отношению к тебе, — Эмри замолчала, но Гений не спешил её прерывать, и она была вынуждена продолжить: — С самого нашего знакомства ты всегда казался мне настолько странным, что я и мысли не могла допустить о том, чтобы между нами могли быть какие-то чувства. Это ответ на твой вопрос: нет, я никогда тебя не любила. Мне продолжать?

— Конечно, — Гений обошёл кресло и медленно опустился на пол перед Эмри, внимательно глядя на неё. Её руки тряслись, но голос оставался абсолютно спокойным.

— Я вышла за тебя замуж, потому что у меня был выбор между тем, чтоб рисковать умереть с голоду в секторе или получить официальный документ без всяких обязательств, как ты

мне предложил. Скажи, что бы выбрал ты сам? Да, ты можешь сказать, что это беспринципно, но уж как есть.

Он молча кивнул.

— Ты хочешь знать, как я к тебе всегда относилась? О, ты ужасно раздражал меня тем, что о тебя все всё время вытирали ноги, а ты этого даже не замечал. И я правда старалась сделать тебя лучше, что мне, естественно, так и не удалось, несмотря на все мои попытки тратить твои деньги быстрее, чем ты их зарабатываешь, и заставлять тебя ревновать меня ко всем подряд. Всё это было бесполезно: ты мог только злиться и психовать от собственного бессилия.

— Продолжай, — сказал он, глядя на то, как её левая рука прыгает по ручке кресла. Он решил, что это всё, конечно, потому, что в кабинете теперь не хватает половины остекления.

Эмри обхватила левую ладонь правой и продолжила:

— Что ж, я очень долго считала тебя просто странным, неподходящим мне, но в сущности неплохим человеком, пока ты всё это не перечеркнул. И ты знаешь, что больше всего меня возмутило? Не насилие само по себе, хотя и этого было бы уже вполне достаточно, чтобы ты прекратил для меня существовать. Нет, это всё твои оправдания. Вот что было самым отвратительным во всей этой истории. Ты никогда даже не жалел о том, как ты поступил со мной, потому что у тебя всегда оказывался виноват кто-то другой.

— Так ты читала мои письма, — удивился Гений.

— Ты слишком-то не обольщайся, — Эмри усмехнулась. — Считай это любопытством с моей стороны. Так вот, если ты считаешь, что сломал мне жизнь, этого, конечно, не произошло. Я же не ты, в конце концов. И я не особенно, как ты знаешь, сокрушалась.

— Знаю, — сказал он.

— И ты должен быть действительно не в себе, чтобы не понимать, чем Эс был лучше тебя. Буквально — всем. Позволь же мне открыть тебе глаза. Ты, наверно, считаешь, что отношения в паре — это какая-то магия? Ну что ж, я всё равно расскажу тебе, почему нормальные люди завязывают близкие отношения, даже если ты меня об этом не просил. Это происходит только тогда, когда влечение, заметь, взаимное, совпадает с жизненными ценностями. Я уж не говорю про всякие мелочи вроде интересов и всего в таком духе. Что из этого было у нас с тобой? Я считала и сейчас тем более считаю все твои взгляды, всю твою деятельность преступной и аморальной. Этого ничем не изменить. Я всегда ненавидела корпорации, и сейчас ненавижу MJ даже больше, чем тогда, когда мне было семнадцать, и в первую очередь благодаря

тебе. Почему после того, как ты ясно дал мне понять, что не выпустишь меня из сектора, я пришла к тебе? Ха. Да потому что ты вынудил меня это сделать, разве не ясно?

Гений захотел извиниться, но подумал, что это уже не имеет значения и промолчал.

— Итак, почему я не сказала тебе об Эс. Ты правда рассчитывал, что я буду тебе доверять? — Эмри выдавила из себя невесёлый смешок. — Ладно, раз уж я сегодня говорю правду, я вообще-то собиралась рассказать тебе о нём. Но как-то так вышло, что он меня предал, и я подумала, а зачем? Какой вообще в этом смысл?

— Но постой, — Гений впервые перебил её, — у вас же были близкие отношения. Он должен был быть тебе дорог. Что ты вообще за человек такой?

Ему показалось, что Эмри так зло посмотрела на него из-за того, что он пытался узнать у неё что-то слишком личное. Впрочем, он прекрасно понимал, что скоро у неё не останется вообще ничего личного.

— Я не прощаю таких вещей, как предательство, — сказала Эмри, добавив с мягкой полуулыбочкой: — И тебе не советую.

— Приму к сведению, — он кивнул и, кажется не заметив её иронии, продолжил:

— Так вот мой последний вопрос: почему ты спасла меня в тот день, когда Эс планировал моё убийство?

— Я думала, ты уже догадался, — Эмри пожала плечами. — Это же очень глупый вопрос. Я сделала это, потому что Роулс сказал мне это сделать. И он же подсказал, у кого в корпорации достать оружие. Всё, о чём он просил меня, вообще выглядело очень даже благовидно, пока я не узнала, что вы с ним в заговоре. Хотя, конечно, у меня были подозрения ещё с того момента, когда он отправил меня в Четвёртый сектор. Он ведь, наверно, и допуск даже не постарался получить, отправил меня туда, да и всё. Он просто воспользовался тем, что я ему безоговорочно доверяла.

— Ясно, — сказал Гений, и по его лицу Эмри поняла, что ничего нового для себя он не услышал. — Ты хочешь сказать ещё что-нибудь напоследок?

Он уже догадывался, что именно нужно изменить в её внешней памяти, чтобы сделать из злобной Эмри её более добрую и покладистую версию. И это было ужасно смешно и непонятно, но ему совсем не хотелось применять к Эмри А-17: она вполне нравилась ему такой. Он вовремя вспомнил о том, что у него нет больше выбора и всё это уже совершенно неважно.

— Я хочу сказать, что тебе должно быть стыдно за себя. Ты просто жалок, и именно поэтому ты никогда ничего не мог

получить добровольно. Вот и этому я теперь не удивляюсь, я знала, что этим всё и закончится. Хочу сказать и ещё кое-что: я предпочла бы умереть на границе с Четвёртым сектором, безусловно. Какого количества разочарований и боли мне тогда удалось бы избежать. И что со мной будет теперь, я не знаю, но, конечно, это куда хуже, чем умереть.

Он ожидал, что она будет плакать или перейдёт на крик, но Эмри даже не изменилась в лице.

— Ах да, чуть не забыла, — сказала она после непродолжительного молчания. — Даже это твоё изобретение ничего нового из себя не представляет. Ты думаешь, ты заинтересовал Роулса своей гениальностью? Ха. Да на тебя просто ничего не стоило повлиять. В твоём изобретении нет совершенно ничего оригинального. Ладно, даже если у Третьего сектора есть какое-то превосходство, оно связано вовсе не с твоим талантом, нет. Это всё наглое многолетнее нарушение договоров о сборе личных данных, ничего больше. И ты сам, уж не знаю, что ты там о себе возомнил, не представляешь из себя ничего особенного. Вот теперь я сказала всё.

Она скрестила руки на груди и отвернулась.

«Ну, вот и всё», — подумал Гений, даже удивившись тому, как безболезненно для него прошла эта её исповедь. Он и правда всё это знал, знал настолько хорошо, что даже никогда всерьёз не ставил под сомнение. В те минуты, когда он был с ней счастлив, он никогда логически не оспаривал всех доказательств нелюбви Эмри, он их просто игнорировал. Так что ничего особенно страшного не произошло. «И уже не произойдёт», — подумал он с чувством умиротворения. Он даже пожалел, что не придумал какой-нибудь специальный рычаг для А-17 с её именем, подписанным под ним. Это бы очень соответствовало моменту. Впрочем, для управления А-17 ему вовсе не нужны были ни рычаги, ни кнопки, ни даже выброшенный им из окна старый корпус устройства. Всё-таки за последние двадцать лет технологии Третьего сектора шагнули вперёд.

И конечно, применив к ней после стольких мучений А-17, Гений хотя бы примерно представлял, что он узнает.

— Что-о? — спросил он и от неожиданности вскочил на ноги.

— Что? — устало спросила его ничего не подозревающая Эмри.

XXX

Джил, несмотря на уговоры сопровождавших её охранников, конечно, не собиралась закрываться в бомбоубежище. Может, она и не в полной мере догадывалась о сути разворачивающихся перед ней событий, но здравый смысл, который ей в отличие от представителей комитета был совершенно не чужд, подсказывал, что Роулс едва ли вышел на вечерний променад для поддержания здоровья.

Рассуждая в том же духе, она практически сразу отказалась от варианта с его задержанием, хотя сделать это было проще всего: Роулс был один, корпорацию он наверняка знал не слишком хорошо, и даже если вдруг и имелось у него какое-то оружие, Джил была с четырьмя телохранителями, каждый из которых обладал не только впечатляющим послужным списком, но и участвовал когда-то в полномасштабных военных операциях.

«Если Роулс связан с поднятой тревогой, а он просто не может быть с ней не связан, значит он явно что-то замышляет и отправляется теперь куда-то с вполне определённой целью», — справедливо рассудила Джил. Ему совершенно нечего было делать вечером на центральной площади: корпус, в котором разместили экспертов, располагался далеко в стороне отсюда.

Джил собиралась проследить, куда это в столь поздний и неспокойный час отправился председатель Комитета по этике, и вовсе не намеревалась упускать его из виду.

Эмри оттолкнулась ногами от пола и вместе с креслом сдвинулась назад. Несмотря на сквозняк, ей было невыносимо жарко, она чувствовала, что вспотела и основательно помутилась рассудком. Ещё хуже оказалось то, что она не была уверена, результат ли это применения к ней А-17 или её собственная мнительность. Она вообще перестала понимать, что происходит, и это отвратительное чувство неопределённости угрожало ей неизбежным нервным срывом в ближайшие несколько минут. Что бы ни было причиной происходящего, чем бы ни было это происходящее, она не так себе всё это представляла.

Гений несколько раз пытался что-то ей сказать, но выглядело это так, как будто ему отключили звук. Он дошёл до открытой двери, вернулся обратно, потерянно моргая и периодически хватая руками лицо. Он дошёл до окна и тут же развернулся, вспомнив, что боится высоты.

— Сколько можно? Сколько можно надо мной издеваться?! — закричала Эмри, чувствуя, что и с этим она перестаралась и сразу же сорвала голос. — Мне осточертел этот театр, ясно тебе?

Он остановился и посмотрел на неё с таким видом, как будто забыл, что она находится с ним в одной комнате, и очень удивился, услышав её голос. Он покачал головой, но так ничего ей и не сказал.

— Да хватит таращиться на меня, — уже почти шёпотом, но не менее зло сказала она. — Что происходит?

— Что? — потерянно спросил он, невидящим взглядом уставившись на её сложенные на коленях ладони. — Никогда не видел человека, который сам хотел бы попасть под А-17, вот что.

— Что ты несёшь? Ты понимаешь, что ты вообще говоришь? — спросила Эмри, но уверенный злой тон её подвёл, и она совсем охрипла.

— Я понимаю, да, — сказал он так же тихо, — но я не понимаю, как… это всё вообще возможно.

Эмри подумала, что вот теперь-то он действительно выглядит абсолютно сумасшедшим. Всё, что она наблюдала предыдущие десять минут, казалось на фоне этого его взгляда просто смешной и неудачной любительской постановкой, пародией на безумие.

Эмри подумала и о том, что, само собой, сейчас, озадаченно разглядывая её трясущиеся руки, сумасшедшей он считает её. И она догадывалась почему.

— Ах, вот ты о чём. Я вообще-то надеялась, что ты, как порядочный человек, решишь не копаться у меня в голове.

— Я? Порядочный человек? — он издал непонятный звук, который больше напоминал всхлипывание, чем смешок.

— Действительно, и что меня только заставило так думать? — Эмри попыталась в годами отшлифованной манере сымитировать весёлость, но, к своему ужасу, ощутила, что язык её больше не слушается: сказанное прозвучало с нелепо трагическим надрывом, а вовсе не с запланированной ею иронией.

— Но после всего, что я сделал… Как ты можешь?.. — ошарашенный, он так и не смог договорить, сбившись на ещё более бессвязные и лишённые смысла заявления: — Это же гораздо лучше, чем я мог бы… то есть я хочу сказать, что это ужасно. Я вижу будущее, и там нет ничего хорошего. Совершенно ничего, что бы ни…

«Ну, надеюсь, у нас разные представления о хорошем», — подумала Эмри, готовящаяся, несмотря на охватившую её истерику, воспользоваться его замешательством и улизнуть.

— Стой, — сказал он, хотя она ещё даже не пошевелилась.

Эмри хотела возразить, что для того, чтоб выполнить его распоряжение, ей придётся сначала встать, но не успела и рта раскрыть.

Для Гения, совершенно сбитого с толку внезапным

открытием, проблема заключалась лишь в том, что теперь ему предстояло сделать выбор между двумя равно плохими вариантами, и времени на выбор не было нисколько. И он просто не смог заставить себя принять единственное верное, пусть и кажущееся теперь ему неприемлемым, решение.

— Нет, не буду, просто нет, — только и смог сказать он, хотя, конечно, для прощальной фразы можно было бы подобрать что-то более впечатляющее или хотя бы вразумительное.

Он быстро и нелепо вытер глаза рукавом рубашки и вышел из кабинета.

Ещё несколько минут Эмри просидела почти без движения, ожидая, что он вернётся, но этого так и не случилось. Промедление было смерти подобно, однако руки и ноги Эмри, столько лет выполнявшие все её распоряжения, теперь оказались абсолютно ей неподвластны. Она только и могла, что давить рыдания и пытаться утешить себя мыслью о том, что у неё получился идеальный план отступления. Но это утешение уж слишком расходились с реальностью, чтоб она могла заставить себя на него купиться.

Совладав наконец с собой, Эмри ответила Моррвану и Самойлову, которые к тому моменту уже практически отчаялись вновь увидеть её живой.

И поскольку Гений так и не довёл начатое до конца, ему оставалось лишь одно: успеть на самолёт, который увезёт их с Роулсом из сектора. У этого решения был, конечно, свой минус, а именно оно означало конец свободного мира практически во всех секторах в ближайшие несколько дней. Но что за дело было ему до всего мира? Всё, что его в этот момент интересовало, — не дать Эмри ошибиться.

Только теперь он в полной мере осознал, насколько ненавидит А-17. Человек не должен знать своего будущего, тем более если это будущее уже невозможно изменить. Если б Гений не был наделён этим проклятым предвидением и не имел понятия о том, что будет дальше, он бы, наверно, испытывал безграничную эйфорию. Но увы, будущее было к нему беспощадно.

Роулс не зря занимал свой пост: ему вовсе не нужно было никакое информационное оружие, чтобы заставить других действовать по единственному обозначенному им сценарию. Возможно, его методы управления были примитивны и грубы по сравнению с тем, что могло А-17, но и их всегда хватало для решения текущих задач. И самым остроумным в плане Роулса было то, что реализации этого плана уже ничто не могло помешать, в том числе и смерть самого главы Комитета по этике.

— А ну стой, — Джил с одним из охранников выскочила откуда-то из-за угла и преградила Гению путь. — Куда это ты собрался?

— Послушай, Джил, мне некогда сейчас объяснять, — ответил он, тяжело дыша, — я должен немедленно покинуть сектор.

— В смысле «покинуть»? — она была настолько поражена его наглостью, что не сразу нашла, что на это ответить. — Как это всё понимать?

Гений решил, что убеждать её бесполезно. Бесценное время уходило, а Роулс успел скрыться из виду. Гений отодвинул её и охранника в сторону и, зная, что они уже ничего ему не возразят, продолжил забег до аэродрома, взлётной полосой врезающегося в западную часть внешнего города.

— Что здесь произошло? — Моррван, первым вбежавший в кабинет, остановился как вкопанный, глядя то на Эмри, то на кофейную лужу на полу, то на выбитое окно.

За ним вбежали и остальные эксперты и члены комитета, в том числе те, кто не принимал участия в заговоре, а также Самойлов и человек пять из организации освобождения.

— Ты что, убила Меженова? — спросил Моррван и, подбежав к окну, посмотрел вниз.

— Ага, Мор, именно так я это и сделала: выкинула со второго этажа, — как обычно отпарировала она.

— Да без шуток, что ты с ним сделала? — он повернулся к ней.

Эмри сидела в кресле, оперевшись на одну из ручек спиной и перекинув ноги через вторую.

— Поразила богатством внутреннего мира, — сказала она и рассмеялась. Но больше никого её шутка не рассмешила.

— Не двигайся, — Самойлов навёл на неё автомат, и Эмри тут же сделала серьёзное выражение лица.

— Ты что творишь? — закричал Моррван. — Совсем из ума выжил?

— Что в руке? — всё так же грубо спросил Самойлов, обращаясь к Эмри.

— Так мне не двигаться или как? — поинтересовалась она, но ладонь разжала.

— Но ты же не… — Моррван посмотрел на неё с нескрываемым ужасом.

Эмри вздохнула и, проигнорировав наведённый на неё автомат, пальцами правой руки приподняла волосы, скрывавшие её затылок.

— Я надеюсь, ты, э… не сама её вытащила, — сказал

Моррван, ошарашенно рассматривая плоскую стеклянную коробочку с её внешней памятью.

— Я посреди одного из лучших технических отделов мира, Мор. Если б мне пришло в голову причинить необратимый вред собственному здоровью, я придумала бы что-нибудь поинтереснее, — Эмри недовольно посмотрела на Самойлова и его приспешников. — Можно не размахивать передо мной оружием, а? Это что, недостаточное доказательство того, что я не под А-17?

— Я должен был убедиться, — сказал он, убирая автомат.

Она махнула рукой.

— Где Роулс? — спросила Эмри у собравшихся.

— Мы предполагаем, что скоро он должен появиться тут и объясниться с нами, — ответила ей Сонцев. — Он в курсе того, где мы.

Впрочем, Сонцев ошибалась: в этот самый момент самолёт главы Комитета по этике и самого влиятельного политика уже довольно условно свободного мира стоял на взлётной полосе и готовился к вылету во Второй сектор, а сам Роулс, по чистой случайности улизнувший от Джил, занял своё место на борту.

Гению оставалось совсем немного, чему он был несказанно рад: у него больше не осталось сил бежать.

Эмри вышла из кабинета и попросила отыскать для неё Роулса на карте корпорации. Узнав, что это займёт некоторое время, она вернулась к собравшимся, чтобы объявить о своём последнем решении. Решении, которое тяжело ей далось, поскольку требовало от неё поступиться основополагающими принципами комитета. И всё же план по уничтожению информационного оружия нужно было довести до конца.

К огромному разочарованию Гения, он заметил вооружённых людей у входа, к которому направлялся. И судя по всему, они по каким-то причинам не были подвержены действию А-17. Кого они ждали? Уж не его ли? Ему пришлось резко свернуть влево, надеясь, что они его не заметили.

Эмри не успела рассказать то, что хотела, потому что её прервали.

— Джеймс Роулс, — на английском языке сообщила молодая девушка из технического отдела, — покинул территорию корпорации.

Эмри окинула взглядом коллег: вид у них был абсолютно потерянный. Да, многие из них подозревали его в махинациях, но что он вот так возьмёт и сбежит, учитывая, что против него даже обвинения никакие не выдвинуты, не ожидал никто.

— А что, если он увёз с собой копию А-17? — высказал

догадку Моррван.

— Это мы, к сожалению, скоро узнаем, — с тяжёлым вздохом ответила ему Эмри. — Извините, мне надо выпить воды.

Это, разумеется, было отговоркой. Но ей действительно нужно было какое-то время побыть одной.

Гений был прав: что было для неё это А-17, если она сама без всякого информационного оружия годами прекрасно заставляла себя делать не то, чего хотела. Но разве не в этой удивительной способности поступать в соответствии с убеждениями, а не чувствами и инстинктами, заключается отличие человека от остального животного мира?

И если искусство быть человеком заключалось именно в этом, она была в этом искусстве непревзойдённо хороша.

XXXI

— Пока я ещё могу провести совещание, я намереваюсь это сделать, — объявила Эмри, вернувшись в кабинет. — Это касается только моих коллег по комитету. Остальные, подождите нас, пожалуйста, тут.

— И сколько времени ты планируешь провести без внешней памяти? — спросила её Сонцев.

Они и ещё десять человек, включая Моррвана, направлялись в ближайшую подходящую им переговорную.

— Всё время, пока не покину сектор, — ответила Эмри, на лбу и щеках которой блестели оставшиеся после умывания капли воды. — И вы должны будете проследить за тем, чтоб так всё и вышло.

— Но ты ведь понимаешь, я надеюсь, насколько это серьёзно? У меня, честно говоря, нет уверенности в том, что её вообще можно просто вставить назад и жить как ни в чём не бывало. И я удивлена, что ты вообще… э… ещё можешь разговаривать.

Эмри открыла перед ней дверь переговорки.

— Я виделась с Эс перед тем, как его расстреляли. И он описывал свой опыт, гм… существования без внешней памяти как медленное угасание мыслительных и речевых способностей. И да, я понятия не имею, насколько медленное, сколько у меня ещё осталось времени.

Эмри дождалась, пока все займут свои места, и продолжила:

— Потому в течение ближайших часов я должна буду передать руководство операцией кому-нибудь из вас. Хелен, я думаю, это будете вы.

Сонцев кивнула. Никто ничего не возразил.

— А теперь что касается дальнейшей программы действий: все, я думаю, согласны с тем, что мы должны найти и уничтожить все копии А-17? Как сообщают наши люди в секторе, информационное оружие по-прежнему действует. Всё без изменений.

— Именно так, — ответил Моррван.

— Если позволите, есть один более неотложный вопрос, — вмешалась Сонцев.

— Говорите, пожалуйста, — сказала Эмри.

— В связи с тем, что Роулс без объяснения причин покинул нас, считаю, что первым делом комитету необходимо официально объявить об этом. Его дальнейшие действия больше не должны ассоциироваться с деятельностью комитета. И разумеется, нам нужен исполняющий обязанности председателя.

Эмри нетерпеливо кивнула. Время для всех этих формальностей было уж очень неподходящее.

— Отлично, я полностью согласна с вами, — ответила она. — Я безусловно поддержу вашу кандидатуру. Среди нас пять членов комитета, всего без Роулса нас теперь двенадцать, убедите ещё двоих? Есть у кого-то возражения?

— У меня есть, — откликнулась Сонцев.

— В чём дело? — Эмри слегка повернула голову вправо и пристально посмотрела на неё.

— Дело в том, что я против формальных назначений, — ответила ей Сонцев. — Я начала весь этот разговор не только ради протокола. Теперь, когда Роулс сбежал, нам нужен новый лидер, который мог бы взять на себя ответственность за переговоры с секторами. Ведь мы даже до конца не можем быть уверены в том, что он им там наобещал. Наладить с ними контакт, по-моему, гораздо важнее, чем уничтожить оружие, остающееся в Третьем секторе.

— Да, вы абсолютно правы, но что же вы предлагаете? — Эмри на мгновение прикрыла глаза ладонью, удивившись тому, что мысли, до этого мучившие и раздражавшие её, вдруг куда-то исчезли. Она попыталась вспомнить, с чего же, с каких именно слов, начался их разговор, но не смогла.

— Я предлагаю твою кандидатуру на пост исполняющего обязанности.

Все присутствующие подняли глаза и посмотрели на Эмри, как будто это она только что сказала такую чушь.

— Ну нет, — сказала Эмри. — У меня абсолютно неподходящее прошлое. Да и вообще я…

К своему неудовольствию, она ощутила, что слова как будто разлетаются, а она не может выхватить среди них нужное.

— Повторяю, это решение я считаю оптимальным, — продолжила Сонцев. — Ты в ближайшее время вылетишь в штаб-квартиру или, ещё лучше, остановишься где-нибудь во Втором секторе, где вернёшь на место свою внешнюю память и будешь заниматься переговорами. Я, если это нужно, буду продолжать операцию здесь. После того как узнаю, что нужно делать.

— А если ты не вылетишь в ближайшее время, у нас будет самый умственно неполноценный председатель в истории, — тихо пошутил Моррван.

— У вас будет самый неэтичный председатель в истории, — пообещала ему Эмри.

— Ну, вряд ли ты превзойдёшь в этом Роулса, — молниеносно возразил он.

Эмри поняла, что их совещание зашло абсолютно не в ту

сторону и тянуть с объявлением главной новости больше нельзя.

— Роулс пока ничего не сделал, кроме того, что сбежал. А я намереваюсь сделать кое-что прямо сейчас, — она выдержала паузу и, убедившись, что все её внимательно слушают, продолжила: — Я распространяю А-17 на всю территорию корпорации и внешнего города. Объясняю, почему считаю это решение единственно верным: только так мы сможем достоверно узнать у сотрудников, где ещё хранятся копии А-17 и, главное, откуда распространяется сигнал.

— А что, если об этом не знал никто, кроме Меженова? — спросил Моррван.

Эмри подняла одну бровь.

— Ну, заодно и выясним, попадёт ли он под собственное информационное оружие, если он, конечно, не сбежал вместе с Роулсом. Теоретически, он не должен быть исключением: у него тоже есть внешняя память и всё такое. Я не знаю, предусмотрел ли он возможность того, что А-17 кому-то может прийти в голову испробовать на нём. В любом случае, не думаю, что он один знал обо всех нюансах плана. Зря он, что ли, освободил свой отдел?

— Но каким образом ты собираешься управлять А-17? — прервал её Моррван. — Если мы даже не знаем, откуда распространяется сигнал?

Эмри кивнула.

— Я полагаю, две эти вещи не связаны напрямую. Если я права, то управлять системой можно из технического отдела. Может, я и не в курсе всех технологических новшеств, но какие-то простые вещи сделать смогу.

— Но Эмри, ведь ты не Меженов, — возразил ей Моррван.

— О, конечно, я хуже, — с улыбкой согласилась она. — Даже он так далеко не заходил.

— Да ведь я не об этом. Не о моральной стороне. Хотя ты не помнишь, что Самойлов говорил про первые дни применения А-17 в секторе? Жертвы, Эмри. И это при контроле технического отдела и самого Меженова. У тебя точно нет другого плана?

— Точно, — ответила она. — Мы должны действовать быстро. И учитывая, что в корпорации совсем другая возрастная пропорция, можно предположить, что у нас будет гораздо меньшее количество человек, не подверженных действию информационного оружия. Да и вести себя эти люди будут, я полагаю, разумнее.

— Ну а что касается нас? Что с нами будет? — вмешался один из экспертов какой-то непрофильной комиссии.

— Что с вами будет в каком смысле? — переспросила Эмри. — Что с вами будет вообще? Или что с вами будет, когда

мы распространим А-17 на непокрытую ещё им территорию сектора?

— Да ничего с нами не будет, — отрезала Сонцев.

— А-17 действует только на модели внешней памяти, выпущенные MJ и поглощёнными ей компаниями, — более добродушно пояснил Моррван.

— На данный момент действует, — уточнила Эмри, но договорить ей так и не удалось, потому что в переговорную заглянула уже знакомая ей сотрудница технического отдела.

— Кто из вас исполняющий обязанности председателя комитета? — спросила она.

— А что? — Эмри испытующе посмотрела на неё, заподозрив неладное.

— С вами хочет поговорить Джеймс Роулс. Наедине. Видеозвонок.

— Хорошо, — ответила ей Эмри и добавила, обратившись к собравшимся: — Давайте сделаем вид, что это разговор наедине.

— Ты считаешь, мы можем тебе не доверять? — спросил её Моррван. — Наедине так наедине.

Эмри пожала плечами.

— Переведите звонок на ближайший свободный кабинет, пожалуйста, — сказала она.

Раз Роулс звонит им, значит ему что-то от них ещё нужно. Теперь она была почти уверена в том, что копию базы данных А-17 из сектора он так и не вывез.

Она расположилась за столом в комнате поменьше и включила экран. Роулс по-прежнему был в самолёте, но находился ли его самолёт в воздухе или на земле, — этого Эмри не знала.

— Миленькое совмещение постов, — сказал он вместо приветствия. — Никогда не видел, чтобы глава сектора исполнял обязанности председателя комитета.

— Кто, я? Я не председатель и уж тем более не глава сектора, Джим, — возразила Эмри. Ей в отличие от него было совершенно не до шуток.

— О, как жаль, значит, меня дезинформировали, — он издевательски вздохнул. — А правда, что ты внешнюю память вытащила? Всегда мечтал пообщаться с человеком без памяти. Ты же, наверно, теперь как золотая рыбка. Или скорее как курица, которой отрубили голову, а она всё бегает по двору и управляет сектором.

— Что тебе нужно, Джим? — произнеся это, Эмри с трудом зацепилась за мысль о том, что среди её коллег, судя по осведомлённости Роулса, есть его шпионы. Но эта мысль её

завязла, и она не смогла сделать из неё никаких выводов. «Мне нужно какое-нибудь электронное устройство. Или хотя бы бумага и карандаш», — с тревогой подумала она. Но пока Эмри была вполне в состоянии удержать эту мысль на периферии своего внимания. Она была ещё гораздо ближе к адекватности, чем к слабоумию.

— Хочу пообщаться с тобой, как с разумным человеком, — ответил ей Роулс. — Извини за шутку. Я слышал про решение, которое ты приняла относительно А-17. Очень разумное решение. Как твой наставник, я горжусь тобой.

— Как мой наставник! — возмущённо повторила за ним Эмри. — Давай же к делу, чего ты хочешь добиться? У меня очень мало времени, я хочу слышать всё и сразу. Без вежливости, без лести…

— Как будто я тебе льщу, — перебил её Роулс. — Я ведь говорю чистую правду: я считаю, что из тебя со временем получится отличный руководитель. И сейчас я хочу поделиться с тобой своим планом, чтоб ты смогла убедиться: я не злодей и не очередной продажный функционер. Ты должна поддержать меня, Эмри, ты не можешь меня не поддержать. Всё, чего хочу я, это ровным счётом то же, чего всегда хотела ты: разве не ты ещё восемнадцать лет назад так однозначно обличала неравенство и несправедливость, разве не ты с тех пор поучаствовала чуть ли не во всех экологических и гуманитарных инициативах комитета? И разве ты не видела, насколько всё это бесполезно? Комитет по этике бессилен, все международные организации вместе взятые бессильны перед человеческим эгоизмом, Эмри. Неужели ты будешь это отрицать?

— Не буду, — ответила она.

— Так послушай меня, дорогая моя Эмри. Сейчас у нас есть редчайший шанс: А-17 — самое совершенное оружие, существующее на планете. Оно при хорошей настройке охватывает девяносто процентов населения, а со временем, по мере естественного старения населения, под А-17 попадут абсолютно все. Ты ведь, наверно, уже догадалась, о чём мы договорились с главами практически всех секторов? Я имею в виду тех, кто ещё не выжил из ума.

— Надеялась, что ты мне скажешь, — равнодушным тоном ответила ему Эмри, хотя она, конечно, догадывалась. Вот только подбирать слова ей становилось всё труднее. «Интересно, какой язык я забуду первым?» — невольно подумала она.

— Завтра в оговорённом месте мы встретимся с мировыми лидерами и ведущими техническими специалистами и разделим базу данных А-17 с крупнейшими секторами мира. Это решение

устроит всех и, что ещё более важно, вернёт утраченный баланс сил, пошатнувшийся после применения А-17 Третьим сектором и окончательно разрушенный после молниеносного захвата Четвёртого сектора.

— Уж не ты ли за этим захватом стоял? — по-прежнему пассивно поинтересовалась Эмри, задумчиво добавив: — Как только Гений на это согласился? Добровольно поделиться с конкурентами изобретением, которое на голову выше всех имеющихся аналогов.

— О, ты зря его недооцениваешь, — на лице Роулса появилась загадочная улыбка. — Он может мыслить глобально. Все эти узкособственнические интересы ему чужды.

— У тебя абсолютно отсутствуют моральные принципы, Джим Роулс, — Эмри рассмеялась, но смех у неё получился больной и принуждённый. — Да, Гений — легкоуправляемый человек без каких-либо убеждений, но ты-то ещё лучше! Сыграл на его слабости ко мне, подставил моего мужа, притащил в сектор мою дочь. Ты правда думаешь, что я хоть одному твоему слову поверю? Что тебе вообще от меня теперь нужно?

— Видишь ли, Эмри, так вышло, что Гений не успел улететь со мной. А мне он так необходим. Да что там, он необходим всему миру. Копия А-17 у меня уже есть, это ты, конечно, понимаешь. Но в интересах спасения миллионов жизней он нужен мне для настройки А-17. Ты должна разрешить мне посадить самолёт и обеспечить Гению безопасную дорогу до меня, только и всего.

— Да пожалуйста, — внезапно согласилась она, — и что ты вообще улетел без него?

— Как будто ты не знаешь, как сильно твои друзья-отщепенцы хотели моей крови, — он усмехнулся. — Я рад, что ты проявила благоразумие.

— Ага, — ответила ему Эмри.

— Просто на всякий случай, — аккуратно начал Роулс, — если вдруг тебе в голову придёт сбить мой самолёт или задержать меня, я хочу попросить тебя задуматься.

«Хорошо же он меня знает», — подумала Эмри. Именно на этот бесхитростный план у неё ещё хватило силы мысли.

— Просто пойми: мой план уже сработал, и нет ничего, что помешает ему осуществиться. А если ты, дорогая моя, вдруг решишь от меня избавиться, разве ты не понимаешь, что будет дальше? Правительства секторов прекрасно видели, что произошло с бедным мирным Четвёртым сектором, последние двадцать лет так гордившимся своими маленькими атомными бомбами и упивавшимся самыми невинными военными парадами

в мире. За сколько часов он был взят благодаря А-17? И ты не можешь не понимать, что даже одна эта угроза неизбежного расширения Третьего сектора заставит их в ближайшие же сутки применить свои версии информационного оружия, какими бы несовершенными они ни были. Ты представляешь, сколько людей погибнет из-за тебя, дорогая Эмри? Ты войдёшь в историю не только как самый глупый и неэтичный председатель комитета — ты станешь настоящим председателем-катастрофой.

Эмри молчала.

— Помнишь, ты когда-то сказала: «Мы не можем повернуть историю вспять, но можем изменить мир так, чтобы жизнь в нём не превратилась в ад»? Сейчас это верно как никогда. Я не оставил тебе никакого выбора, кроме единственно верного и очевидно ужасного. Но у тебя по-прежнему он есть, Эмри, и ты свободна в своём выборе. Я даже даю тебе время подумать. Ровно через два часа я приземлюсь там же, откуда вылетел, — и очень надеюсь, что ты сделаешь то, о чём я тебя прошу. Можешь, кстати, отправиться с нами. Думаю, мы оба будем очень рады твоей компании. Не знаю даже, кто из нас больше.

Экран погас, а Эмри так и осталась сидеть за столом в полутьме переговорной. Она не могла сконцентрироваться, не могла понять, есть ли, пусть и теоретически, хоть один выход из сложившейся, а точнее, из мастерски срежиссированной Роулсом, ситуации. К счастью, она не была одинока. Моррван и Сонцев заглянули в комнату и, закрыв дверь, сели слева и справа от неё.

— Ты в порядке? — спросила её Сонцев.

— Нет, — тихо ответила Эмри. — То есть с моей головой всё в порядке. Но я не знаю, что нам теперь делать.

XXXII

Джил открыла глаза и, несмотря на острую головную боль, резко вскочила на ноги и схватилась рукой за пустую кобуру на поясе. К счастью, очнулась она в собственной постели, а вокруг неё был целый оружейный склад. Действительно — был. Она в последней отчаянной надежде распахнула верхний ящик трельяжа и, не обнаружив ничего и там, застыла, с немым изумлением рассматривая Гения, сидящего на противоположном краю её четырёхметровой кровати.

— Что ты со мной сделал?! — закричала она. — Как ты вообще тут оказался?

— Слушай, Джил, я знаю, что ты пошла спать, но мне, э… надо с кем-то посоветоваться, а больше не с кем.

— Как ты попал сюда? — она взвизгнула, видимо поняв, что она не помнит и как сама она сюда попала. — Что ты со мной сделал, я тебя спрашиваю?!

Она опустилась на пуфик и, к его удивлению и досаде, принялась рыдать.

— Да ничего я с тобой не сделал, успокойся, — ответил он, но утешение не сработало: её рёв стал от этого только громче. — Ну, то есть я применил к тебе А-17, да. И мне, конечно, пришлось заставить тебя сдать мне всё оружие в доме, что заняло немало времени…

— Ничего?! Это у тебя называется «ничего»? У-у-у, — зашлась в новом приступе рыданий она.

— Джил, послушай, мне правда пришлось это сделать. Я всё тебе объясню.

Гений подумал о том, что, может, выводить её из-под действия А-17 было не такой уж хорошей идеей.

— Если ты успокоишься, я даже не буду снова применять к тебе А-17, — пообещал он.

Джил подняла на него красные от слёз глаза.

— Спасибо, блин, какое великодушие, какой жест! — проворчала она, но рыдать действительно тут же прекратила. — Ну и сволочь же ты, а! Ты что, не мог просто попросить помочь? Так вообще-то нормальные люди поступают.

— У меня совершенно не было времени: мне нужно было срочно покинуть сектор. Извини, — наконец догадался сказать он. — Но я не успел. И мне пришлось заставить тебя привести нас сюда. Надеюсь, ты понимаешь почему?

Джил с недовольным видом погасила свет в комнате и вышла на лестницу, по-прежнему всхлипывая. Гений последовал за ней.

— Ты типа спрятался у меня дома? Отлично придумано, ничего не скажешь.

— Не только спрятался, не в этом дело, — возразил он. — Здесь есть всё необходимое, чтоб управлять оружием, — даже на тот случай, если нам попытаются отрубить все системы жизнеобеспечения.

— Почему бы тебе, например, не работать у себя в кабинете? Попробуй ради разнообразия, тебе понравится. Можешь даже выбрать себе новый, если старый разонравился.

Они дошли до первого этажа, и Джил указала ему рукой на диван. Гений сел.

— Видишь ли, э… у меня в кабинете Эмри…

Джил посмотрела на него, как на умалишённого.

— А раньше тебя это как-то не очень беспокоило, — дежурно пошутила она, хлюпая носом и копаясь в позолоченном баре.

— Погоди. Я хочу сказать: власть в секторе захватили сотрудники комитета и организация освобождения. А Роулс из сектора улетел.

Джил от неожиданности уронила вытащенную бутылку, но по счастливой случайности та упала на ковёр и не разбилась.

— Слушай, я это, ни черта не понимаю. Я что, настолько тупая: ты всё ещё контролируешь А-17, но при этом кто-то там захватил нашу… мою корпорацию? Что за чушь?

— Вот поэтому, Джил, мне и нужен совет, — Гений отрицательно покачал головой в ответ на её предложение налить и ему.

— Ну, я слушаю, — Джил отпила из бокала. — Но ты и правда руководитель года. У тебя уникальный талант делать всё, чего делать нельзя. Я бы даже сказала, делать такие вещи, которые нормальному человеку просто в голову не придут.

— Так вот. Теперь А-17 управляет Эмри. Она распространила его действие на корпорацию и внешний город.

— Да что ж это такое, — Джил всплеснула руками, — везде она, эта Эмри. Почему же ты этому не помешал?

— Ну, так ей действительно теперь безопаснее, учитывая, что она со всех сторон окружена людьми из организации освобождения и комитета, на которых А-17 не действует. Мало ли что взбредёт им в голову.

— Вот угадай, на чью безопасность мне сейчас больше всего плевать? — сердито поинтересовалась Джил.

— В общем, дело не в этом, а в том, что будет дальше, — продолжил Гений, — а дальше мы с Роулсом вылетим во Второй сектор. Там будет встреча, на которой все сектора соединят имеющиеся технологические наработки для совершенствования

информационного оружия…

— Что ты только что сказал?

Глядя на Джил, Гений начал понимать, что значит «глаза на лоб полезли».

— Нет, ты точно спятил. Скажи, какой в этом интерес нашему сектору? Нам абсолютно это не нужно и совершенно невыгодно. У нас, я уверена, огромное технологическое превосходство. И я надеюсь, — она посмотрела на него с ужасом в глазах, — ты ведь… скажи мне, что у Роулса нет копии А-17. Пожалуйста.

— У него нет копии А-17, — подтвердил Гений, — это точно. Поэтому он вернётся за ней. И за мной.

— Фух, — Джил облегчённо выдохнула, — спасибо, что хоть вовремя сообщил. Ты же понимаешь, что нельзя тебе туда лететь? Если ты насчёт этого хотел посоветоваться, тут не о чем думать.

— Не совсем, — ответил он. — Это всё меня не очень интересует. Проблема в том, что Эмри вытащила свою внешнюю память.

— Ой, не думала, что я это скажу, но я начинаю её понимать, учитывая то, как ты обращаешься с женщинами. Я уже, знаешь ли, и сама близка к тому, чтоб свою внешку голыми руками вытащить. Ну, так что там тебя беспокоит-то? Любимую игрушку потерял? Так верни, над чем ты тут думаешь? Заодно и контроль над сектором восстановишь. А ещё предлагаю, пока не поздно, присоединить Второй сектор, раз уж там такая компания собралась. Захватим все технологические разработки, ну и продолжим мировую экспансию…

— Джил, ты можешь больше не пить, пожалуйста? — раздражённо поинтересовался Гений. — Ещё немного, и твои милитаристские устремления начнут меня пугать.

— Ой, кто бы говорил, — она показала ему язык и допила всё, что оставалось в бокале. — У меня, между прочим, разумные предложения, в отличие от твоих. Так как ты допустил, что твоя дорогая Эмри вытащила внешку? Что ж ты только ко мне А-17 применил, а к ней что, не догадался? Или она опять тебя обманула?

— Именно, — с неожиданным энтузиазмом согласился он. — Именно это и произошло. Как ты догадалась? Я не догадался.

— Пфф, — Джил развела руками, — и кто бы мог подумать? У меня уже сарказма на тебя не хватает, видишь? Всё. Закончился. Что она опять тебе сказала? На что ты мог купиться, учитывая, что уже всё про неё знал? Ты ведь посмотрел внешнюю память Эс?

— Да, — ответил Гений, — но в том-то всё и дело…

— Да в чём же? Ума не приложу, что такого она могла тебе

сказать, чтоб обмануть после всего этого. И логики в твоих действиях никакой вообще не вижу, хоть убей. Ты сам создал себе какую-то очень странную проблему.

— А в них и не было никакой логики, — признал он. — Я просто… растерялся. И не успел это исправить.

— Ну и? Мне уже даже интересно, какие это методы манипуляций на тебе ещё не опробовали. Чувство вины? А, это мы уже видели. Якобы твоя дочь? Тоже было. Честная и принципиальная Эмри, защищающая свою чудесную маленькую семью от злого тебя? О, я сейчас расплачусь. Что, или это уже новое шоу с Эмри-защитницей свободного мира в главной роли? Твоя близорукость меня просто поражает. Как ты можешь не замечать, что в ней нет ровным счётом ничего такого? Если б она не украла, благодаря тебе, заметь, почти все наши технологии восемнадцать лет тому назад, кому она нужна была бы в комитете? Что она представляла бы из себя, если бы не ты? Да даже Эс не обратил бы на неё внимания, если бы она не была замешана в этом скандале. Она никто. И если бы ты над ней не трясся теперь, кто бы сделал её членом Комитета по этике? Кто бы и зачем отправил её сюда? Вот я не понимаю, насколько слепым надо быть, чтоб всего этого не замечать.

Гений вспомнил, что что-то в том же духе он слышал несколько часов назад от Эмри, правда, про самого себя.

— Так и во мне ведь нет ничего особенного, — сказал он.

— Не шути так, — Джил вновь потянулась за бутылкой. — Я этого не перенесу. И не тяни уже. Что такого она сказала, что ты, как ты говоришь, растерялся? Я бы на твоём месте уже давно ни одному её слову не верила.

— Дело не в словах, Джил. И даже не в том, что она когда-либо делала. Дело в том, что она сделает. И то, что она сделает, она… не сможет с этим жить. И я не вижу, как бы я мог помочь, как бы я мог заставить её не совершать эту ошибку.

— Хватит говорить загадками, я абсолютно ничего не понимаю, — раздражённо прервала его Джил. — Давай всё по порядку. Что такого знаешь ты, чего не знаю я?

Гений вздохнул, подумав, что сейчас Джил наверняка опять не даст ему договорить.

— Дело в том, что, когда я собирался применить к ней А-17, я узнал то, чего не ожидал и, наверно, не должен был узнать. Не со слов — сказала она как раз примерно то, что я и хотел от неё услышать: про то, что она просто мной воспользовалась и тогда и сейчас. Что она презирает меня, что она даже Эс не простила его предательство, а уж меня не простила и подавно, что на самом деле её никто не интересует, кроме неё самой. Это было понятно,

и это мне, как и тебе, Джил, всегда казалось единственной логически непротиворечивой версией происходящего. Отчитывая меня за мою слепоту, ты думаешь, у меня правда была какая-то другая версия? Я знал эту правду и так боялся посмотреть ей в глаза, что не хотел делать себе больно и копаться у Эмри в голове, ища всему этому подтверждение. Это всегда казалось мне очевидным. Мне нравились мои иллюзии, но не настолько, чтобы я всерьёз в них верил.

— Так почему, раз ты такой умный, ты тогда творишь какую-то… — не выдержала Джил.

— Потому что всё это неправда, — наконец объявил он. — А правда заключается в том, чего я даже не мог себе представить. Я просто идиот. Мои чувства к ней всегда были взаимными. Возможно, больше чем взаимными.

— Я, конечно, не помню этого, но ты головой не ударялся случайно, пока мы сюда добирались? — с издевательской интонацией спросила Джил. — Послушай уже голос разума, мой голос, очнись. Она организовала против тебя заговор, а до этого она продала все твои секреты комитету. Если это тебя не убеждает, она сбежала от тебя и — недели не прошло — спуталась с Эс. Так как ты мог поверить в такую глупость?

— Дело в том, Джил, что теперь я знаю не только то, что она делала, хотя и это тоже, но и что она при этом чувствовала. Всё, что она сделала после нашего расставания, она сделала назло мне. И не было ни дня, чтобы она обо мне не думала. И что меня поразило ещё больше, Джил, она сбежала от меня не потому, что была обижена, и не потому, что не видела никакой возможности меня простить, причина была прямо противоположной: её отношение ко мне никак не изменилось, и это настолько противоречило её убеждениям, что…

— Ладно, не продолжай, я поняла, — сказала Джил, отхлебнув на этот раз прямо из бутылки. — Я не буду в очередной раз говорить тебе, что ты принимаешь желаемое за действительное, что всё это нонсенс, нет. Ты же меня всё равно не послушаешь. Вот только объясни мне, ну какое всё это теперь имеет значение? Вообще какая разница, что она там когда-то думала? Твоя Эмри — озлобленная бешеная стерва, которая только и ждёт, как бы от тебя избавиться. Тебе должно быть плевать, что у неё в душе, хотя бы потому, что это ну никак, совершенно никак не влияет на её поступки. Той Эмри, в которую ты почему-то веришь, просто не существует.

Гений снова вздохнул.

— Хотел бы я, чтоб ты была права. Но к огромному несчастью, никакой другой Эмри не существует. И чем больше

времени она без внешней памяти, тем хуже, потому что это не я и не А-17 — угроза для неё. Самая большая угроза для неё — это она сама.

XXXIII

— Вы знаете, я даже не буду особенно комментировать моё решение, — с недовольным видом объявил пожилой мужчина из образовательного отдела. — Я не знаю, что мы тут так долго обсуждаем. Это выступление абсолютно того не стоит: просто собрание досужих измышлений. Ноль научности, ноль анализа, ноль оригинальных фактов. Мы хотим услышать от кандидатов что-то новое, свежее, меняющее взгляд на вещи и, уж во всяком случае, что-то большее, чем пересказ пропагандистских антиглобалистских листовок. В интеллектуальном плане выступление, извините меня, убого. Эта девушка живёт в мире, где никогда не было теорий Котэ и Арди, где госпожа Ада Эндрюс так и не выпустила свою «Смерть корпоративного мира» и та не разошлась миллионным тиражом. Мне, честно говоря, тяжело смириться с тем, что на смену нам приходит поколение, лишённое способности к анализу, потерявшееся в бесконечном потоке информационного мусора и не умеющее отделять зёрна от плевел, идущее на поводу у агитаторов и манипуляторов. Всё что угодно, лишь бы не мыслить самостоятельно! Вот что пугает современного человека. Ну а меня пугает эта тенденция. Как вы понимаете, я голосую против, спасибо.

— Какие вы все злые, — сказал Мелджен. — Это хоть не так скучно было, как та нанотрубка: я чуть, блин, не уснул.

Роулс посмотрел на него с нескрываемой насмешкой, но промолчал.

— Мы уже заметили, что в MJ наблюдаются проблемы со свободой слова, — вмешался до этого отмалчивавшийся эксперт комитета с кустистыми бровями и желтоватым отливом кожи. — Со всем уважением, интеллектуальный снобизм и придирки к формату со стороны представителей корпорации — это абсолютно не comme il faut. Комитет, безусловно, поддержит девушку, не может быть никаких вопросов. За.

Представитель технического отдела, воспользовавшись повисшей паузой, выразил своё возмущение:

— Свобода слова? Уж не путаете ли вы нас с кем-то? MJ — частная независимая компания. Мы можем отказывать кандидатам по причине их несоответствия внутренним требованиям. И пожалуйста, не путайте свободу слова с откровенной глупостью. Да и к тому же, как вы видите, мнения разделились и среди представителей корпорации. Или свобода слова, по-вашему, непременно означает, что должна победить ваша точка зрения? Мы в MJ понимаем её иначе.

Мелджен и возмущавшийся эксперт комитета посмотрели на Роулса, намекая тем самым, что пора бы и ему уже проголосовать и не тянуть резину. Несмотря на возникшую пикировку, теперь всё было уже понятно: четыре «за» и четыре «против» вместе с голосом Роулса безусловно означали принятие Эмри в штат стажёров.

— А, вы меня ждёте? — Роулс улыбнулся. — Ну, в комитете тоже есть свобода слова. И понимаем мы её точно так же, как и вы, не переживайте. В общем, извините, что привлёк к себе столько внимания и дотянул до последнего, — я голосую против.

— Ну спасибо, друг, — Мелджен рассмеялся, — умеешь поддержать.

Коллеги по комитету посмотрели на младшего эксперта Роулса с таким видом, будто он только что заявил о переходе на службу в MJ.

— Так что, это была последняя копия? — спросила Эмри, взяв из рук Моррвана кофе.

— По списку — да, но с A-17 всё без изменений. И что с сигналом, тоже неясно. Вообще, я пришёл по просьбе Сонцев. Ты уверена, что тебе нужно быть сейчас одной? Мы все волнуемся. Может, мы можем как-то помочь?

— Только если у вас есть идеи, как исправить положение. Потому что я до сих пор так и не придумала.

Он развёл руками.

— Не кори себя слишком. Мы проиграли, пора это признать. Это наша общая ошибка, что мы настолько доверяли Роулсу. Никто не будет обвинять тебя лично, Эм. Да и как ему было не доверять: с его репутацией и заслугами? Столько лет…

— Послушай, — начала Эмри, но почувствовала, что продолжение фразы от неё ускользнуло, и замолчала на какое-то время, собираясь с мыслями, — ведь это нас не оправдывает. И не снимает с нас ответственности. Я не хочу верить в то, что выхода нет. Но я хочу сказать ещё вот что: я должна немедленно передать управление операцией.

— В чём дело? Ты ведь ещё вполне в себе, Эм, — насторожился Моррван. — Или нет?

Ему показалось, что она побледнела.

— Это не то, что я думала, Мор, и дело не в том, что я теряю способность соображать и глупею. Я… кажется, я становлюсь другим человеком, вот примерно такие у меня ощущения. Я не имею права больше управлять, это невозможно. Позови Сонцев, пожалуйста. Я должна ввести её в курс всех технических моментов, связанных с A-17, пока я хоть это могу. И я хотела бы после этого, чтобы вы меня где-нибудь закрыли. То есть… я хочу

сказать… чтоб меня никто не видел.

Эмри понимала, что её время ушло, а она ничего так и не придумала. С тем же успехом она могла бы не вытаскивать свою внешнюю память и попасть под А-17, причём этот вариант был лучше во всех возможных отношениях.

Когда он вышел, Эмри приняла очередной звонок. Жизнь без внешней памяти была неудобна ещё и тем, что теперь для того, чтоб быть на связи, она должна была всё время сидеть у этого проклятого экрана, и бездействие сводило её с ума.

— Здравствуй, Эмри, — сказал ей голос с той стороны линии. Голос, который она, разумеется, узнала.

— Что ты хотел? — спросила она, прислушиваясь к фоновым шумам. Где скрывался Гений, она так и не выяснила.

— Я, э… очень хочу, чтоб ты единственный раз в жизни меня послушала и вернула на место внешнюю память. Пожалуйста.

— Ага, так ты всё-таки контролируешь А-17, — равнодушно заметила она, — ну, как я и предполагала. Правда, не знаю, почему ты не помешал мне…

— Пожалуйста, послушай же ты меня: верни на место память. Сделай это немедленно. Я не буду тебе мешать, я обещаю, что не применю А-17 к тебе. Я сделаю всё, что ты скажешь. Прошу тебя.

Эмри усмехнулась.

— Да я уже сбилась со счёту, сколько раз ты нарушал свои обещания, — ответила она. — Было ли хоть одно, которое ты не нарушил? А, ведь я уже не помню. Да и что за стратегия такая — упрашивать меня? К чему всё это? Шантаж работает куда лучше. Так что можешь не унижаться: я и без внешней памяти сделаю то, чего вы с Роулсом от меня хотите, потому что копия А-17 у него уже есть и он наверняка спрятал её за пределами сектора. То, что я выдам ему тебя, уже принципиально ничего не изменит.

— У него нет копии, это точно.

— Вот как, — в её голосе впервые прозвучало лёгкое удивление. Впрочем, Эмри уже не могла понять, что это меняет. Она в молчаливой задумчивости разглядывала собственные руки.

— Я прошу тебя вовсе не поэтому, — сказал он, — а потому что я переживаю за тебя.

— Вот как? — повторила она уже с другой, более вопросительной интонацией. — Ну, ты прекрасно знаешь, почему я никогда не сделаю того, о чём ты меня просишь.

— Хочешь, я приду к тебе? Что я могу ещё сделать, чтобы ты мне поверила?

Эмри подумала, что, должно быть, логика совсем ей изменила, раз она не видит связи между его появлением и своим недоверием.

— Лучше скажи, где ты, — ответила она, подумав, что это, наверно, будет последней хитростью, которую она сможет провернуть.

Гений долго молчал, глядя на то, как Джил отчаянно рисует в воздухе руками огромный крест.

— Не хочешь говорить? Что ж, очень жаль, — с наигранной грустью в голосе сказала Эмри. — Звони, если надумаешь.

— Ты что, вообще никогда с женщинами не общался? — зашипела на него Джил, когда Эмри отключилась. — Что это был за детский лепет? Вот Эс бы на твоём месте…

— О, ну хорошо, что он не на моём месте. И ещё лучше, что я не на его месте.

— Ладно, ты не так уж безнадёжен, признаю, — сказала она, перестав смеяться.

Она встала и прошла несколько шагов с бутылкой в руках.

— Представь, что вы наедине. Я даже сейчас уйду, чтоб не мешать. Ну вот как вы общаетесь наедине? Как ты называешь её? — Джил махнула свободной рукой, увидев отчаянное непонимание в его глазах. — Да скажи ты ей просто, что ты её любишь, и то будет лучше, чем то, что я сейчас слышала. Но вообще, учитывая твои способности к убеждению… Может, всё-таки задумаешься над небольшой военной операцией по принуждению к возвращению памяти? Цель всё-таки иногда оправдывает средства…

— Слишком опасно, — Гений отрицательно покачал головой. — Я буду пытаться уговорить её. Надеюсь, мне хватит времени.

XXXIV

Происходящее было абсолютно возмутительно. «Ты так решительно настроен испортить мне настроение? — хотелось ей спросить. — Ты настолько сошёл с ума, что готов помешать моим планам и затащить меня домой? Может, ещё в паранджу меня завернёшь?»

В последние несколько дней он как будто взбесился. Гений не понимал или не хотел понимать, что все над ним смеются, что он выглядит глупо со своей беспричинной ревностью, что Эмри может разговаривать и танцевать с кем угодно, ей не нужно на это его разрешение.

— По какому праву ты увёл меня с праздника? Кто ты вообще такой, чтобы так со мной поступать? — громко спросила она, остановившись и вырвав локоть из его руки.

При этом её золотистое платье, сплетённое из крупных звеньев на манер кольчуги, издало шелестящий звук. Это платье, по его мнению, было слишком откровенным и совершенно непригодным для официальных мероприятий, но разве её волновало его мнение? «Ты считаешь меня частной собственностью, вот причина всех твоих недовольств», — повторяла она про себя.

И так оно и было, именно так оно и было, Гений готов был это подтвердить. Его сводила с ума сама мысль о том, что Эмри уйдёт. Он видел, что безразличен ей, что она ищет чего-то другого, и тем сильнее был его страх, тем большую угрозу он видел в других мужчинах, с которыми она общалась: он не понимал, что именно надо делать, а они понимали. Они и Эмри были объединены общей тайной социального протокола, в которую он не был посвящён. Эта неясная и постоянно ощущаемая угроза, казалось, уничтожила всё хорошее, что между ними когда-то было, и теперь даже он сам готов был признать, хоть это и было бесконечно грустно, что Эмри больше ему не друг, не человек, которому он мог когда-то доверять, она — вещь, без которой он не представляет себе дальнейшей жизни, вещь, в любимости с которой не сравнится ни одно из его изобретений.

«Как мы уничтожили что-то настолько идеальное, как наши чувства? — спросила себя Эмри. — И может быть, ты прав: это не мы, а общество, которое давило на нас? Но до какой же степени надо отрицать свободную волю, чтобы с этим согласиться?»

— Почему ты так себя со мной ведёшь? — спросила она, но гораздо мягче. — Я не хочу, чтоб ты меня ревновал. Если я в чём-то виновата, прости меня.

И поскольку Гений так и стоял посреди прихожей с выражением крайнего неудовольствия на лице, она вернулась к нему и, забыв о своём возмущении, поцеловала его.

— *Ага, конечно, именно так всё и было*, — вмешалась неизвестно откуда взявшаяся Эмри номер два. За ней было неоспоримое преимущество: во-первых, она была в два раза моложе, во-вторых, куда реальнее. Тогда как Эмри номер один была нелепой фантазией, Эмри номер два существовала в действительности, пусть и восемнадцать лет тому назад.

— Ты наглое, неблагодарное ничтожество, — сказала Эмри номер два, обращаясь к Гению. — Я пытаюсь заставить других уважать тебя, а ты делаешь посмешищем и себя, и меня заодно. Всё, что ты можешь, — страдать и выкидывать несусветные глупости. Ты думаешь, что чем-то отличаешься от тех, других людей из корпорации? Разве что в худшую сторону. Ты просто не можешь получить всё, чего хочешь, а они могут. В остальном ты точно такой же: ты уверен, что я тебе принадлежу. А я никогда и ничего тебе не обещала, ясно тебе?

— Знаешь, почему ты никогда не нравилась мне, Эмри? — спросил так же из ниоткуда появившийся Роулс. — Я всегда презирал тебя настолько, что даже мысль об интрижке с тобой была мне противна. Ты просто пешка, которую я двигал по доске, жалкое безвольное существо, погрязшее в своих заблуждениях. Ты думаешь, тебя направляли собственные желания и убеждения? О, ну теперь-то ты видишь, что это не так.

— Так это ты проголосовал против меня на экзамене в MJ? — спросила Эмри номер один.

— Да ты ещё и не слишком умна. Откуда мне знать? Я всего лишь плод твоего воображения, — ответил он с нескрываемым удовольствием, после чего продолжил: — Ты думаешь, ты правда сама выбрала себе мужа, Эмри? Как думаешь, Эс обратил бы на тебя внимание, если б я ему не подсказал? А может быть, ты считаешь, что любила свою семью? Какая глупость с твоей стороны: у такой марионетки, как ты, просто не может быть никаких чувств. Разве что необходимость сохранить лицо — вот и всё, что тебя волнует.

Эмри номер два, которая, как и воображаемый Роулс, почему-то оказалась вдруг чуть ли не в два раза выше Эмри номер один, ухмыльнулась и подошла к Роулсу, а тот обнял её за плечи. Они переглянулись.

Несуществующая Эмри номер один тоже почему-то изменила пропорции и прижалась к воображаемому Гению, который закрыл её левой стороной своего пиджака так, будто это могло спасти их обоих от неминуемой развязки.

— Эмри, что с тобой? — она очнулась от того, что Сонцев трясла её за плечи.

— Надеюсь, ты о плане действий так задумалась, — сказал Моррван.

— Ага, почти, — ответила ему Эмри, до сих пор находящаяся под властью безумной галлюцинации.

— С тобой уже минут пять Роулс пытается связаться, — объявила ей Сонцев.

— Нет, я не хочу, — Эмри испуганно замахала руками. — Я больше не в состоянии. Я не могу больше управлять операцией. Делайте, что считаете нужным.

— Хорошо, — Сонцев посмотрела на неё с нескрываемой тревогой и тут же включила экран.

— Сонцев? — удивился Роулс. — Не ожидал тебя увидеть. А где же ваш новый исполняющий обязанности? Или с обязанностями уже не справляется?

— Тут я, — Эмри повернулась лицом к экрану.

— Очень хорошо, — Роулс улыбнулся. — Хотел передать тебе привет. Впрочем, лучше она сама это сделает.

— Да чтоб тебя! — Моррван выругался, глядя на появившуюся в кадре и помахавшую им рукой Анну. — Сколько можно, Джим? Это уже слишком.

— Да ничего такого, просто решил перестраховаться.

— И взял дочь Эмри в заложники? Ты просто чудовище, Роулс, — воскликнул Моррван.

Анна, впрочем, выглядела уж слишком довольной для заложницы. На лице её красовалась широкая улыбка, она сидела в кресле, закинув ногу на ногу, и наматывала на пальцы правой руки одну из длинных металлических цепей на шее.

— Как грубо, — Роулс коротко рассмеялся. — Я не стал бы называть это так. Просто хочу, чтоб у вас, а в частности у вашего нового председателя, не осталось никакого выбора, кроме правильного. Устроим справедливый обмен: она мне — Гения, я ей — её любимую дочь. Так что я сажаю самолёт.

— Ну, знаешь ли, Джим, это запрещённый приём, — возмутилась Сонцев.

Сонцев впервые за весь разговор посмотрела на Эмри, которая, казалось, впала в оцепенение: она сидела и широко открытыми глазами таращилась на стену. «Слава богу, она так вовремя сложила с себя полномочия», — подумала Сонцев и приготовилась продолжить свой ответ.

Но Эмри внезапно очнулась и встала с неудобного стула, встретившись взглядом с видеоверсией бывшего председателя.

— А теперь послушай меня, Джим Роулс, — сказала она

угрожающе спокойно. — Ты думаешь, ты такой умный, ты всех нас переиграл? Я говорю тебе на полном серьёзе: только попробуй посадить свой самолёт на территории MJ или Третьего сектора — и я собью его. Лично. Ты больше не смеешь говорить нам, что делать, ясно тебе? Время твоих манипуляций и твоего шантажа закончилось, у меня лопнуло терпение. Я клянусь тебе: твоя смерть будет максимально мучительной.

Морврван и Сонцев испуганно посмотрели друг на друга.

— Сажай самолёт, Роулс, — сказала Сонцев. — Она больше не управляет операцией. Мы гарантируем тебе безопасность и выполним все твои требования.

XXXV

— Что на тебя нашло? — Сонцев посмотрела на разъярённую Эмри с ещё большим недоумением и испугом, чем прежде.

— Чего ты пытаешься добиться? — спросил её Моррван. — Ведь мы, кажется, договорились выполнить все его требования за неимением лучшего выхода из ситуации.

— Я уничтожу его, — себе под нос проговорила Эмри, игнорируя их вопросы. — Вы слышали, что он сказал? Что мне не жаль собственную дочь, потому что у меня есть ещё одна. Каково, а? Я клянусь, я взорву его самолёт и отправлю его прямо в ад, где ему самое место.

— Да что на тебя нашло? Опомнись! — Моррван повысил голос. — Эмри, ты действительно не в себе, и ты очень правильно сделала, что передала управление. Ты понимаешь, что сейчас пытаешься сделать его обвинения в твой адрес справедливыми? Ты понимаешь, что хочешь сбить самолёт вместе с собственной дочерью? И чего ради? Свободный мир это уже не спасёт. Мы проиграли, Эмри, так хотя бы веди себя по-человечески.

— По-человечески? — тихо переспросила его Эмри. — Как это? Может быть, так, как моя дочь? Может быть, так, как её папаша?

— Как ты можешь такое говорить, — Сонцев приложила ладонь ко рту, как будто это она сама сказала что-то настолько неприемлемое.

Но Эмри вовсе не собиралась останавливаться.

— Вы только на неё посмотрите, она — невинная жертва, серьёзно? Она шантажирует меня, совершенно не испытывая никакого стыда за это.

— Эмри, она ребёнок, — возразила Сонцев. — Она обижена на тебя и, вероятно, не понимает, что делает.

— Она твоя дочь, — ошарашенно добавил Моррван. — Ты просто спятила. Это всё из-за памяти…

— В самом деле? — Эмри прервала его настолько резко, что он вздрогнул. — А может, это вы все спятили и пошли на поводу у Роулса? Я передумала, вы слышали? Я собью этот чёртов самолёт, и, если надо будет, я весь Второй сектор вместе со всеми собравшимися там политиками, главами секторов превращу в руины. Если за свободный мир надо будет сражаться — мы будем сражаться. Если кто-то не захочет отказаться от оружия добровольно — мы его заставим. Мы обратимся к организациям освобождения по всему миру… Мы не проиграли, пока у Роулса нет копии А-17. Вы поняли меня?

— Эмри, ты член Комитета по этике, — тихо заметила Сонцев, — веди себя, пожалуйста, соответственно.

— Соответственно? Как это? Ничего не делать, как вы все? Если это значит быть членом комитета, я не хочу больше им быть! Хотя вы ведь не просто ничего не делаете, вы способствуете распространению информационного оружия, это вы понимаете? Это хуже бездействия.

— Если ты сейчас же не прекратишь кричать, нам придётся выполнить твою просьбу и закрыть тебя где-нибудь, — пообещал Моррван.

— Эмри, послушай, — Сонцев кашлянула и продолжила, — ведь мы действуем так не потому что боимся и не потому что не понимаем, что наш выбор неэтичен.

— Вы поступаете так, потому что Роулс вами помыкает, вот почему. Он создаёт иллюзию того, что нет никакого иного выбора, кроме предложенного им, а вы ему верите.

— Нет, Эмри, мы понимаем, что другой выход тут есть, — не согласилась с ней Сонцев. — Но между мирным распространением информационного оружия и военным конфликтом, в ходе которого это произойдёт так или иначе, мы выбираем первый вариант, поскольку он, безусловно, является меньшим злом. Ты сейчас слишком увлечена своими эмоциями, своим гневом и отчаянием, и это мешает тебе принять правильное решение. Ты сейчас готова жизнь на Земле уничтожить, лишь бы Роулсу отомстить, и тебя можно понять. Я не знаю, каково это — быть на твоём месте, но будь же благоразумна. Тогда нам… не придётся применять к тебе никаких мер. Пойми же нас, у нас своя правда.

— Тогда у вас какая-то очень жалкая и трусливая правда, — ответила ей Эмри и села на один из стульев, стоящих у овального стола. — Я не хочу иметь с вами ничего общего. Знаете, даже идеи Роулса внушают мне больше уважения, чем ваши. Если б он не был таким отвратительным скользким типом, думающим, что ему что угодно сойдёт с рук, да, пожалуй, я бы по-прежнему его уважала, хотя всё равно никогда не поддержала бы эти его… идеи.

— Извини меня, — виновато сказал Моррван, — мы, правда, должны тебя, э… оставить где-нибудь одну на время. Пойдём.

— Ах, вот как вы это называете? Да пожалуйста, я не буду сопротивляться, — Эмри усмехнулась, подумав о том, что теперь, когда она, вытащив память, осталась без своих знаменитых суперсил, она не сможет сопротивляться при всём желании. Впрочем, она вспомнила, что в кармане у неё лежал пистолет, который она взяла с собой, отправляясь в технический отдел…

— Сдай оружие, пожалуйста, — Моррван протянул руку. — Почему ты, кстати, так им и не воспользовалась?

— Не воспользовалась? — непонимающе переспросила Эмри, вложив пистолет в его ладонь. — Я что, собиралась кого-то убить?

— Ну, не то чтобы собиралась, но Эмри, куда делся Меженов? Куда он пошёл? Это сейчас очень важно, сосредоточься, — попросила её Сонцев.

— А, понятия не имею, — задумчиво ответила Эмри, выходя из комнаты вслед за Моррваном.

— Так что, ты придумала, как нам найти его? — пять минут спустя спросил у Сонцев вернувшийся уже в одиночку Моррван.

— Никак, — ответила она. — Думаю, он сам нам позвонит. Или не нам, а Эмри, но какая разница? Я слышала, он совсем не говорит и не понимает по-английски. Позвала ту девушку, которая всё к нам заходила, на всякий случай.

— Странно, правда? Как можно не понимать? Даже я уже наловчился и все разговоры на русском разбираю, ну, процентов восемьдесят точно. И объясниться наверняка бы смог. Электронный перевод всё же — великая вещь. Уж Меженов-то мог бы что-нибудь изобрести, чтоб сделать его лучше.

— Я думаю, всё он прекрасно понимает, — Сонцев с улыбкой посмотрела на Моррвана. — Просто набивает себе цену.

— Ну я уже точно освоил некоторые полезные выражения, — сказал он, добавив на русском: — «А-семнадцать».

— Не похоже, — Сонцев поморщилась, — произношение.

— А ты никогда не задумывалась, почему такое большое число? Что, до этого было шестнадцать прототипов?

— Может быть, это не порядковый номер, — начала было она, но закончить ей не дал входящий вызов.

Моррван выглянул за дверь и позвал стоящую там девушку.

— Где Эмри? — спросил Гений, тревожно разглядывая сидящую перед ним делегацию, в которой была, в том числе, и одна из его сотрудниц.

Джил, с досадой обнаружив, что её план по соблазнению не на ком применять, тоже влезла в кадр.

— Ну говорите уже, куда вы её дели, — недовольно сказала она.

— С ней всё в полном порядке, — поспешила заверить их Сонцев. — Эмри добровольно отстранилась от операции и теперь всем управляем мы. Так вот…

— Я хочу с ней поговорить. Немедленно, — Гений не дал девушке допереводить. — Или же я прекращу разговор с вами.

— Она не хотела с вами общаться, — вмешался Моррван.

— Послушайте, через пятнадцать минут в аэропорту вас

будет ждать Роулс, — вновь попыталась заговорить о деле Сонцев.

— Мы что, настолько тупые, по-вашему? — возмутилась Джил, от удивления выдав довольно приличный английский. — Во-первых, я хочу сказать: он никуда не полетит. Во-вторых, даже если бы и полетел, вы серьёзно считаете, что он пошёл бы в названное вами место? Самая глупая, э… ловушка, которую я только видела.

— Отключаемся? — спросил её Гений.

— Постойте! — крикнул Моррван по-русски, что заставило Джил улыбнуться. — Это важно. Это касается Эмри.

— Дело в том, что Роулс взял в заложники её дочь, — сообщила Сонцев. — И мы обещали устроить обмен.

— Исключено, — отрезала Джил, — мы на это…

— Да помолчишь ты уже или нет? — раздражённо прервал её Гений. — Дослушай, что они хотят сказать.

Джил высунула язык и передразнила его, но Гений не обратил на это внимания.

— Так вот: вы заходите в самолёт, а Анна тут же выходит, после чего вы с Роулсом покидаете территорию MJ.

— Тупой план, — сказала Джил, но, поймав на себе очередной недовольный взгляд Гения, прикусила язык.

— Хорошо, я всё сделаю, — согласился, несмотря на шумное недовольство Джил, Гений. — Но у меня есть условие: вы немедленно вернёте Эмри внешнюю память. Тут же, при мне.

— Видите ли, — ответил ему Моррван, — она очень просила, чтоб мы ни в коем случае этого не делали.

— Тогда я отказываюсь выполнять то, чего вы от меня хотите.

— Нет, подождите, — Сонцев подняла руку, пытаясь привлечь его внимание и заставить не отключаться. — Это всё была просто информация к сведению. Мы выполним просьбу, только едва ли Эмри будет от этого в восторге.

— Ну так заставьте её, усыпите её, избейте, свяжите, в чём проблема? — недовольно поинтересовалась Джил.

— Пожалуйста, осторожнее, — попросил Гений. — Мои сотрудники вам помогут. Я свяжусь с вами через несколько минут.

Он выключил связь и, разумеется, тут же пополнил свой запас нецензурной лексики благодаря реакции Джил.

— Да успокойся ты уже, — сказал он, дослушав её бессмысленную тираду. — Я знаю, что делаю.

— О, да неужели? — она демонстративно рассмеялась.

XXXVI

— И как ты ещё не догадалась? — спросил Гений. Вместе с Джил они спускались в подземный гараж.

— Я тебе что, блин, инженер? — Джил недовольно пожала плечами. — Вообще понятия не имела, что так можно. Почему ты раньше этого не сделал, раз это так просто?

— Ну, потому что я, как и все остальные, не имел права выносить копии А-17 из отдела. А теперь мне некому запретить.

— Я, может, совсем ничего не понимаю, но твоя внешка, должно быть, лет сорок назад выпущена? Как ты умудрился записать на неё все базы данных А-17?

Гений рассмеялся.

— Ты всё не так поняла. Я не на неё записал, а поменял её на более современный носитель. Это не просто копия базы данных, это центр управления.

— Подожди-подожди, — Джил посмотрела на него с абсолютным непониманием в глазах, — но ведь так никто не делает, это опасно. Знаешь Алекса из отдела маркетинга?

— Нет, — ответил ей Гений, который, признаться честно, не знал из отдела маркетинга вообще никого.

— Вот он сказал мне, что был лет пятнадцать назад какой-то известный несчастный случай с техническими специалистами, которые из Одиннадцатого сектора в Первый переехали и по условиям контракта должны были перезаписать данные на внешки местных моделей, чтоб Одиннадцатый, значит, не мог собирать с них данные, но что-то пошло не так, и они спятили. Он мне сказал, что из-за этого вот корпорации неохотно берут специалистов из других, особенно близко расположенных секторов и внешнюю память не вытаскивают и не меняют. Так к чему это я? А, он мне соврал или он просто тупой?

— Да нет, в принципе он прав. Так действительно никто не делает. Но дело в том, Джил, что я не совсем такой, как все…

— Это я уже поняла, — саркастически заметила Джил.

— У меня, э… всегда были сложные отношения с внешней памятью. Дело в том, что она просто была мне не нужна, и я так толком и не научился её применять. Что-то я освоил, конечно, сообщения по работе отправлял, например, но в целом я был исключён из того взаимодействия, которое для всех остальных было естественным: в виртуальной реальности я всегда чувствовал себя неловко и не совсем понимал, что вокруг меня происходит. Может быть, поэтому у меня всегда были проблемы с близким общением. В том числе я так и не освоил систему

навигации и вещи наподобие электронного перевода. В отделе на это всегда смотрели как на заскок. Ну так оно, наверно, и есть…

— И снова я ничего не поняла, — резюмировала Джил, открыв последнюю дверь в гараж. — Что значит «она была мне не нужна», это как вообще?

— Ты не понимаешь? — удивился он. — У меня феноменальная биологическая память. Это, ну… врождённое отклонение. То есть… я не хочу сказать, что я совсем ничего не забываю, в строго научном смысле моя биологическая память уступает интегрированной последнего поколения. Но у меня, как видишь, есть важное в наше время преимущество: никакое информационное оружие на меня не подействует, потому что все мои воспоминания биологические. Хотя преимущество для моего положения весьма относительное: я бы с удовольствием перепрограммировал свою внешку и был бы куда менее несчастен…

— О, ну хватит уже ныть, — Джил разблокировала один из аэромобилей. — Другой бы на твоём месте радовался: ты же внезапно оказался чуть ли не единственным нормальным человеком на Земле. Я бы многое отдала за то, чтоб не быть роботом. А тебе просто повезло.

— У всего есть своя цена, Джил. Словом «повезло» бы я это не назвал.

— Какой же ты нытик, ну просто невероятно! Садись в машину, — она дождалась, пока за ними опустится дверь. — Ты думаешь, что никому не нужен, потому что ты странный? Ха. Дай угадаю: ты ведь никуда не ходишь и ни с кем не общаешься, всё именно настолько просто. Ты ведь даже не пытался ни разу ни друзей завести, ни девушку, а убивался всё время по своей дурацкой Эмри. Жаль, что ты со мной раньше не познакомился. Я бы открыла тебе глаза. И это… я знаю, что ты сейчас будешь психовать, но моё предложение всё ещё в силе: найдём тебе новую жену вообще без проблем. Я тебя уверяю.

— Ты можешь хоть теперь уже уняться? — спросил он, но таким безразличным тоном, как будто это было пустой формальностью, проявлением специфической, устоявшейся в их отношениях вежливости.

— Не могу, — сказала она. — Тебя же убьют сейчас, я должна очистить совесть. И может, ты всё-таки перепишешь сначала всё на меня, а? А то опять моя корпорация… Нет, ну я, конечно, рада, что ты решил покончить с собой, просто замечательно…

— Неправда, — заметил Гений.

— Ну да, неправда, — она вздохнула. — Ты не такой уж плохой человек. Мне тебя жаль.

Если б у Эмри был выбор, она бы предпочла не просыпаться. Уж во всяком случае не сейчас. «Впрочем, какая теперь разница?» — подумала она и снова закрыла глаза. Ощутила ли она как-то возвращение внешней памяти? Приступ ярости прошёл, но мысли и чувства её поменялись не столь радикально, как того можно было ожидать.

«Счастье, — подумала она, — вовсе не в том, чтобы взаимно любить или делать что-то важное. Настоящее счастье — это неведение. И чем оно глубже, тем лучше». Неведение было лучшим вариантом в любой из ситуаций: Эмри, конечно, предпочла бы не знать о том, насколько неразборчив в средствах Эс, как и о том, что собственная дочь может так легко пойти против неё, разом перечеркнув всё доверие, всю близость, что между ними когда-то были. И самое ужасное, что она поняла: все они были совершенно правы, а она нет.

Она ошиблась во всём, и именно её ошибки, а не действия Роулса и не трусость тех, кто пришёл ему на смену, послужили причиной всего, что пошло не так. Если б не она, мир никогда бы не увидел применения А-17, Эс был бы жив, а Анна не ненавидела бы её теперь.

И чем больше Эмри приходила в себя, тем очевиднее становился для неё принцип действия информационного оружия, под влияние которого она по нелепой случайности так и не попала. А-17, конечно, не делало из одного человека совершенно другого, оно скорее оперировало множественными версиями личности, незримо существующими в каждом. И хотя рационально ей было не из чего вывести это положение, она чувствовала, что это именно так.

И вот что было гораздо нелепее: то, что она сделала с собой, оказалось хуже попадания под А-17: оружие превратило бы её в очередную версию-самозаблуждение, приятную и милую Эмри (вероятно, домохозяйку, ну или что там ещё могло прийти в голову Гению из неё слепить?), извлечение внешней памяти означало свидание с самой собой. И свидание это внезапно оказалось пренеприятнейшим.

Она внезапно оказалась лишена возможности сказать «это не я». А теперь, придя в себя, она столь же внезапно обнаружила, что каждый, буквально каждый раз, когда ей приходилось решить, как поступить, она, будучи в здравом уме и памяти, совершала наименее удачный выбор из имеющихся. И конечно, уже не будучи в здравом уме и памяти, она тоже выбрала худшее из возможного. Что за уникальный, статистически невероятный дар ошибаться во всём? Логически мотивировать каждый шаг — и тем не менее ошибаться.

Эмри не верила, что всё, что происходит, — к лучшему. Это успокоение годилось разве что для совсем недалёких людей, хотя бы потому, что почти всё лучшее относительно. Почти всё, потому что неведение, неточное представление о ситуации — чуть ли не всегда более счастливый вариант. И тем парадоксальнее то, с каким рвением люди стремятся разрушить это неведение.

Чудесное А-17, которое избавит мир от страданий, порождённых свободной волей, не только скроет от людей их эгоистичную, неэффективную и, если вдруг вы склонны к библейским эпитетам, порочную сущность; оно сделает гораздо больше — уничтожит все проявления этой сущности. Как когда-то рыночная экономика оказалась эффективнее других форм, как корпорации выжили из истории государства, так и информационное оружие, А-17 ли или любая другая его разновидность, несомненно, уничтожит всё зло, недоверие и непонимание, существующие между людьми. Потому что зло неэффективно и бессмысленно, потому что люди сами по себе нерациональны и, наконец, потому что без этого человечество рано или поздно уничтожит само себя.

Если Эмри была злодеем, то это было какое-то несчастное и бессмысленное злодейство: она способствовала применению и распространению А-17, не защитила Эс, испортила отношения с дочерью. Её не слишком волновало то, что она осталась в сплошном минусе, лишь по той простой причине, что Эмри знала: скоро её страдания закончатся.

Конец свободного мира, как бы невозможно это ни звучало, означал, что сбудется её заветное желание: она больше не сможет ошибаться. О, она понимала, что так озадачило Гения, когда он догадался залезть к ней в голову. Её страхи и желания совпадали до такой степени, что разделить их было уже невозможно. До такой степени, что исполнение желаний означало неминуемое самоуничтожение.

Что ж, она жила в счастливое время: время, когда на место смерти пришёл более изящный способ избавления от страданий. Гений знал, чего она от него ждёт, она была уверена, что он и сам, отойдя от потрясения, пришёл к выводу о том, что единственный хороший выход из ситуации — применить к ней А-17. Теперь он знал её гораздо лучше, чем она знала сама себя. Потому он так уговаривал её вернуть внешнюю память.

И хотя Эмри это уже порядком надоело, она опять ошибалась.

Пока она предвкушала грядущую победу информационного оружия над свободным миром и ждала освобождения себя от ответственности, Гений столкнул вниз по трапу недовольную Анну, передав её в руки ещё более недовольной Джил, вошёл в

салон самолёта и с двух шагов застрелил Роулса, чего последний совершенно не ожидал.

XXXVII

— О, ты даже не сделаешь вид, что удивился?

Джил шумно выдохнула, не сводя глаз с откровенно напуганного молодого эксперта, в руке которого дрожал наставленный на неё пистолет.

— А тебе обязательно, чтоб я лгал? — спросил её Гений, и очень возможно, что голос его прозвучал тревожно оттого, что он тоже был на прицеле у весьма недружелюбно выглядящей женщины азиатской внешности.

«Как я вообще здесь оказался? — подумал он, изо всех сил стараясь не смотреть на убитого Роулса. — Больше, чем оружия и крови, я боюсь только самолётов».

Мысли Джил были в основном нецензурными, но в целом вполне сводились к идее о том, что она заново родилась. «Спасибо Роулсу за то, что был таким самоуверенным козлом, — такова была её вторая более-менее связная мысль. — Переоценил он силу своего убеждения».

— Я те мозги вышибу, — пообещала она, но тут же об этом пожалела, поскольку несчастный белого цвета эксперт затрясся так, что она всерьёз начала опасаться за его палец на курке.

Ситуацию осложняло то, что перед ней сидели, подняв руки, ещё двое таких же парализованных страхом бывших сообщников Роулса, которые, как она полагала, выполнили приказ вовсе не от того, что не имели при себе ничего для самообороны, а просто растерялись, когда она тотчас же вслед за выстрелом вломилась в салон и закричала на них. Она очень опасалась того, что они вдруг передумают и потянутся за оружием, и тогда ей придётся стрелять без вариантов. «С другой стороны, была бы у Роулса нормальная охрана, а не это недоразумение, мы бы сейчас вряд ли тут стояли. Мы бы тут лежали», — подумала она в самоутешение. Впрочем, эти горе-заговорщики всё ещё представляли немалую опасность. Она прекрасно понимала, что если кто-то из них выстрелит и пусть даже промахнётся, результат может быть печален: маленький, почти пустой салон и паршивые маломощные стволы в руках противников вкупе с очевидно отсутствующим у них опытом обращения с оружием могли, во-первых, спровоцировать рикошет, во-вторых, один-единственный выстрел в любом направлении вполне мог привести к тому, что и все прочие также нажали бы на курок. И само собой, Гений, которому было очевидно дурно, не был исключением.

— Давайте без глупостей, — предупредила Джил, делая шаг

назад и сожалея о том, что не может как следует изложить им все свои соображения по поводу ситуации и прочитать краткий курс безопасного обращения с огнестрельным оружием. — Я — лучший стрелок Третьего сектора. Только дёрнетесь — я вас всех положу.

Увы, в последнем она была вовсе не уверена: уж очень неудачно, на противоположных концах салона, расположились вооружённые противники. Джил отступила ещё на шаг к открытой двери самолёта.

— Что мне делать? — полуобморочным тоном спросил её Гений.

— Медленно иди по направлению ко мне, — сквозь зубы процедила Джил, возмущённая его недогадливостью, — и не оборачивайся, бога ради. Спасибо, что хоть А-17 ко мне не применил.

«*Или применил?*» — вдруг с ужасом подумала она, в очередной раз испытав желание выцарапать внешнюю память. Прежде решение влезть в эту невероятно опасную ситуацию казалось ей единственно верным, но вдруг это было не её желание, а навязанное А-17? Теперь она вовсе не была уверена в том, что это решение было для неё лучшим. Да, убийство Гения означало, что в лучшем случае информационное оружие перестанет действовать, в худшем — окажется полностью в распоряжении Эмри и других ещё более бездарных комитетских сволочей. И кто знает, может, и сама Джил тут же попадёт под действие оружия, поскольку они уже распространили его действие на весь сектор, включая корпорацию. Вариант, в котором Гений выживал и, несмотря на убийство Роулса, доставлялся всё же во Второй сектор, казался ей немногим лучше: именно этого она стремилась не допустить любым путём. Добровольно поделиться главной технологией с конкурентами? Прежде Джил сказала бы «лучше сдохнуть», но теперь она поставила это под серьёзное сомнение. «Что на меня нашло?» — спросила себя она.

— Ну и мразь же ты, — громко объявила она, свободной левой рукой схватив Гения за рукав и добавив уже тише: — Слушай меня: по моей команде резко выходишь, выпрыгиваешь или ещё как угодно сваливаешь, понятно?

«Нет, ну надо же, — она не могла перестать возмущаться, — он знал, не мог не знать, что я всё это сделаю. Даже если это не А-17, какая разница? Он вынудил меня подвергнуть себя опасности, уж не случайно же он упомянул, что центр управления А-17 — это он сам. Он в точности знал, какое решение я приму, с того момента, как влез ко мне в голову. И взял меня с собой он

именно поэтому, а вовсе не затем, что надо было Анну задержать. Плевать на неё и ему, и мне».

«Давай», — сказала она, не повышая голоса. Рука Джил не дрогнула, но объяснить это можно было разве что привычкой, закрепившейся у неё на уровне рефлексов. Более жуткого момента в её жизни ещё не было.

В тот момент, когда Гений спиной вперёд с нетипичной для него скоростью отступил за дверь, она сделала то же самое, за исключением того, что всё же повернулась вперёд лицом: если б кто-то теперь решился в неё выстрелить, помешать этому она бы едва ли смогла.

Внизу, у трапа, их ждала целая толпа из сил безопасности MJ.

«И где все они скрывались?» — промелькнуло в голове у Джил. Она не очень понимала, сколько времени прошло с того момента, как она вбежала в салон самолёта, ей это время показалось вечностью, но в самом деле вряд ли всё продлилось больше нескольких минут.

— Быстрее, они же улетят, — закричала она, практически мгновенно сбежав вниз.

— Где Анна? — как ни в чём не бывало спросил её Гений, оказавшийся внизу ещё быстрее, чем она.

Джил показалось, что она лишилась дара речи. Она испытала непреодолимое желание что-нибудь ему отстрелить. То, что она этого не сделала, можно было объяснить разве что выдержкой, закрепившейся у Джил на уровне рефлексов.

— Интересно, у тебя вообще в принципе нет совести или это плохое подражание Эмри? Как ты мог подвергнуть меня такой опасности?

— Я? — спросил он растерянно. — Ты сама это сделала. Впрочем, я не хочу сказать, что я тебе не благодарен…

— Скажи мне, это A-17? Только скажи.

Гений пожал плечами.

— Думай, как знаешь. Разница, как ты правильно заметила, в этом случае не так велика.

Джил вытаращилась на него, сделав самое страшное выражение лица, которое только могла изобразить.

— Да как ты смел копаться у меня в голове? Насколько надо быть…

— Не трудись, — оборвал её речь он, — я тебя прекрасно понял.

Джил отошла от него, словно бы это что-то меняло.

— Да, я хуже, чем ты обо мне думала, — согласился с её мыслью он, — гораздо хуже.

— Прекрати, — только и смогла сказать она.

— Осталось ли во мне что-то хорошее? Не знаю. Очень может быть, что нет. Совсем ли я лишён способности испытывать благодарность? Тоже не знаю. У тебя слишком сложные вопросы, Джил. Тебе интересно, что плохого ты мне сделала? Начнём, пожалуй, с того, что ты меня обманывала и считала это абсолютно нормальным. Скажи спасибо, что я не применил к тебе А-17 в самом начале, после нашего знакомства. Это было единственным разумным выходом, но я этого не сделал потому же, почему ты сейчас спрятала пистолет. Если можно обойтись без оружия, лучше обойтись. Так я думал раньше. Но я уже далеко не так наивен. Что может быть прекраснее, чем весь сектор под информационным оружием? И даже всю несчастную нашу организацию освобождения, по глупости забредшую в корпорацию, три минуты назад задержали. Уж я не говорю про сверх меры обнаглевших друзей из комитета.

Он замолчал, глядя на то, как гнев на лице Джил сменился растерянностью.

— И всё же, — сказала она, стараясь добиться минимального расхождения между мыслью и словом, — я спасла тебя не просто так. Я пожертвовала собой не из-за тебя, мне безразлично твоё будущее. Но ты обязан найти выход из ситуации. Ведь ты умнее меня, умнее Эмри, Роулса, умнее всех других глав секторов. Заставь их отказаться от оружия. Не передавай им нашу технологию, прошу, должен быть другой выход. Его просто не может не быть, понимаешь? И пообещай мне, если ты и правда способен испытывать хоть минимальную благодарность, что ты сделаешь всё, чтобы этот выход найти.

— Ты знаешь, Джил, — Гений отрицательно покачал головой, — жизнь научила меня не разбрасываться обещаниями. А тебя она должна была, наверно, научить не верить моим. И в мире есть вещи, изменить которые невозможно, как бы ни хотел. Может, ты поймёшь это, когда станешь старше.

Джил явно была не в восторге от последнего аргумента. Как и от всех предыдущих.

— А теперь мне пора идти, — сказал он. — И да, я обещаю тебе сделать всё возможное и не обещаю делать невозможного.

Сказав это, он пошёл прочь, не дожидаясь её ответа, но, отойдя уже на приличное расстояние, обернулся.

— Нет, дочь Эмри можешь не искать, её и так все ищут. Скрыться ей всё равно нереально, так что иди домой.

«Фокусник хренов», — телепатировала Джил.

XXXVIII

Когда Гений вошёл в переговорную, Эмри сидела на столе и задумчиво ковыряла нарукавную нашивку с упитанным и неприлично довольным голубем.

— Что, хочешь, чтоб я поехала с тобой и Роулсом? — спросила она, оторвавшись от своего бессмысленного занятия.

— Нет, ты не угадала, — он подошёл к ней и упёрся ладонями в стол по обе стороны от её ног, — попробуй ещё.

Эмри встретилась с ним взглядом, думая о том, куда теперь ей деть руки. Она пыталась угадать, в каком он настроении, но не могла. Она его не боялась, но неопределённость создавала тягостное, неприятное впечатление.

— Ты сбил самолёт, потому что я этого хотела? — спросила она наконец. — Ведь ты наверняка знал, что я собиралась это сделать, несмотря на то, что Роулс притащил с собой мою дочь. Неужели ты…

— Подожди, — он приложил пальцы к её губам, отчего Эмри захотелось облегчённо выдохнуть, — с твоей дочерью всё в порядке. Она где-то здесь.

Эмри нахмурилась.

— Что значит «где-то здесь»? А что Роулс? Неужели ты копию А-17 ему отдал в обмен на неё?

— Думай ещё, — ответил он и убрал пальцы, хоть и ужасно не хотел этого делать.

Но поскольку с того момента, как Эмри объявилась в Третьем секторе, его желания то и дело оказывались сильнее него, а все попытки сопротивления им рано или поздно заканчивались крахом, он совсем слегка наклонился, чтобы её поцеловать. И если прежде его безмерно удивляло то, с какой готовностью она ему отвечает, теперь этой интриги уже не осталось. Гению было даже несколько жаль утраченного им мучительного ощущения несоответствия между вечно сердитой Эмри, к которой ему страшно было подступиться, и той же самой Эмри, демонстрирующей невиданный энтузиазм во всём, что касалось физической близости. Это была одна из тех вещей, которые он совершенно не понимал и трактовал, как проявление весьма подлой с её стороны хитрости. Она открыто манипулировала его чувствами, всячески показывая своё пренебрежение, и при этом с такой наглостью и самоуверенностью к нему приставала, что это его злило, это заставляло его хотеть её ещё больше, но никак не наталкивало на мысль о том, что она ведёт себя так просто потому, что не представляет никакого иного варианта общения

между ними. Действительно, их грустные отношения с самого начала были лишены нежности, как и любой другой возможности проявить чувства, выходящие за рамки дружеских, и много лет назад договорившись считать их связь взаимовыгодным партнёрством, они задали тем самым очень неудачный тон всем дальнейшим взаимодействиям.

Всё это, конечно, было нездорово и, следовательно, изумительно искушающе, но точное представление о желаниях Эмри, которое никак невозможно было бы получить естественным путём, оказалось гораздо лучше, неожиданно полноценнее. Заворожённый этим переживанием, Гений сосредоточенно убирал с лица Эмри непослушную, мешающую ему прядь волос, падавшую каждый раз, когда она слегка меняла наклон головы, а Эмри нашла наконец место своим рукам у него на спине. Поскольку он едва ли мог прерваться, это сделала она, но не слишком при этом отдалилась.

— Может, ты всё-таки уже расскажешь, что произошло? Где все? Я весь этаж обошла, — спросила она, подумав, что ей, в самом деле, не так уж и интересно это знать.

— Можешь не переживать, в этом корпусе нет никого, — не то насмешливо, не то нетерпеливо ответил он. — Никого опаснее меня.

— Так себе утешение, — заметила Эмри, не догадывающаяся о том, что во всём мире не осталось никого опаснее их двоих.

Он, впервые обратив внимание на то, во что она одета, слегка отстранился и вгляделся в символ комитета на верхней части её рукава.

— Что, тебе не нравится мой голубь? — поинтересовалась она, хитро глядя на Гения из-под полуприкрытых век.

Он отвлёкся от эмблемы и бросил на Эмри гораздо более бесхитростный взгляд. Продолжался этот взгляд не больше доли секунды, потому что Гений тут же переключил внимание на кнопки, которые, как обычно, были наглухо застёгнуты до самого широкого воротника, что, вероятно, было жутко неудобно.

— Да нормальный голубь, — рассеянно ответил он, вспомнив, что она задала вопрос. — Я только никак не могу отделаться от мысли, что это будет самое неэтичное, что глава сектора когда-либо делал с председателем Комитета по этике.

Эмри засмеялась, но продолжался её смех недолго.

— Слышишь? — спросила она, резко отодвинувшись и потянув вверх расстёгнутый им воротник. — Ты же говорил…

Вопрос был глупый, потому что шаги раздались прямо за дверью. Гению как раз хватило времени на то, чтоб обернуться, прежде чем дверь открылась.

— Я же говорил: она где-то здесь, — ответил он, встретившись взглядом с так некстати вошедшей Анной.

«А она умнее, чем я думал, — подумал он, расстроившись, что не догадался о её плане, — она сделала единственное, что могло позволить ей остаться несхваченной: проследовала за мной». Он, разумеется, проложил свою дорогу так, чтобы ни с кем не встретиться. Или правильнее было сказать «разогнал всех со своей дороги»?

— Мне уйти? — спросил он у Эмри, в ответ на что она кивнула.

— Нет, — неожиданно возразила Анна, — сядь. И ты, — добавила она, обратившись к матери.

Дочь Эмри без всякого разрешения прошла в кабинет и, отодвинув для себя стул, села за стол, положив перед собой руки ладонями вниз. Эмри и Гению ничего не оставалось, кроме как последовать её примеру и сесть на стулья напротив.

Анна с пасмурным видом смотрела то на Эмри, то на Гения, скользя пальцами по гладкому столу. «Слышала она наш разговор или нет?» — гадал он, склоняясь к тому, что скорее не слышала. Впрочем, несмотря на довольно неплохую звукоизоляцию, в здании было совершенно пусто и от этого очень тихо. «Интересно, насколько она наблюдательна», — подумал он, пытаясь по траектории взгляда Анны понять, заметила ли она почти на треть расстёгнутую форму Эмри. Выглядело это не слишком вызывающе и не особенно странно, если бы только Эмри не имела дурацкой привычки всегда застёгиваться до конца. Гений внезапно осознал, что при всей своей одержимости, при всём желании, которое он к ней испытывал, так и не понял, что она так усиленно скрывает от окружающих: шея у неё по-прежнему была красивая и гладкая, хотя ему, пожалуй, было всё равно, какая у неё шея, он был предвзят, в связи с чем не слишком-то мог оценить, насколько она испортилась. Он не удержался и воспользовался висевшим молчанием, чтобы искоса посмотреть на сидящую справа от него Эмри и впервые заметить, что она и правда сильно изменилась за восемнадцать с лишним лет разлуки. И ему вдруг стало грустно оттого, что эти изменения были вызваны старением лишь в очень небольшой, даже сомнительной степени. Она делала всё, чтобы быть максимально непохожей на ту возмутительно прекрасную девушку в полупрозрачных платьях, которой он её помнил. И притом, хоть это и казалось ему безумием, Эмри ужасно боялась постареть и утратить с той девушкой всякое сходство. Теперь он чувствовал свою вину за то, что, сжимая её в своих объятиях так много раз с того момента, как она вернулась в сектор, он не обращал никакого внимания на её истощённый вид. Он был

настолько равнодушен к её внешности, что теперь это его самого слегка пугало: он давно должен был поговорить с ней хотя бы о её отношениях с едой. Ему было обидно за себя.

— Так что, — сказала Анна, вырвав его из самоуничижительных рассуждений, — я хочу понимать, почему моя мать решила меня убить, почему она избавлялась от моего отца. Я внимание, — добавила она, отодвинувшись от стола и скрестив руки на груди.

Гений подумал, что она не так плохо говорит по-русски, как ему показалось после встречи с Роулсом, на которой она должна была им переводить. Только теперь он догадался, что, вероятно, Роулс привёз её в качестве переводчицы именно потому, что не думал, что перевод вообще понадобится, а когда это всё же произошло, не захотел потерять лицо перед подчинёнными из комитета.

— Всё не так просто, как ты думаешь, дорогая, — спокойно ответила ей Эмри. — И почему бы нам не поговорить наедине?

— Я не тебя вообще спрашиваю! — неожиданно выкрикнула Анна. — Почему я ещё по-английски не спросила?

Гений посмотрел на неё с непониманием: они за всё время знакомства не перекинулись и парой слов. Ему даже в голову не могло прийти, что дочь Эмри решит его допрашивать.

— Я не очень понимаю, — начал было он.

— Я жду, — грозно оборвала его Анна, — твоё мнение.

«Какое отношение моё мнение имеет к делу?» — не понял он. Но уже начал догадываться. Анна была действительно не глупа: она не захотела выслушивать полуправду от Эмри, потому что уж она-то, как никто другой, знала, что её мать умеет выкручиваться из самых скользких ситуаций. К тому же ей могла просто нравиться идея послушать, как он будет говорить о том, что считает её мать аморальной. А может быть, у неё на уме было их рассорить, это тоже был вполне возможный вариант. Едва ли от дочери Эс стоило ожидать сочувствия их отношениям. Но и Гений вовсе не собирался идти у неё на поводу.

— Хорошо, — ответил он после недолгого раздумья, — я прошу твоего прощения, Анна. Это я во всём виноват, и ты, наверно, обо всём сама уже догадалась. Я применил к твоей матери информационное оружие. Просто потому, что я… я хотел быть счастливым, и это был единственный доступный мне вариант. Видишь ли, я люблю её, а она меня — нет. Я понимаю, что это меня не оправдывает, но поэтому я принял решение расстрелять твоего отца, он мне мешал.

Гений с удивлением отметил, что Анна, до этого не сводившая с него глаз, вдруг переключила своё внимание

на Эмри так, будто его слова вообще не представляли никакой важности. Эмри сидела, прикрыв верхнюю часть лица ладонью. Её локоть стоял на столе, она качала головой.

— И я не хотел становиться заложником Роулса, потому, э… внушил Эмри мысль сбить самолёт, но потом я подумал, что это выходит совсем нехорошо, и, надеюсь, хоть как-то исправил свою ошибку. Я на самом деле не мечтаю, что ты меня простишь, я говорю всё это просто, чтоб ты понимала…

— Как благородно, — прервала его Анна, — и как беспомощно. А ты что скажешь? — наконец обратилась она к матери.

— Это неправда, — подавленно ответила ей Эмри, всё так же качая головой, — конечно, то, что он сказал, — это неправда.

— А это верно отвечено, — удовлетворённо согласилась её дочь. — Я много слышала, как вы с Роулсом обсуждали, что ты вынула память. Этот человек ничего не применял к тебе. Никогда не применял. Исключено, не мог. Так что — правда? Говори.

— Мне действительно было бы комфортнее, если б ты на меня не давила и согласилась поговорить наедине, — ответила ей Эмри, но, не увидев в глазах дочери никакой пощады, продолжила: — Что касается твоего отца, он совершил убийство и понёс за это наказание. Если тебе это важно, ни я, ни он, — она указала на Гения, — никак не способствовали его расстрелу. Я знаю, ты, наверно, не поймёшь меня сейчас, но подумай, зачем твой отец попросил тебя приехать в сектор? Подумал ли он о твоей безопасности?

Анна усмехнулась, а Гений задумался о том, как он вообще мог так долго игнорировать её невероятное сходство с Эс: не только черты лица, цвет волос и глаз, но и манера говорить, смеяться, а также заставлять собеседника чувствовать себя неуютно во время разговора — буквально всё выдавало в ней отца. Гению показалось любопытным то, что внешне Анна не была похожа на мать практически ничем. Хотя сейчас ей было примерно столько же, сколько Эмри, когда он с ней познакомился, но, как он ни приглядывался, Гений не замечал между ними ни одной общей черты. Впрочем, это было для него большим облегчением: видеть перед собой копию молодой Эмри с проступающими сквозь неё чертами человека, к которому он испытывал сильнейшую неприязнь, было бы по меньшей мере мучительно.

— Зато ты подумала о моей безопасности, — возмущённо заявила Анна. — Как ты смеешь?

Даже Гению, искренне сопереживавшему Эмри в этой тяжёлой ситуации, было интересно, как она будет выкручиваться.

И возможно, в тот момент он впервые признался себе в том, что патологическая неспособность Эмри говорить правду, вопреки всякому здравому смыслу, его к ней влекла.

— Я действительно виновата перед тобой, — тихо сказала Эмри, убрав руку от лица, — и то, что я вспылила, — следствие того, как я изменилась, оставшись без внешней памяти. Но почему ты согласилась, а ведь ты добровольно на это согласилась, шантажировать меня вместе с Роулсом?

— Это я задаю вопросы, — громко и недовольно прервала её Анна. — Скажи мне, мама, неужели ты просто не могла нас всех оставить в покое? Ты убила моего отца, ты собиралась убить меня, только чтобы…

— Я клянусь тебе, я вовсе не собиралась. Я была не в себе, Анна. Я умоляю тебя простить меня. Хочешь, я на колени перед тобой встану?

— Встань, — неожиданно согласилась её дочь.

Эмри поднялась из-за стола, отошла немного в сторону и выполнила своё обещание, хотя выглядело всё это довольно нелепо. Глядя на стоящую на коленях Эмри, Гений подумал, что Анна, похоже, задумала весь этот разговор с единственной целью их обоих унизить.

Анна также встала из-за стола и подошла к матери, смерив её снисходительным взглядом.

— Так когда ты была не в себе? Когда самолёт решила сбить? А перед?

— До этого я за тебя очень волновалась, и сейчас очень волнуюсь, — ответила ей Эмри. — Я сделала всё, чтобы вывезти тебя из сектора как можно скорее.

— Трогательно, — вынуждена была признать Анна, которая вновь обратила своё внимание на Гения. — Скажи мне: что между вами было? — спросила она у него.

— Ничего, — солгал он, и эта ложь далась ему куда проще, чем всё, что было прежде, потому что в данном случае сказать ей правду у него бы всё равно язык не повернулся.

— Классно-удивительно, — заявила Анна и, обратившись к Эмри, вкрадчиво спросила: — Он что, опять мне врёт?

— Нет, Анна, послушай: всё это не имеет совершенно никакого отношения к делу. Даже если бы нас что-то связывало, это бы ничего не изменило. Я всегда тебя любила и буду любить…

— А моего отца ты любила? — с несколько неуместной иронией в голосе поинтересовалась Анна.

— Конечно, — без колебаний ответила Эмри, — но понимаешь, здесь всё немного сложнее. Ты — моя дочь, и я буду

любить тебя всегда, независимо от того, что ты сделаешь…

— Довольно. А его ты любила? — спросила она, указав на Гения.

— Нет, — глухо ответила ей Эмри, также ни секунды не колеблясь.

— Здорово, — резюмировала подозрительно довольная Анна. — Идеально.

Она обошла Эмри и встала между ней и Гением.

— И вы не встречались все эти годы? — спросила она, глядя на них обоих по очереди.

— Нет, — ответили они хором, а Гений удивился: он перестал понимать, к чему так упорно клонит дочь Эмри.

— Прям ни единый раз не встречались? — уточнила она.

— Нет же, Анна, — уверенно повторила её мать, — нас ничего не связывало. Я никогда его не любила. И всё это не имеет никакого отношения к делу в любом случае.

— Классно, — воскликнула Анна, — превосходно. А что есть вот это? — с мрачно-торжествующим видом спросила она, вытащив из внутреннего кармана ветровки стопку бумаг.

Гений их, конечно, узнал.

— Это мои письма, я их писал, — немедленно объявил он. — Я в самом деле очень хотел, чтоб твоя мать ко мне вернулась. Прости меня. Хочешь, я тоже…

— Молчи! Я не спрашивала тебя! — разъярённо выкрикнула Анна. — Мне плевать на твои письма. Ты мне никто. Это что?

Анна швырнула бумаги на пол перед Эмри, они разлетелись, но Эмри не стала их собирать. Она опустила голову и больше её не поднимала.

— Что это, мама? Понимаешь, я не о письмах, а о твоих ответах. Я спрашиваю тебя, как ты смела такое писать за месяц до моего рождения? А после? Сколько приглашений встретиться, мерзких признаний, как здорово. Жаль, папа ничего об этом не знал, он бы тебя заживо закопал.

— Это мои личные вещи, — холодно ответила Эмри. — Я никуда никогда их не отправляла. И вообще удивлена тем, что ты их нашла, учитывая, что они хранились в разных местах.

— Ты что думаешь, хорошо спрятала? — Анна зло рассмеялась. — Плохо. Что ты мне скажешь теперь? Что можешь сказать?

Эмри молчала. Гений подумал, что ничего хуже в жизни он не испытывал. Ровно в тот самый момент, как он, собираясь применить к Эмри А-17, влез к ней в голову, он понял, что этим всё и закончится. Не именно этим, вариации, конечно, были: сбитый самолёт, штурм или такой вот бескровный, но от этого не

менее болезненный вариант. Неизменным было одно: впереди маячило моральное падение, которому он никак не мог помешать. Более того, хотя он изо всех сил старался облегчить страдания Эмри, в результате только усугубил их, допустив её встречу с обвинителем лицом к лицу. И она была беззащитна перед обвинениями дочери настолько же, насколько он — беспомощен перед судьбой. Какой был смысл обладать властью, с которой ничто не могло сравниться, если он не смог с её помощью защитить единственного человека, который был ему дорог? Если б только он знал с самого начала, что защищать Эмри придётся от самой себя.

— Я презираю тебя, — сказала не дождавшаяся ответа Анна, и на сей раз в её голосе прозвучали убедительные нотки ненависти. — Я хочу, чтоб ты сдохла самой мучительной смертью. Ты будешь умирать одна. Все узнают о том, кто ты, никто тебе не поможет. Даже он, — она ткнула пальцем в Гения. — Ты ему надоешь.

Она демонстративно вытерла ноги о письма и направилась к выходу.

— Ты меня тоже раздражаешь, — бросила она напоследок уже в адрес Гения.

Когда она вышла, он тут же бросился к Эмри, которая, казалось, окаменела. Она не обратила на него никакого внимания, продолжая стоять на коленях и смотреть в пол.

— Пойдём домой, уже поздно, — сказал он. — Если хочешь, я побуду с тобой, или, наоборот, оставлю одну, но лучше тебе поспать.

Гений взял её за подбородок и слегка приподнял его, чтобы заглянуть ей в глаза.

«Джил спрашивала меня, что такого я нашёл в Эмри? Как же очевиден всегда был ответ на этот глупый вопрос».

Эта женщина была волнующе, до совершенства непредсказуема: несмотря на то, что он всего несколько часов назад прочитал её мысли, он вовсе не был уверен в том, какой она будет теперь. И вот он смотрел на неё, и эти острые, зелёные, насмешливые искорки в её глазах не оставляли ему никаких сомнений: то, что она чувствует, абсолютно непозволительно, она переживает не то, что должна сейчас переживать. Это было неприлично и волнительно для них обоих, куда более неприлично, чем всё, что случалось между ними прежде.

— Домой? — переспросила она, загадочно улыбаясь. — Ты, кажется, обещал мне что-то неэтичное.

Она встала с пола и заблокировала дверь.

XXXIX

— «Последний час свободного мира», «Расписание Судного дня: порядок применения информационного оружия», «Краткая история разложения Комитета по этике: 50 лет на страже свободного мира. От идеалов демократии до создания мирового правительства». Вот последняя статья, кажется, любопытная, что скажешь?

Эмри, одетая в чёрный шёлковый халат-кимоно, лежала на диване, закинув ноги на маленькую твёрдую подушку. Занималась она тем же, чем во все прочие вечера на этой неделе, не считая, разумеется, двух дней, которые она провела в комитете и восьмичасовых секретных (хотя, судя по заголовкам, уже нет) переговоров на одном из островов в самой южной части Второго сектора.

— Я скажу, что ты мне зубы заговариваешь, — ответил ей сидящий напротив Гений. — Хватит читать эту чушь. Ешь пирожные.

Она оторвалась от чтения и хитро посмотрела на него, а потом в очередной раз на чуть ли не двухметровый серебряный поднос с пирожными, занявший большую часть места в маленькой гостиной и до конца не вместившийся на два поставленных рядом низких стола.

— Ты понимаешь, сколько в них сахара? Ещё и после ужина. Ты хочешь откормить меня до ожирения и диабета?

— У тебя не будет ни того ни другого, если ты съешь парочку, — возразил он. — Ешь, иначе мне придётся тебя заставить.

Он в точности не знал, почему эта угроза так забавляет Эмри, но смирился с тем, что она работала. Конечно, это было шуткой. Что вообще могло бы быть нелепее, чем применить А-17, чтобы накормить кого-то? Кроме того, хоть Эмри об этом и не догадывалась, он заказал две сотни разных пирожных вовсе не для того, чтобы экстравагантным образом продемонстрировать ей свою заботу. У него были планы, в которые применение А-17 никак не вписывалось.

— Ты просто тиран, — с притворным возмущением сказала она, потянувшись рукой к подносу.

Её пальцы на мгновение зависли над тарталеткой со взбитыми сливками и малиной, но уже мгновение спустя задумчиво переместились к рядам с бледным суфле, пренебрегли глянцевыми ежевично-черничными шедеврами, чуть было не коснулись засахаренных лепестков фиалки на круглом маленьком

бисквите и, слегка задев вишенку на кремовой шапке, венчающей одно из безе, вытащили из пятого от Эмри ряда маленькое пирожное с тонко отрезанным прозрачным лимоном сверху.

— Ну нет, — столь же притворно возмутился Гений, пытаясь скрыть восторг. Он угадал! Но это было просто, настолько, что не требовало никаких технических средств. Предугадать следующий ход будет куда сложнее…

— Чем ты опять недоволен? — поинтересовалась Эмри, доев пирожное. — Я его выбрала, потому что оно по виду самое несладкое.

«Ага, конечно», — подумал он в тот самый момент, когда Джил в очередной раз решила ему позвонить.

— Слушай, я всё же с ней поговорю, — сказал он, предвидя грядущее недовольство Эмри.

— Поговори, — неожиданно согласилась она, хотя каких-то пару часов назад негодовала по поводу этих звонков. — Громкую связь включи.

«Она что, меня ревнует?» — приятно удивился он.

— Ну наконе-ец, — сказала Джил вместо приветствия. — Мне говорить, как меня всё это достало или сам угадаешь?

— Что-то произошло? — спросил он, зевнув.

— Что-то произошло, — энергично согласилась она. — Ты запер меня в доме с этим исчадьем ада и ещё спрашиваешь? Тебя что, вообще не интересует, что она уже всем порталам интервью пораздавала? Она уже перешла на жёлтую прессу, да будет тебе известно.

— Джил, — сказал он, внимательно наблюдая за тем, как рука Эмри вновь тянется к подносу, — я запер тебя с этим исчадьем, как ты говоришь, ада неделю назад. Что случилось-то?

— Да я не могу здесь больше находиться, вот что. Я же говорю тебе: два самых мразотных человека во всём мире встретились специально, чтобы породить это чудовище.

Эмри не удержалась от смеха, но вовремя закрыла рот рукой. Джил, судя по всему, была слишком зла, чтобы что-то заметить.

— Ты издеваешься надо мной или как? Если она всё равно треплется обо всём подряд, что знает и не знает, на кой ты её здесь держишь? Я уж молчу про себя. У меня развивается клаустрофобия.

— У тебя пять этажей в доме, не считая подземных, — напомнил ей Гений, — а теперь ещё есть с кем пообщаться.

— О-о, — сказала Джил, и Гений явственно представил, как она закатила при этом глаза, — ну ты и сволочь. Я тебе жизнь спасла, а ты…

— Так в чём дело? Анна у тебя косметику без спроса взяла?

— Косметику! Посмотри, что про меня написали в «The Sectoral Observer». Это всё месть за её конченого папашу.

— Ну сочувствую, — сказал он с улыбкой, подумав, что уж что бы там ни было, это всё равно не сравнится с тем, что он мог бы прочитать про себя, — это всё?

— Нет, ты же не заставишь меня ещё…

Он не дослушал и выключил связь. Джил вообще никогда не отличалась тактичностью, а уж с тех пор, как она оказалась на одной территории с Анной, постоянно докучала ему звонками. Гений задумался о том, что пора бы посвятить её в план: это должно заставить её успокоиться.

Эмри перестала гипнотизировать поднос, так ничего и не выбрав, и вернулась в прежнее лежачее положение. Гений встал с кресла.

— Неделя взаперти с Анной — это и правда слишком жестоко, — с усмешкой заметила Эмри. — Так себе благодарность, не находишь? Вот и помогай тебе после такого.

Она подвинулась, и он лёг рядом, обняв её одной рукой и подложив вторую себе под голову.

— Что, у Комитета по этике имеются претензии к руководству Третьего сектора? Неэтичное обращение с заключёнными? — спросил он, слегка притянув Эмри к себе за широкий пояс халата.

Она повернулась к нему, мрачно посмеиваясь. Эмри, которая четыре дня назад была официально избрана председателем комитета, стала не только самым молодым председателем за полувековую историю организации, но и единственным, чью речь все присутствующие в зале слушали в полной тишине. Трансляция выступления стала самой рейтинговой в истории, собрав даже ту аудиторию, которая понятия не имела, что Комитет по этике вообще существует. Если говорить о других рекордах, речь Эмри стала самой лаконичной за всё время существования комитета: продолжалась она не больше пяти минут и сводилась к заявлению о создании единого центра управления информационным оружием с участием представителей крупнейших секторов, который пресса моментально окрестила мировым правительством. «Действие А-17 с широкого согласия представителей секторов будет распространено на все сектора, равно как и на спорные, а также нейтральные территории. Хорошего дня», — на этом речь нового председателя закончилась, и Эмри удалилась, отказавшись отвечать на вопросы. Ну и самый любимый ею рекорд заключался в том, что она стала единственным в истории председателем комитета, удерживающим в заложниках четырёх его членов,

которые тоже, разумеется, проголосовали за неё.

— Комитету по этике придётся пойти на многое, чтобы удовлетворить требования руководства Третьего сектора, — игриво заметил Гений, бережно расправляя кружевной край её рукава.

— Ты так предсказуем, — она одарила его очередным насмешливым взглядом, — почти дословно повторил заголовок позавчерашней статьи в «World Herald».

— Я уже слышать не могу про эти ваши новости, — он, воспользовавшись отвлечённостью Эмри, прижал её к себе, думая о том, что принятие ею собственной порочности хотя бы неплохо отразилось на её внешнем виде: она перестала так настойчиво пытаться спрятать ото всех свои мнимые недостатки. И не будь А-17, не знай он в точности, что самый очаровательный председатель комитета в истории уже вынес распоряжение относительно своей участи, Гений бы несомненно купился на эту демонстрацию беззаботной распущенности. «Ты обманешь весь мир, любовь моя, но меня ты не обманешь уже никогда», — подумал он не вполне успокоенно, но с надеждой на собственные, пусть и весьма ограниченные, силы.

Он с грустью думал о том, что она так старается быть для него желанной, так болезненно воспринимает легчайшие намёки на утрату им интереса и при этом совершенно не хочет раскрыть ему свои тревоги, пресекает любые разговоры о том, что её беспокоит. Но она напрасно держала его за озабоченного идиота (впрочем, тут Гений вынужден был в очередной раз признать, что до чтения её внешней памяти он таковым и был). Его чувства к Эмри действительно изменились, правда вовсе не потому, что, как она с непоколебимой уверенностью считала, он с ней «наигрался». Информационное оружие, лишившее его счастливого неведения и возможности забыться рядом с ней, дало ему нечто совсем другое, нечто, что он считал более ценным: возможность её понять. И да, это понимание слегка отравило его удовольствие: он не мог больше не жалеть её, не думать о том, что отчасти и сам он повинен в произошедшем с ней, но он очень надеялся на то, что, понимая Эмри, сможет хоть чем-то ей помочь. Что ж, пока момент для этого не наступил, он со всей возможной старательностью делал вид, что всё между ними по-прежнему. И нельзя сказать, что он совсем уж лукавил.

— Есть свои плюсы в том, чтоб быть отрицательным персонажем, — заметила Эмри, делясь очередной сенсационной публикацией. — Можно узнать так много нового про себя. Вот, например, ты знал, что в шестьдесят пятом году мы с тобой останавливались на засекреченной вилле в Пятом секторе и

катались на лодке? Не удивлюсь, если и фото есть. Где ты, кстати, был в шестьдесят пятом году? — спросила она, подозрительно прищурившись.

— В Пятом секторе, конечно, — пошутил он, про себя подумав, что она могла бы и догадаться: он никогда в жизни не пересекал границу.

— Так вот, пока ты прохлаждался там с кем-то на вилле, я участвовала в подготовке конвенции о секторальном делении Евразии, я тогда почти всё время проводила дома, — она вздохнула. — Это было скучно.

Гению очень не нравился весь этот разговор: ему мучительно отчётливо представилось, как они с двадцатидвухлетней Эмри плывут по реке (имелась ли там в виду именно река?) на лодке, и она улыбается ему так беспечно, так невозможно счастливо, будто и не подозревает о том, что дома её ждёт трёхлетняя дочь и та самая настоящая, более полноценная и непонятная ему жизнь, ради которой она его покинула.

— А в семьдесят восьмом году, два года назад, нас вдвоём видели на пляже в Двенадцатом секторе. Я была в синих шортах и соломенной шляпе, само собой. У меня даже нет ни одних шорт, но ладно. Дальше тут говорится, что мы «с заговорщическим видом что-то обсуждали». Как думаешь, это как-то связано с информационным оружием?

Ему ужасно хотелось, чтоб она наконец замолчала и прекратила его истязать. Она не особенно горела желанием говорить о той своей настоящей жизни, но неслучившееся прошлое огорчало его не меньше, чем случившееся. Если Гений мог ещё хоть как-то примириться с мыслью о том, что Эмри предпочла ему другого, что у неё есть ещё целая жизнь, к которой он не имеет никакого отношения (ну разве не было у неё на это права?), то допущение о том, что они могли бы провести эту жизнь вместе и в особенности что они оба были бы в этом случае гораздо счастливее, приводило его в ужас. Прежде он никогда в полной мере не осознавал, сколько времени прошло с момента их расставания. У него не было ориентиров, за которые можно было бы зацепиться и ощутить гнетущую необратимость процесса: ни детей, которые росли бы и напоминали ему о ходе времени, ни друзей, которые переживали бы третий за восемнадцать лет развод, ни даже родителей, которые за прошедшие годы стали бы совсем пожилыми людьми. Жизнь в корпорации только на первый взгляд казалась разнообразной: мелькали, сменяя друг друга, лица, периодически появлялись новые проекты, время от времени случались какие-нибудь бессмысленные драмы, о которых через неделю все забывали, но на самом деле в тот день, когда Эмри

ушла, время остановилось. Пожалуй, это и было для него единственным способом согласиться с происходящим: когда ему её не хватало, он сидел у Эмри в комнате и смотрел на оставленные ею вещи. Разве можно было уйти навсегда и забыть всю свою любимую и такую дорогую одежду, разве можно было оставить стол таким неубранным, разве можно было даже не достать покупки из пакетов? Это было просто немыслимо. Он намеренно ничего не трогал, потому что наверняка вышло бы неловко, вернись она и обнаружь, что он копался в её вещах. Теперь ему было очень стыдно за то, что эта иллюзия её близости подменила ему живую, маленькую и несчастную Эмри, которую он даже не попытался вернуть, сделав трусливое предположение о том, что он ей безразличен и не нужен (ведь она так недвусмысленно дала ему это понять). Он и писал ей вовсе не для того, чтоб убедить её вернуться, это были скорее жалкие попытки сообщить о своём отчаянии и злости. А она меж тем оставила ему свой обратный адрес, и, реши он приехать, ему бы не пришлось её даже искать.

Увы, он абсолютно не умел жить. Он искренне не понимал, как можно говорить одно, думать другое и при этом страстно хотеть чего-то абсолютно противоположного. Гений не мог даже примерно представить, сколько лет ему нужно прожить, чтобы научиться самому, без А-17, понимать других людей. Слова никогда не имели значения, а он принимал их за чистую монету, думая, что Эмри и правда соглашается вступить с ним в брак лишь при условии, что их отношения всегда останутся исключительно дружескими, веря, что она и правда его презирает, ошибочно полагая, что уж она-то, в отличие от него, твёрдо знает, чего хочет от этой жизни. Считая её более сознательной и способной самостоятельно определять свою судьбу, он сильно переоценил её рациональность.

В другом, более правильном семьдесят восьмом году Эмри, не утратившая ни одного соблазнительного изгиба, конечно, шла бы рядом с ним по пляжу в синих шортах и они с самым наглым, самым вызывающе-сообщническим видом обсуждали бы у всех на виду неминуемое создание мирового правительства, неотвратимый крах бесполезного, жалкого по сравнению с их чувствами свободного мира.

— Вот уж не думала, что наступит время, когда я стану идеальным кандидатом на роль председателя комитета, — задумчиво прервала его мысли Эмри. — Когда ещё моя связь с тобой могла бы стать преимуществом?

— Ты всегда была идеальным кандидатом, — сказал он абсолютно серьёзно, прижав её настолько, чтоб ей стало неудобно

читать идиотские статьи. — Твоя связь со мной здесь вовсе ни при чём.

— Уж от тебя я такую глупость не думала услышать, — возмутилась Эмри. — Не умеешь ты делать комплименты, больше даже не пытайся.

— Кто сказал тебе, что это комплимент? — удивился Гений. — Я бы на твоём месте считал это оскорблением. Не знаю, ты в комитете так испортилась или это было всегда, но Джим Роулс — просто дитя по сравнению с тобой. Уж до создания мирового правительства даже он в своих планах не дошёл. Я сомневаюсь, что есть хоть ещё один человек в мире, который мог бы соперничать с тобой в коварстве.

— Я самый отвратительный человек на Земле? — с нескрываемым удовольствием спросила она. — Мне нравится это чувство. Что может быть лучше, чем когда тебя все ненавидят?

— Ну, может быть, абсолютная власть? — предположил он. — А не эти твои глупые мечты.

Эмри улыбнулась.

— Я надеюсь, ты не серьёзно. Ты так изменился в последнее время, что мне страшно, когда ты такое говоришь.

— Не одной тебе нравится быть отвратительной, — сказал он, гладя её по голове, а Эмри, не переставая улыбаться, закрыла глаза от удовольствия. — Ведь ты всегда хотела видеть меня таким.

— А, что бы я ни сказала, ты это и так знаешь. Ты нравился мне любым, просто это было… слишком непонятно, неправильно для меня, — она вновь замолчала и заговорила лишь спустя некоторое время, приоткрыв глаза. — А ведь мне интересно, что ты думаешь обо всём… что происходит, что произойдёт.

— Думаю, что умер и попал в рай, — ответил он, впервые не задумавшись над уместностью своего ответа.

— Да я же не об этом. Не о нас с тобой, — она вдруг погрустнела. — Подумай, как мне тяжело вовлекать тебя в настолько опасное предприятие, к которому ты ещё и безразличен. Потому я и хочу знать, чего бы хотел ты.

— Я бы хотел, — ответил он, вспомнив о своих планах, — чтобы ты ела пирожные, а не отвлекалась на бессмысленные разговоры.

— Ты как всегда, — возмутилась его несерьёзностью Эмри. — Ну давай, можешь меня покормить, если хочешь.

— Нет уж, — он, не обращая внимания на её недовольство, отстранился и вернулся на своё место в кресле напротив, — ты что, сама не можешь поесть, что ли?

— Ты неисправимо не понимаешь моих намёков, — ещё более

разочарованно сказала она.

Но он отлично понимал её намёки. Это Эмри не очень понимала, чего он от неё хочет. Впрочем, она и не должна была понимать.

XL

В тот день, когда на Калифорнию упала ядерная бомба и Соединённые Штаты вдруг стали менее соединёнными, когда сотрудники корпораций по всему миру, толкаясь и сбивая друг друга с ног, ломились в предусмотрительно оборудованные бомбоубежища, когда младший эксперт Комитета по этике Джим Роулс, некстати вернувшийся домой, трясся от страха в подвале, Гений дал первое обещание, которое не мог не нарушить: он пообещал Эмри, что с ней никогда не случится ничего плохого. Выбрать момент менее подходящий для этого было попросту невозможно: пока все окружающие так отчаянно хотели забиться куда-нибудь поглубже, что готовы были тут же расстаться с жизнью в давке, они, никем не замеченные, вошли в отдел и расположились у зеркальных окон, выходящих на один из бесчисленных садов внешнего города, цветущих вопреки мартовской слякоти. В тот день все с таким упованием ждали конца света, что, как бы невозможно это ни звучало, пропустили его, не заметив, как единый свободный мир, незыблемость которого прежде даже не ставилась под сомнение, распался на маленькие феодальные кусочки. С того самого дня в этом новом мире уже никто не мог быть в безопасности и уж тем более никто не мог эту безопасность гарантировать.

«Ты не должна возвращаться в сектор, ты можешь оставаться здесь», — сказал он ей в тот день. Потому ли, что боялся за её жизнь? Или просто нашёл предлог, чтобы её не отпускать? Эмри не знала точно, но предполагала, что истина где-то посередине.

И так же, как все прочие боялись не того, чего следовало бы, ожидая ядерной войны, которой просто не могло случиться (хотя бы потому, что в новом постапокалиптическом мире было совершенно неясно, по кому наносить ответный удар), так и Гений понятия не имел, как и, главное, от чего он должен защитить Эмри. Увы, мир, полностью контролируемый информационным оружием, был единственным, в котором он мог бы выполнить своё обещание. Он так любил А-17, выделяя его среди прочих разработок, которыми занимался, именно по той причине, что оно приближало к нему этот понятный и безопасный мир.

Но Эмри не хотела быть оберегаемой и не просила его давать это обещание: её унижала сама идея его покровительства, в которой ей не зря виделось нечто зловещее. Она была его подарком судьбы, перевязанным бантом, а он — законченным психопатом, ревностно оберегающим свой подарок от любого

посягательства и ущерба. Но самое плохое заключалось в том, что Эмри всё это доставляло удовольствие. Но ещё больше, больше, чем что бы то ни было, ей нравилось выводить его из себя. Теперь она наконец могла себе в этом признаться: она обожала его злить, это было самое прекрасное чувство, которое она когда-либо испытывала. Увы, Эмри слишком хорошо понимала, насколько это неправильно.

Гений, конечно, не догадывался о том, что главной целью её поездки в Первый сектор и комитет было вовсе не прохождение формальностей, связанных с её вступлением в должность. Положение Эмри всё равно никто не ставил под сомнение: у неё была настолько идеальная легенда, на глазах обраставшая скандальными подробностями, что её искренность на переговорах не вызывала ни у кого ни малейших подозрений и не нуждалась ни в каком формальном подтверждении. Она могла вообще отказаться от всякой связи с комитетом и вести переговоры от своего лица, а не сделала этого потому только, что её избрание председателем добавляло очередную пикантную черту к образу властолюбивой карьеристки, лишённой всяких моральных принципов, образу, для создания которого ей вообще не пришлось прилагать усилий: всё сделали за неё Анна и другие загадочные информаторы. Вот только они и не догадывались о том, что, щедро снабжая прессу правдой и домыслами о неэтичном поведении новоизбранного председателя, они играют в её игру. Неверная жена и ужасная мать, готовая пожертвовать жизнью своего ребёнка, лишь бы избавиться от конкурента в борьбе за власть в комитете, хитрая соблазнительница, помыкающая главой Третьего сектора (или это он ею помыкал? тут мнения разошлись), двойной агент, протащенный в комитет обходным путём… Иными словами, она была идеальным председателем комитета, тем самым человеком, кому главы секторов поверили безоглядно, ведь Эмри и её устремления были им в высшей степени понятны. Она, как ни странно, вызывала у них больше доверия, чем предельно корректный и обходительный Роулс, предлагавший бескорыстно поделиться технологией. В случае с Роулсом неоднократно всплывали вопросы о том, что от этой операции выигрывает комитет, от Роулса ждали подвоха; Эмри же казалась им совершенно рациональной, она делала именно то, что делал бы на её месте каждый из них: вела переговоры с позиции силы. Она без всякого труда зарезервировала для себя место руководителя центра управления с самыми широкими полномочиями. Разумеется, для контроля за соблюдением этических норм и недопущения конфликта интересов (на этом месте кто-то из представителей секторов

нервно рассмеялся). Она перенесла центр из Второго сектора на нейтральную территорию, обеспечила все возможные меры безопасности и равное присутствие военных сил всех секторов в зоне, отведённой под штаб-квартиру новой организации, а также большую бесполётную зону вокруг неё. Джим Роулс был джентльменом и идеалистом, рассчитывавшим на то, что раздел и распространение информационного оружия пройдёт мирно и ни у кого из руководства секторов не возникнет и мысли о том, чтоб устроить небольшую военную диверсию и лишить конкурентов возможности применения А-17. Эмри же, напротив, так открыто не доверяла им, что у них не осталось никаких сомнений: она абсолютно свой человек, такой же прагматичный, как они все.

Новый конец света обещал пройти ещё более незаметно, чем предыдущий, но на этот раз информация о нём каким-то чудом (да что там, вовсе не чудом) просочилась в прессу. Также прошёл слух о том, что в день икс лучше не покидать свои дома. Слух был неофициальный, но многие ему поверили, и в некоторых секторах был даже введён комендантский час. Что касается Третьего сектора, в котором А-17 действовало уже больше месяца, там ситуация была аналогичной: улицы опустели, все сидели по домам. Всё было так же, за исключением того, что никто не бился в истерике, не пытался покончить с собой или напиться до беспамятства.

То есть — почти никто.

«О мой бог, как мило это, — заявила уже изрядно перебравшая, несмотря на ранний час, Анна, развалившаяся на горе подушек в гостиной. — Уборщик успешно рисует картины. А он был продавцом. О, А-17 — просто чудо, грязные пропагандисты, наглые обманщики», — сказала она, но как-то сонно, без должной ярости.

За двадцать с лишним дней, проведённых в доме Джил, пыл Анны угас, она даже перестала пытаться наброситься на хозяйку каждый раз, когда та говорила ей что-то оскорбительное. Кроме того, надо сказать, интерес СМИ к личной жизни её матери ослаб, и Анне представлялось куда меньше случаев для мести окружающим. Теперь всё больше писали не о безнравственности Эмри: эта тема общественности уже порядком наскучила, тем более что ничего, кроме жёлтых, сочинённых от начала до конца историй про них с Гением, всё равно не публиковалось; внимание переключилось на разложение Комитета по этике вообще. Наконец кто-то из комитета (Сонцев? Моррван?) дал адекватный комментарий о том, какую роль сыграл во всей истории Роулс, и Эмри на фоне этого перестала казаться нечеловечески хитрой интриганкой, надругавшейся над демократической институцией.

Она была достойным продолжателем традиции, не более того.

Джил не улыбалась идея смотреть двухчасовой умиротворительно-пропагандистский фильм про быт людей под А-17, снятый каким-то восторженным придурком из Одиннадцатого сектора для пока ещё свободного мира. Она была собрана и трезва и с издевательским удовольствием наблюдала за тем, как Анна безуспешно пытается справиться со своим страхом. О, какой беспомощной, несмотря на все её попытки изобразить равнодушие, она была, как жалко хлопала густыми ресницами, как тряслись её длинные пальцы. Не было, пожалуй, во всём мире человека, который боялся бы и ненавидел А-17 больше, чем она. Для Анны применение информационного оружия было глубоко личным оскорблением. Само собой, она агрессивно реагировала на любые шутки по поводу её отца, который, по мнению Анны, был чуть ли не святым и погиб, героически выполняя задание. В какой-то момент Джил даже смогла посмотреть на ситуацию её глазами и как следует повеселиться: ведь так оно и было. Эс и правда выполнял задание (и действительно, как он считал, в интересах свободного мира), Роулс и Эмри и правда его подставили и не спасли, хотя могли бы, Эмри и правда ему изменяла. Вот только Анна упускала из виду одну небольшую деталь: Эс заслужил всё это, как никто другой. Но неужели от неё можно было ожидать объективности? Конечно, она видела в распространении А-17 поражение всех идей, за которые, как она высокопарно выразилась, погиб её отец (Джил попыталась доходчиво и ёмко объяснить, за что он погиб на самом деле, но в результате получила только синяк на руке).

«Кто бы мог подумать, что страдать за интересы свободного мира буду я? Ещё и физически», — подумала Джил, внимательно следящая за временем. Миссия у неё, конечно, была так себе, но она намеревалась остаться верной своему слову. Да и предыдущее её задание, следить за Анной и будто бы невзначай сливать ей нужную информацию, было куда хуже. Теперь оставалось только незаметно ускользнуть из дома, остальное было проще. В идеале план вполне мог обойтись без неё, она была нужна разве что для перестраховки на случай, если Гений всё же ошибся.

Утро в Третьем секторе казалось чуточку менее отвратительным, чем обычно, поскольку это было то самое утро, в которое всё должно было закончиться. Эмри проснулась за две минуты до будильника и, открыв глаза, села на кровати, ища ногами тапочки. К счастью, проснулась она не в своей музейной спальне, а в комнате Гения, где не было вообще ничего, кроме не слишком удобной кровати. Эмри было не на чем остановиться взглядом в то утро. Она встала и пошла умываться так, словно это

имело ещё какое-то значение.

По пути в ванную комнату Эмри прошла через гостиную и слегка удивилась, обнаружив на столе завтрак и свёрнутую записку. «Что, серьёзно?» — спросила она вслух, хотя, конечно, он, находясь за тысячи километров от неё, не мог её услышать. «Завтрак от человека, который не умеет готовить. Что могло бы быть ещё более неуместным в этот день? — она потёрла рукой заспанные глаза. — Ну, разве что цветы в ванной». Она открыла дверь и рассмеялась, хотя её смех был куда неуместнее даже нелюбимых ею роз, которыми оказалась доверху завалена ванна. И если б Эмри не была до такой степени поглощена своими мыслями, всё это, несомненно, заставило бы её задуматься. Вот только в то утро она восприняла это как очередной нелепый и неудачный знак внимания и на этом остановилась. Она неспешно оделась и вышла из дома, созерцательно глядя по сторонам. У неё ещё было время.

Даже удивительно, насколько мало всё здесь изменилось за восемнадцать лет: как будто все эти маленькие деревья-мутанты с жёсткими листьями законсервировались в стеклянной банке оранжереи в ожидании возвращения Эмри. Вот только, увы, на самом деле она сюда никогда не возвращалась. Точнее говоря, как бы Гению ни нравилось верить в обращение времени вспять, она давно уже стала совершенно другим человеком, не имеющим ничего общего с прежней Эмри. Тогда как он вместе с внешним городом тоже законсервировался в маленькой, неприлично расходящейся с его статусом квартирке, полной старого барахла, и, казалось, ни на день с тех пор не постарел, она жила. И пусть он с упоением одержимого это игнорировал, он давно любил не её, а свои воспоминания.

«И пусть, — подумала она, задрав голову и мысленно оценив высоту здания. — Надеюсь, он не успел слишком во мне разочароваться. Надеюсь, ему было так же постыдно хорошо со мной, как мне с ним». Она шла по петляющей гравийной дорожке, минуя все входы в корпорацию, и мечтала о слезах. Сейчас положено было размышлять о чём-то серьёзном, раскаиваться, сожалеть, но она почему-то не могла. Что ж, это расхождение между тем, что она должна была чувствовать, и тем, что она чувствовала на самом деле, и было причиной, предопределившей её планы.

Дорожка вынырнула из сада и вывела её к одному из новых кварталов, где дома были уже гораздо выше, а застройка плотнее. «Хоть что-то новое здесь появилось за восемнадцать лет», — подумала Эмри, хотя архитектура её вовсе не впечатляла. Все эти новые стоэтажки по всему миру были словно спроектированы

одним человеком.

Примерно в том же стиле, хоть и гораздо ниже, было и здание, где располагалась штаб-квартира комитета. Всего каких-то пару недель назад она встречалась там с главой Одиннадцатого сектора, пожилым мужчиной с отвратительно сочувственным взглядом, который так долго говорил ей о своём сопереживании, что она успела его возненавидеть. Эмри прекрасно знала, что Одиннадцатый сектор никогда не выдаёт тех, кто бежит туда из Первого: ни комитету, ни тем более самому Первому сектору: ядерная бомба, запущенная с одной части уже-не-соединённых-штатов на другую, хоть и не уничтожила, как планировалось, конкурентов, зато изрядно подпортила отношения между частями некогда величайшей мировой державы. Но к просьбе будущего председателя мирового правительства можно было бы отнестись и внимательнее, всё-таки речь шла о её семье.

Эмри заплатила высокую цену за то, чтобы стать самым отвратительным человеком на планете: она потеряла не только Анну. В тот день, когда она пообещала сбить самолёт, Анна позвонила своим бабушке и дедушке, родителям Эмри, которых та когда-то по договору с Роулсом также привезла с собой в Первый сектор и которым теперь оставила младшую дочь. И в тот же день они втроём, не забрав с собой почти никаких вещей и даже не связавшись с самой Эмри, пересекли границу Первого сектора, преодолели нейтральную зону и, судя по всему, успешно прошли границу с Одиннадцатым сектором сутки спустя. Дальше их след терялся: они оказались настолько далеко, что отследить их из Первого сектора стало невозможно.

Это было больно, но беда заключалась ещё и в том, что Эмри оказалась заложницей положения: если бы она решила давить на главу Одиннадцатого сектора, настаивая на полномасштабной поисковой операции, это, несомненно, вызвало бы его подозрения. Не было никаких оснований полагать, что её семья в опасности, а скорое распространение А-17 на все сектора означало, что найти сбежавших можно будет за считанные минуты. Она изо всех сил пыталась прикинуться не в меру впечатлительной и нервной, но он на это не повёлся, продолжив пичкать её лживыми утешениями и заверениями в том, что их сектор — самый безопасный в мире, и в том, что, если б с её родственниками что-то произошло, это было бы уже известно. На самом деле (Эмри была в этом уверена) он и палец о палец не ударил, чтобы решить её проблему. Действительно, ну кто бы мог поверить, что в 2080-м году глава «самого безопасного» сектора не может найти на своей территории нескольких человек? И Эмри

прекрасно знала, что проблема даже не в неприязни к ней лично, вредный старик ведёт себя таким образом по вполне очевидной причине: он принципиально не хочет сотрудничать с комитетом, который, хоть и расположен на нейтральных территориях, в общественном сознании прочно ассоциирован с Первым сектором.

Эмри прошла через гранитно-металлический, безукоризненно чистый двор и в очередной раз посмотрела наверх. Она обладала властью, которой прежде не обладал никто, и эта власть ничего не могла исправить, никак не могла ей помочь. Ей почему-то вспомнилось беспредельно счастливое лицо Гения в тот день, когда она улетала в Первый сектор (ну, если в чём-то они и были похожи, так это в неуместности переживаний). И она, как ни странно, прекрасно тогда его поняла. Он был так рад вовсе не тому, что она уезжает, а тому, что его главный страх потерять её ещё раз, с которым он так долго боролся, утратил над ним свою власть: он знал, что она вернётся.

В последний момент она передумала, её рука скользнула по позолоченному сенсору открывания двери, но она не стала входить. Ей было некуда торопиться. Эмри обернулась и пошла дальше, в глубь нового квартала.

У жизни было довольно мрачное чувство юмора: Эмри, мечтавшая о крахе корпораций, о том, чтобы изменить мир к лучшему, сделав его действительно свободным и справедливым, стала известна как человек, который лишит мир последней ещё остающейся у него свободы: свободы выбора. Она так хотела лучшего, а теперь вынуждена была изворачиваться, отрекаясь от всех принципов, лишь бы не допустить худшего. Эмри, всей душой ненавидящая корпорации, увы, испытывала к главе MJ не только болезненное влечение (это она ещё могла бы себе простить, поскольку уж она-то знала, сколь темна и неприглядна человеческая природа) — она любила его и ни за что не хотела видеть, как он к ней неизбежно охладеет. Эмри не хотела видеть, как сбудется пророчество её дочери и она надоест Гению, не хотела именно потому, что Анна была права. Увы, эта его «любовь» к ней была ужасной пошлостью, неуместной, неприложимой к моменту, когда она уже совершила чересчур много непоправимого.

«Вот теперь время определиться, — Эмри остановилась между четырьмя многоэтажками и в самый последний раз посмотрела наверх. — Никакой разницы», — решила она и пошла к ближайшей по правую сторону.

В лифте заложило уши, но она настолько пыталась сконцентрироваться и думать о чём-нибудь грустном, что не

обратила на это никакого внимания. Дверь на крышу поддалась ей без всякого труда. Любопытно, но с этого здания открывался отличный вид на сады внешнего города, и прямо внизу, скрытая оранжерейным стеклом, расстилалась та маленькая лимонная роща, в которой они когда-то так любили проводить время и в которую, разумеется, не пошли восемнадцать лет спустя: уж слишком от этого веяло сентиментальностью и погоней за невозвратимым. Во внешнем городе и без того хватало красивых мест для прогулок.

«Это должно было бы доставить тебе огромное удовольствие, — подумала она, мысленно обращаясь к Гению и неотрывно следя за временем. — Никогда в своей жизни я ещё не полагалась на тебя в такой степени. И уже никогда не положусь».

Если б не удачное стечение технологических обстоятельств, смерть Эмри могла бы оказаться куда более мучительной, а если б она так и не решилась на самоубийство, жизнь после всего, что она сделала, была бы мучительной вдвойне: она, пожалуй, и стала бы для Эмри самым страшным наказанием за всё.

И раз уж ей выдался шанс закончить свои страдания безболезненно, она не собиралась его упустить: ровно в десять часов по местному времени в её внешней памяти, как и во внешней памяти всех остальных жителей Земли, возникнет сбой, вследствие которого она на несколько минут потеряет сознание.

«И почему мне так хочется, чтобы ты выжил? Как будто всё это ещё имеет какое-то значение», — подумала она, хотя в последние две минуты, наверно, следовало бы предаваться каким-то более безысходным мыслям. Но, увы, чем дальше, тем меньше она могла себя контролировать. «Какая же ты бессердечная дрянь, Эмри», — сказала она вслух, на этот раз — самой себе. Даже теперь, попрощавшись с этим миром, она упорно фальшивила, продолжая испытывать не то, что должны испытывать все нормальные самоубийцы.

Ей вспоминалось другое, бесконечно далёкое теперь утро, пришедшее на смену той ночи, когда Гений выгнал её из квартиры и велел не попадаться ему на глаза. Это было, пожалуй, одно из самых любимых воспоминаний Эмри: её так забавляла борьба Гения с собственными очевидными желаниями, что она, конечно, просто не могла от него отступиться, и необходимость следить за ним выступала в данном случае не более чем предлогом. Она специально пришла в отдел раньше него (хотя с его графиком это далось ей непросто), чтобы поотвлекать немногочисленных в тот ранний час сотрудников от работы. В отделе обнаружилось даже несколько человек, которые смогли её

вспомнить, и она, разумеется, нашла, что с ними обсудить. Когда сам Гений, непричёсанный, не слишком гладко выбритый и невыспавшийся (спал ли он вообще?), зашёл в свой отдел, она подумала, что готова была бы много заплатить за то, чтоб ещё хоть один раз увидеть его настолько возмущённым происходящим. В тот момент она, кажется, присев на краешек стола, рассыпала комплименты туфлям молодой девушки-стажёра и с искренне довольным выражением лица обсуждала с ней разницу в том, что носят теперь в Первом и Третьем секторах, а один из узнавших её сотрудников, пытаясь привлечь её внимание, любезно протягивал ей стакан с кофе.

Когда Гений схватил её за локоть и резко потянул в сторону кабинета, Эмри сохранила всё такой же непринуждённый вид и продолжила свой разговор с сотрудницей, правда для этого ей пришлось обернуться и говорить громче.

«Меня нет», — раздражённо объявил он, втолкнув Эмри в кабинет.

Эмри показалось, что за захлопнутой им дверью кто-то не выдержал и сдавленно засмеялся. Да, не только ей редко выпадало удовольствие видеть его до такой степени взбешённым. И да, это было слишком прекрасное утро, чтобы в очередной раз выслушивать его нотации. Если он и мог кого-то запугать, только не её, ей он был совершенно не в состоянии даже слегка испортить настроение.

Всё с той же милой, благожелательной улыбкой на лице она размахнулась и что было сил ударила его по щеке. И то короткое, практически моментально исчезнувшее с его лица выражение невинного удивления, непонимания, чем он мог бы это заслужить, абсолютно того стоило.

Он так этого и не понял, но понимание было тут совершенно излишним. Эмри достигла своей цели: этот удар стал для него последней каплей. Они потратили восемнадцать лет на то, чтоб поиздеваться друг над другом, у них оставалось слишком мало времени, чтобы продолжать в том же духе.

И вновь Эмри пришла в голову совершенно неуместная метафора: она подумала о том, что весь её план сводится к тому, чтобы залепить такую же наглую и неожиданную пощёчину каждому мировому лидеру, каждому политику, грезящему о перспективах, открываемых всемирным распространением информационного оружия. И с особенным, ничем не отягчённым удовольствием она бы ударила по лицу главу Одиннадцатого сектора. Возможно, не один раз.

На этой фальшиво-оптимистической ноте у неё кончилось время: она разбежалась и прыгнула вниз.

XLI

— Так что, вы говорите, Меженова сделала с организацией освобождения? — полюбопытствовал занявший освободившееся в комитете место Питер Маркус, который ждал этого назначения, кажется, уже лет десять.

— «Освобождают» теперь бывший Четвёртый сектор, — с готовностью ответил Моррван. — У них же там объединение намечается. Совместный совет директоров и всё такое. Нужна инфраструктура, вот они и строят, — он махнул рукой. — Короче, что с А-17, что без — сплошное нарушение прав человека.

В комитете прошла беспрецедентная по масштабам чистка, в ходе которой все уличённые в содействии Роулсу были не только исключены из основного состава и штата экспертов, но и, если на то были основания, — отданы под суд.

— Я бы на твоём месте не была так радикальна в оценках, — осторожно заметила Сонцев.

Однако Моррвана её серьёзный тон вовсе не лишил желания давать комментарии.

— Уж кто, как не я, Хелен, может оценивать, а? Это не нас с тобой больше двадцати дней продержали взаперти? Съездили в командировку, называется. Не знаю, как ты, а я в Третий сектор больше ни ногой.

Она недовольно вздохнула.

— Я очень надеюсь, что наш председатель появится в ближайшее время, иначе нам… придётся как-то решать этот вопрос.

— «Наш председатель»? Ты имеешь в виду «наш спаситель человечества»? Ну, насколько мне известно, она до сих пор в Третьем секторе.

— Что она там делает столько времени? — спросил Маркус.

Сонцев предостерегающе посмотрела на уже готовившегося ответить Моррвана, и он демонстративно развёл руками.

— Вот по этому поводу я бы уж точно воздержалась от шуток с учётом того, что её никто не видел с того дня, как А-17 было отключено и мы покинули сектор. Её дочь вообще сказала, что она покончила с собой. Так что ничего особенно смешного во всём этом не вижу.

— Ну как знаешь, Хелен, — обиженно сказал Моррван, — а я в это точно не верю. Меженова же однозначно сообщила, что с Эмри всё в порядке и сегодня она появится здесь.

— Я думаю, если б с ней всё было в порядке, она бы давно уже с нами связалась. Как-никак почти неделя прошла, — не

слишком весело возразила Сонцев. — К тому же мы ждём её уже час, а я не помню, чтоб она хоть раз куда-то опоздала.

— В таком случае, полагаю, мы должны начать без неё, — признал Моррван. — Тут, кажется, было какое-то письмо на её имя.

— То есть? — Хелен пристально посмотрела на него.

— Ну, бумажное письмо. Бывший секретарь Роулса передал.

В этот раз на него с недоумением посмотрели абсолютно все присутствующие.

— А ты не думал, что это может быть опасно? Кому, бога ради, могло понадобиться отправить бумажное письмо в комитет?

— Сама лучше посмотри, — предложил Моррван, подвинув к ней конверт.

Сонцев, впрочем, не торопилась следовать его примеру и брать конверт руками. Она слегка привстала, чтобы рассмотреть надписи на нём.

— Ошибка в имени? Очень мне всё это не нравится, и предлагаю не вскрывать, — резюмировала она.

— Ошибка? — с усмешкой переспросил Моррван. — Я бы сказал, Меженову виднее. К тому же, если рассматривать «Эмри» не как имя, а как типичное международное сокращение, образованное от имени с реверсированием первого слога… Всё логично.

— Логично, да только неправильно, — прервала его Сонцев. — Но и это не главное. Обрати внимание на дату отправки письма.

— Тридцать первое августа. Ты намекаешь на то, что оно месяц сюда шло? Ну бывает, — Моррван вновь пожал плечами и придвинул письмо назад к себе.

— Да нет же, — Сонцев даже удивилась его недогадливости, — я намекаю на то, что тогда Эмри ещё не была председателем Комитета. А здесь ты сам видишь, что написано… Это, помнится мне, тот день, когда мы пытались уничтожить А-17, и…

Она не договорила, прервавшись на полуслове. Моррван сделал раздражённое выражение лица.

— Да что там, ядерная бомба, что ли? — спросил он, резким движением распечатав конверт и вытащив вложенную в него бумагу, несмотря на ужас, написанный на лице Сонцев. Он провернул всё так быстро, что она и слова не успела ему сказать. — Всего одна строчка. Жаль, что я не могу разобрать. Корявый почерк.

— Тебе помочь? — поинтересовалась стоящая за его спиной Эмри. — Я, ты знаешь, немного понимаю по-русски.

Он выпустил письмо из рук и обернулся. Это и правда была она. Кто ещё мог до такой степени любить театральные эффекты?

— Эмри, не может быть, — Моррван всплеснул руками и рассмеялся. — Надеюсь, ты меня простишь. Мы тут тебя уже практически, э… похоронили. Как Третий сектор?

— Ну, с похоронами вы несколько поторопились, — заметила она, занимая пустующее место во главе стола, — а по поводу Третьего сектора знаю не больше вашего: я уехала оттуда в тот же день, что и вы. Была с семьёй в Одиннадцатом. И вы не представляете, как же замечательно вернуться в родной комитет и обнаружить, что тут всё так же, как прежде, попираются нормы этики. За одно только это стоило бы спасти свободный мир.

Моррван сделал пристыжённое выражение лица и, убрав листок назад в конверт, положил его перед ней на стол.

— Но что вы вообще сделали? Как вам всё это удалось? Я из твоей речи понял только, что информационного оружия нет больше ни у кого. Но как вам удалось заставить сектора сдать все копии?

— Ты действительно ничего не понял, — ответила ему Эмри. — Конечно, мы рассматривали разные варианты, в том числе и вариант просто стереть все данные со всех машин, включённых в систему. Но какой идиот перед присоединением к глобальной системе не сделает и не спрячет где-нибудь копии своих разработок? Так что это был не особенно рабочий вариант. Мы какое-то время думали над разными типами своего рода антивирусов, которые мешают действию информационного оружия. Третий сектор имел такого рода разработки, и они, в общем-то, не так уж плохи. Вероятно, они на данный момент даже лучшие в мире. Именно их, а также разработки других секторов, планировалось использовать для защиты мировых лидеров от действия А-17. Но ведь проблема в том, что всю эту защиту можно обойти, было бы время, желание и ресурсы. А другой такой шанс переписать носители по всему миру нам уже никогда не представится. В общем, в итоге был придуман другой вариант: мы нашли способ нанести точечные и необратимые повреждения всем носителям, подключённым к глобальной системе, так что в результате большая часть воспоминаний зафиксировалась. Хотя вы, наверно, уже заметили минусы, связанные с запоминанием: общий объём памяти сократился в несколько раз.

— Вот же, — с досадой сказал Моррван, — я думал, это со мной что-то не то. А это весь мир стал глупее. Кстати, Эм, а где Меженов?

Она посмотрела на него с нескрываемым, глубочайшим удивлением в глазах.

— Ты считаешь, он мог выбраться живым из псевдо-мирового-правительства?

— Э, нет, — Моррван погрозил ей пальцем, — отвечай на мой вопрос, а не задавай свой. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Кхм, Мор, может, ты не будешь заставлять нового председателя комитета начинать своё первое плановое совещание со лжи? — ненавязчиво поинтересовалась Сонцев. — Это, я думаю, не имеет никакого отношения к делу. В любом случае он больше не глава Третьего сектора и А-17 — больше не угроза.

Эмри, рассеянно слушая, как они обсуждают меры по стабилизации положения в секторах, вытащила записку из разорванного конверта с отметкой Киберпочты России и ещё раз посмотрела на единственную строчку письма.

«Если я не могу спасти тебя от морального падения, от физического — могу». Это было нелепо. И это заставило её улыбнуться. Она хотела бы сказать, что впервые тогда поверила в его искренность, но на самом деле это произошло гораздо раньше: в тот момент, когда Эмри, очнувшись всё на той же крыше, получила от него координаты своих родителей и дочери и тут же, как смогла, воспользовавшись слухом о своей смерти, по фальшивым документам въехала в Одиннадцатый сектор.

Слишком поздно было начинать новую жизнь. Эмри так долго укоренялась в своих убеждениях, боясь отступить от той несуществующей версии себя, которую она когда-то оставила в Третьем секторе, что не заметила, как сама окружила себя фантастическими образами: близких, которые никогда её не простят, Гения, который не мог её понять и потому не заслуживал её доверия, наконец, себя, загнанной в угол, из которого нет и не будет никакого выхода. Не всё можно было исправить, и слишком поздно, неправильно, неуместно было начинать теперь новую жизнь. Но разве неправильность когда-то могла её остановить?

Эмри на мгновение закрыла глаза и подумала о том, что, наверно, в прошлой жизни она сделала что-то очень хорошее, за что в этой получила столько шансов исправить хотя бы часть своих ошибок.